

Марк Туллий Цицерон

О ДИВИНАЦИИ

Книга I

I. (1) Существует древнее мнение, ведущее свое начало чуть ли не с героических времен¹; мнение, которого придерживаются и римляне и все другие народы (и это единодушие, несомненно, подкрепляет его), что есть у людей нечто такое, что у нас называется дивинация (*divinatio*), а у греков *μαντική*, т. е. способность предчувствовать и узнавать будущее². Это была бы, конечно, великолепная и спасительная вещь (если бы только она существовала в действительности), с ее помощью смертная природа могла бы вплотную приблизиться к божественной. Так что мы в этом, как и во многом другом, поступили лучше, чем греки, присвоив этой превосходнейшей способности название, производное от слова “*divus*”

(божественный), между тем как греки, судя по толкованию Платона³, произвели свое название от [слова “μανία”, означающего] «исступление» (furor).

(2) Я по крайней мере не знаю ни одного народа, будь то самый цивилизованный и образованный, или дикий и варварский, который не верил бы в возможность предзнаменований будущего, и в то, что некие люди способны понимать эти предзнаменования и предвещать.

Обратимся к авторитету самых древних и начнем с ассирийцев. Населяя страну ровную и обширную, они могли наблюдать небо, со всех сторон открытое, внимательно следить за передвижением и перемещением звезд. Наблюдая все это, они заметили, что предзнаменуют те или иные изменения в положении небесных светил, и эти свои познания передали позднейшим поколениям. Среди этого народа халдеи (название это происходит не от их искусства, а от названия их племени⁴), постоянно наблюдая за звездами, создали, как считают, целую науку, которая дает возможность предсказывать, что с кем случится и кто для какой судьбы рожден. Считают, что это искусство развивалось также у египтян с глубочайшей древности и в течение почти бесчисленных столетий.

Жители же Киликии, Писидии и соседней с ними Памфилии (я в свое время сам управлял этими странами⁵) считают, что полет птиц и их пение — это самые верные знамения, чтобы предсказывать будущее. (3) А Греция, разве выслала хоть одну колонию в Эолию, Ионию, Азию, Сицилию, Италию без оракула Пифии или Додонского, или Аммона⁶? А какая война предпринималась Грецией без совета, полученного от богов?

II. И в государственных и в частных делах применяется не один только вид дивинации. Не говоря о других народах, какое множество видов [дивинации] в ходу у нашего! Сначала родитель этого города [Рима] Ромул, согласно преданию, не только применил ауспиции при закладке города, но и сам также был наилучшим авгуром⁷. Затем и другие цари использовали авгуров, а после изгнания царей никакое государственное дело ни в мирное время, ни на войне не велось без ауспиций. А так как казалось, что наука гаруспиков имела большое значение и тогда, когда нужно было испросить что-нибудь у богов, и тогда, когда надо было принимать какое-либо решение или истолковать знамение и принести умиловительную жертву, то [римляне] переняли из Этрурии всю эту науку, чтобы ни один вид дивинации не оказался у них в пренебрежении. (4) Поскольку же души, [как полагали наши предки], могут без участия разума и науки, собственным своим независимым и свободным движением вдохновляться двояко: или в состоянии умоисступления, или во сне, — то, считая сивиллины, большею частью в стихах, прорицания⁸ данными в состоянии умоисступления, [римляне] сочли нужным выбирать для их истолкования из числа граждан по десять человек. По этим же соображениям часто считали нужным внимательно прислушиваться также к вдохновенным предвещаниям таких прорицателей и провидцев, как Корнелий Куллеол⁹ во время Октавиевой войны¹⁰. Не пренебрегал наш верховный совет¹¹ и более важными сновидениями, если в них усматривалось нечто, имеющее отношение к государственным интересам. Да вот и на нашей памяти Л. Юлий¹², бывший консулом вместе с П. Рутилием, восстановил храм Юноны Соспиты (Спасительницы) по распоряжению сената на основании сна, увиденного дочерью Метелла Балеарского¹³ Цецилией.

III. (5) Но древние, как я думаю, придерживались всего этого, скорее следуя традиции, чем руководствуясь разумом. Философами же были подобраны некоторые доказательства возможности истинной дивинации. Из философов, если начать разговор с древнейших, Ксенофан из Колофона (единственный из тех, кто утверждал, что боги существуют) полностью отвергал дивинацию. А прочие все, кроме Эпикура, болтавшего пустое и о природе богов, признавали дивинацию, но неодинаковым образом. Так, Сократ и все сократики, а

также Зенон и его ученики остались при том же мнении, что и древние философы, в согласии со Старой Академией и перипатетиками. Еще раньше Пифагор высоко поднял авторитет этого мнения, он ведь и сам хотел быть авгуром. Также и Демокрит, серьезный автор, во многих местах признает возможность предвидения будущего. А вот перипатетик Дикеарх отвергал все виды дивинации, за исключением тех, которые даются в сновидениях и в исступлении. И наш друг, Кратипп, которого я считаю равным самым знаменитым перипатетикам, также этим видам дивинации оказывает доверие, а прочие отбрасывает.

(6) Но стойки почти все виды дивинации защищают в соответствии с тем учением, которого как бы семена рассеял еще Зенон в своих комментариях, а Клеанф это учение еще немного пополнил. Затем присоединился к ним еще Хрисипп, человек острейшего ума, который все учение о дивинации изложил в двух книгах, и, помимо этого, еще в одной — об оракулах, и в одной — о сновидениях. А вслед за ними издал одну книгу его ученик, Диоген Вавилонянин, две — Антипатр, пять — наш Посидоний.

Но отступился от стойков их, можно сказать, глава, учитель Посидония и ученик Антипатра, Панетий. Не осмелившись, правда, отрицать возможность и значение дивинации, он заявил, что сомневается в ней. А раз ему, стойку, позволительно было высказывать такие, нежелательнейшие для стойков мысли по какому-то одному вопросу, то почему бы стойкам не позволить нам того же по остальным вопросам? В особенности, если то, что Панетию казалось неясным, остальным представителям той же школы представляется яснее солнечного света. (7) Но как бы то ни было, это большая честь для Академии¹⁴ иметь в подкрепление своих взглядов суждение и свидетельство превосходнейшего философа.

IV. Я сам, занимаясь исследованием вопроса, что следует думать о дивинации, — вопроса, по которому Карнеад так много и остроумно спорил со стойками, и, опасаясь, как бы не увлечься невзначай теорией или ложной, или недостаточно обоснованной, пришел к мнению, что следует и в этом случае поступить так, как я сделал в написанных мною трех книгах о природе богов, а именно, тщательно еще и еще раз сопоставить аргументы с аргументами. Ибо если легкомысленная доверчивость и ошибки постыдны во всех делах, то в этом — в высшей степени, поскольку тут приходится решать, какую меру доверия мы должны иметь к ауспциям, обрядам, культу богов. И следует ведь опасаться, как бы мы или, проявив к этому пренебрежительное отношение, не впали в нечестие, или, приняв [все на веру], не предались бабьим суевериям.

V. (8) Эти и некоторые другие вопросы мы часто обсуждали, и более основательно недавно, когда мы, я и мой брат Квинт, были в моем Тускуланском имении¹⁵. Мы прогуливались в Ликее (это название верхнего гимнасия)¹⁶, и Квинт сказал: «Я перечитал недавно твою третью книгу о природе богов. И хотя в ней доводы Котты¹⁷ поколебали мои убеждения, но полностью их не подорвали». «Вот и отлично, — говорю, — потому что и сам Котта рассуждал таким образом, чтобы скорее опровергнуть аргументы стойков, чем сокрушить религию людей». «Об этом-то Котта и сам говорил, и много раз, — заметил Квинт, — думается мне, с той целью, чтобы не выглядеть уклоняющимся от общепринятых верований. Но мне кажется, что усердие его нападок против стойков совершенно устраняет богов. (9) Я вовсе не собираюсь отвечать на его речь, так как Луцилий во второй книге достаточно защитил религию, и, как ты пишешь в конце третьей книги, тебе самому именно его мнение показалось ближе к истине¹⁸. Но ты в тех книгах обошел молчанием дивинацию, т. е. предсказание и предчувствие таких событий, которые считаются случайными (fortuitae). Ты это сделал, полагаю, потому что счел удобнее рассмотреть и обсудить это отдельно. Так вот, если угодно, давай рассмотрим сейчас, что собой представляет дивинация и каковы ее возможности. Потому что я так рассуждаю: если существуют такие истинные виды дивинации, через которые мы узнаем о будущем и которые мы поэтому и применяем, то

существуют и боги; и, в свою очередь, если существуют боги, то должны быть и люди, способные провидеть будущее».

VI. (10) «Ты, — говорю я Квинту, — защищаешь саму цитадель стоиков, приводя их двойной аргумент: если есть дивинация, то существуют боги, а если существуют боги, то должна быть дивинация. Но ни первое, ни второе из этих положений не так легко принять, как ты полагаешь. Ведь и будущее может быть предзнаменовано естественным образом, без участия бога, и, пусть боги существуют, они, может быть, никакой дивинацией род человеческий не наделили».

«А для меня, — отозвался Квинт, — вполне хватает доказательств и того, что боги существуют и что они заботятся о людях, так как я считаю, что есть вполне ясные и несомненные виды дивинации. Если угодно, я изложу, что я об этом думаю, если, конечно, у тебя есть время, и ты не предпочитаешь заняться чем-нибудь другим вместо этих разговоров». (11) «У меня, — говорю, — Квинт, всегда найдется время для философии. А теперь, когда у меня нет ничего другого, чем бы я смог с охотой заниматься¹⁹, я тем более хотел бы услышать, что ты думаешь о дивинации».

«Я, — ответил Квинт, — не скажу ничего нового, ничего такого, что бы не сказали другие до меня. Ибо я придерживаюсь того мнения, которое не только сложилось в глубочайшей древности, но и получило всеобщее признание у всех народов и племен, а именно, что есть два вида дивинации, из них один — искусственный, другой — естественный (*alteram artis est, alteram naturae*). (12) Есть ли такой народ, или такое государство, которые не придавали бы никакого значения предсказаниям будущего по внутренностям жертвенных животных или по толкованиям диковинных явлений, молний, по предсказаниям авгуров, или астрологов, или по толкованиям жребиев (ведь во всем этом есть и какое-то искусство), или полученными в сновидениях, или в экстазе (эти два вида считаются естественными)? И я считаю, что в этих вопросах факты имеют большое значение, чем поиски их причин. Потому что есть некая сила и природа (*vis et natura quaedam*), которая при длительном наблюдении над знаменами, равно как и при действии некоего наития и божественного вдохновения (*aliquo instinctu inflatuque divino*) возвещает будущее.

VII. Поэтому напрасно Карнеад, а кроме него Панетий, донимали вопросами: неужели это Юпитер приказал вороне каркать слева, а ворону — справа²⁰? Это было замечено с незапамятных времен, и в этом увидели предзнаменование будущих событий. Нет ведь ничего такого, чего бы нельзя было постигнуть за продолжительное время, закрепляя в памяти и письменно уже познанное. (13) Удивления достойно, какое множество видов целебных трав известно врачам, корней, помогающих при укусах зверей, при болезнях глаз, при ранениях. Разум никогда еще не объяснил, в чем сущность их целебной силы, но их полезность была проверена искусством врачей, а тот, кто открыл их свойства, заслужил одобрение. Давай рассмотрим предзнаменования другого рода, но похожие на дивинацию²¹.

Часто еще приближения бури предвестником служит
Море, когда оно вздуется, все взволновавшись внезапно.
(Скалы, покрытые пеною белой как снег и соленой,
Стонут тогда, голосами унылыми споря с Нептуном),
Или же гул непрерывный, на горных вершинах рожденный,
Что, отразившись от скал, многократно окреп и в могучий
Рев переходит...

VIII. Вся твоя «Прогностика» (*Prognostica*)²² полна подобными предчувствиями, но кто может выяснить причины этих предчувствий? Хотя я знаю, что стоик Боэт пытался это

сделать и кое-чего сумел достигнуть в объяснении причин этих явлений, которые происходят в море или в небе. (14). Но кто достоверно объяснит, почему происходит следующее:

Вот и лысуха, когда улетает от моря подальше,
Серая криком своим возвещает о близости страшной
Бури, отрывистые испуская из горлышка звуки.
Часто еще по утрам и лягушка-жерлянка²³ заводит
Грустную песню свою, словно жалуется на кого-то,
Как только землю покроеет росой холодной Аврора,
Да еще черная, бегая по побережью, ворона
Голову в воду порой погружает напротив теченья²⁴.

IX. (15) Мы знаем, что эти приметы почти никогда не обманывают, но почему так бывает — не знаем.

Также и вам, ведь, шумливым питомицам пресных
Вод, своим кваканьем глупым источники и болота
Сотрясающим, эти приметы, конечно, знакомы.

Кто бы мог предположить, что лягушки способны это предвидеть? Однако есть же в лягушках некая природная сила, — почти безошибочная способность предвещать — свойство для людей непостижимое.

Тихо ступают волны, на небесные глядя светила,
Втягивая ноздрями влажный пред бурей воздух²⁵.

Не спрашиваю, почему происходит, понимаю, что происходит.

Дерево мастиковое круглый год зеленеет,
Трижды обычно в году урожай плодов приносит,
Трижды тем самым указывает на три пахоты срока²⁶

(16) И опять же я не спрашиваю, почему одно это дерево цветет трижды или почему готовность почвы к вспашке каждый раз совпадает с цветением дерева. Я удовлетворяюсь тем, что хотя я не знаю, как что-то происходит, но что оно происходит, я понимаю.

То самое, что я сейчас сказал, я скажу и о всей дивинации.

X. Что корень скаммония действует как слабительное, а аристолохия (названная так по имени человека, который первый открыл его действие, доверившись сновидению) может помочь при укусе змеи²⁷, это я знаю, что достаточно для меня, а почему может, не знаю. Так и с приметами, предвещающими наступление бурь и дождей, о которых я говорил. Как их объяснить, я недостаточно представляю себе, но значение и результат — признаю, знаю, подтверждаю.

Сходным образом, что означает выемка в печени жертвенного животного, что означает [та или иная] доля печени, я знаю, а по какой причине, не знаю. И жизнь полна такими примерами. Почти все прибегают к гаданиям по внутренностям. А можно ли сомневаться относительно значения молний? Среди многих других чудесных случаев, особенно поразителен следующий: когда в статую Суммана²⁸, стоявшую на крыше храма Юпитера Всеблагого, Величайшего (эта статуя тогда была из глины), ударила молния, то никак не

могли найти отлетевшую голову этой статуи. Гаруспики же объявили, что ее забросило в Тибр. И нашли эту голову именно в том месте, на которое указали гаруспики.

XI. (17) Но не лучше ли мне использовать в качестве или автора, или свидетеля тебя самого? Тебя, чьи стихи из поэмы о твоём консульстве²⁹ я с удовольствием выучил наизусть. В них, во второй книге, муза Урания произносит:

Первоначально Юпитер, эфирным огнем пламеня,
Мир весь, вращаясь, светом своим везде озаряет;
Он же умом устремился божественным в небо и в землю,
Разумом, что заключен и закутан был в недрах эфира
Вечного и сохранял в себе мысли людей и их жизни.
Если узнать пожелаешь движение звезд и пути их,
Как и планет, на созвездий кругу размещенных
(Греки когда-то неверно блуждающими их назвали,
Ибо в действительности те планеты ведь плавно несутся
По определенным путям), ты, конечно, тотчас же постигнешь:
Все, что ни есть, предначертанным сделал божественный разум.
(18) Сам же ты, вспомни, когда ты впервые был консулом³⁰ избран
И на Альбанской горе, проходя по холмам ее снежным,
В Праздник латинов бессмертным богам совершал возлиянья³¹
Жирным коров молоком, сам тогда наблюдал ты движенье
Плавное звезд и опасное на небе соединенье
Тех же планет с их мерцающим блеском, а также кометы
Ярким блистаньем своим приводящие в трепет, и посчитал ты
Все это знаменьем грозным, резню сулящим ночную³²
(Ужас такой совпадает ведь с праздником древним латинов
Часто весьма). И луна ведь тогда, омрачившись внезапно,
Лик совершенно свой светлый сокрыла и звездною ночью
Вовсе затмилась. К тому же с чего бы иначе тот факел
Феба³³, прискорбный предвестник войны, жаром пылая,
Прежде к зениту взлетел, а затем у небесного края
Смерти своей домогался в ту ночь? А еще отчего бы,
Молниєю при безоблачном небе внезапно сраженный,
Римлянин жизни лишился тогда? И с чего бы тогда же
Тяжким телом своим земля во многих местах содрогалась?
Ночью же призраки страшные видом являлись, пугая?
Предупреждали они о войне и о переворотах.
В разных местах по стране прорицатели по вдохновенью
Много оракулов нам нарекали, бедой угрожая.
Что уж давно нам великой бедою грозило и чуть не случилось —
Сам ведь об этом Родитель богов и ясно и часто
XII. (19) Знаменьями возвещал небесам и земле. Вот и ныне
То, что когда-то, в год консульства Котты с Торкватом³⁴,
Призванный вещий гаруспик, этрусского рода лидиец³⁵,
Предвозвестил, все как есть состоялось разом
В год, как ты консулом стал. Ведь бессмертный Отец Громовержец
Храмы свои и холмы, на Олимп опираясь звездный,
Сам же тогда поразил, в Капитолий, ему посвященный,
Молнию кинув; при этом и медная статуя Натты,
Издавна чтимая³⁶, рухнула наземь³⁷. Расплавилась также
Медные древних законов таблицы³⁸, и молнии пламень

Изображенья богов погубил. (20) А еще там стояла
Статуя Марции — дикой кормилицы племени римлян³⁹,
Из своих полных сосцов животворною влагой питаю
Маворса семья⁴⁰, младенцев, от бога рожденных.
Вместе с младенцами молнии страшным ударом
Сшиблена была волчица, остались на основаньи
Тогда следы от их ног. Да ведь кто же тогда, изучая
Древние книги искусства этруссков, не открывал в них
Много зловещих оракулов, и все они предвещали
Беды великие, страшный грядущий раздор среди граждан,
Гибель несущий для многих, а вызванный гордою знатью⁴¹.
Все в один голос вещали они об упадке законов.
И чтоб спасти от огня и от гибели храмы и город
И опасаться убийств среди граждан и кровопролитья,
Повелевали они. И, наверное бы, состоялись
Грозные бедствия эти по определенью суровой
И непреложной судьбы, когда бы как раз перед этим
Образ святой Юпитера, что для высокой колонны
Сделан был, к светлому не обратил свои взоры востоку.
Только тогда, наконец, и народ и сенат ваш священный
Заговор тайный увидеть смогли, когда к солнца восходу
Оборотившись, та статуя взоры свои устремила
Прямо на форум и курию. (21) Статуя же эта святая
Лишь после долгой задержки была при твоём консулате
Водружена попеченьем твоим на высокой колонне.
И вот в некий час времени, точно предвещенный прежде,
С жезлом Юпитер в руке воссиял на высокой колонне
И голоса аллоброгов сенаторам, как и народу,
О мятеже возвестили, что был уж совсем подготовлен,
Чтоб огнем и мечом навести на отечество гибель⁴².
XIII. А ведь у предков у ваших, чью память вы свято храните
(Доблестно ведь и умеренно, мудро они управляли
И городами и целыми странами), славный обычай
Был, чтобы ревностно чтить бессмертных богов, и ведь это
Также обычай и ваш, ведь и вы превзошли благочестьем
Верой и мудростью прочих намного. (22) Вполне признавали
Это и те мудрецы, что в тени Академовой рощи
Или в блестящем Ликее досуг посвящали науке
О добродетели радостно. Много они изложили
Славных учений из мудрого сердца. Тебя же, в расцвете
Юности вырванного⁴³ из среды их, отечество, вызвав, послало
В гущу борьбы за все доблестное. Ныне ж, заботам
Дав передышку, тебя истерзавшим, ты этим занятиям,
Родине нужным, себя посвятил, и мне, твоей музе.

Итак, решишься ли ты выступить против того, что я сказал о дивинации, ты, который совершил то, что совершил, написав те превосходные стихи, что я зачитал?

(23) Может быть, ты, как это сделал бы Карнеад, спросишь, почему эти [события] произошли так, а не иначе, или: каким образом можно было их предвидеть? Признаюсь, я не знаю. Говорю только — это произошло, и ты сам тому свидетель. Скажешь: случайное совпадение. Так ли? Может ли происходить случайно то, что несет на себе все признаки

истинного (veritatis)? Бросок четырех игральных костей случайно дал «венеру»⁴⁴. Считаешь ли ты, что четыреста бросков дадут сто «венер»? Произвольно брошенные на доску краски могут обрисовать черты человеческого лица. Но неужели ты считаешь, что и красоту Венеры Косской также можно получить произвольным разбрызгиванием красок?⁴⁵ Свинья своим рылом может случайно вывести на земле букву “А”. Неужели ты поэтому можешь подумать, что свинья могла бы и Энниеву «Андромаху» написать? Карнеад выдумал, что в хиосских каменоломнях обнаружили голову паниска⁴⁶. Верю, что нечто похожее нашли, но уж, наверно, не такое, чтобы его можно было признать творением Скопаса. Дело обстоит таким образом, что никогда случай в точности не повторит истинного.

XIV. (24) Но, скажешь, иногда то, что предсказано, вовсе не сбывается. А с каким искусством этого не случается? (Я имею в виду такие искусства, которые связаны с догадками и предположениями.) Медицина разве не должна считаться искусством? А как часто врачи ошибаются! А кормчие? Разве они не делают ошибок? Когда войско ахейцев и множество кормчих, которые вели их корабли, отплыли от берегов Трои, они, как пишет Пакувий⁴⁷, могли, «радуясь, любоваться игрою резвых рыб [в тихой воде] и не могли оторваться от этого зрелища».

А меж тем к заходу солнца море грозно ошетинилось,
Мрак ночной удвоился, и тучи тьмой слепящею покрылися.

Но разве кораблекрушение, погубившее столько славнейших полководцев и царей, опровергло искусство судовождения? А полководческая наука разве обесценивается оттого, что недавно великий полководец бежал, после того как потерял свою армию?⁴⁸ Или ум и мудрость — ничто в управлении государственными делами, раз Помпей многократно, Марк Катон⁴⁹ иногда, да и ты сам временами ошибались?

Сходно обстоит дело и с ответами гаруспиков, и вообще со всякой дивинацией, основанной на предположениях. Ибо догадка стремится проникнуть за пределы доступного. (25) Порой она ошибается, может быть, но очень часто приводит к истине. Дивинация же ведет свое начало с незапамятных времен. В почти бесчисленном множестве случаев сходные события предупреждались одними и теми же знаменами. Люди обратили на это свое внимание, заметили это, и таким образом возникло искусство дивинации.

XV. Не так ли обстоит дело и с вашими ауспациями?⁵⁰ Правда, римские авгуры ныне (не в обиду тебе будь сказано) стали невежественными в этом искусстве, которым хорошо владеют и киликийцы и авгуры Памфилии, и Писидии, и Ликии. (26) Есть ли необходимость напомнить тебе о нашем госте, славнейшем и превосходнейшем человеке, царе Дейотаре?⁵¹ Он никогда ничего не предпринимал, не обратившись предварительно к ауспациям. Однажды он в результате наблюдений над полетом орла⁵² отменил намеченную ранее и уже начатую нужную поездку, вернувшись с полпути. И оказалось, что дом, в котором он должен был в те сутки заночевать, если бы продолжил свою поездку, в ту же ночь рухнул. (27) И вот он, как я об этом слышал от него самого, очень часто возвращается с дороги, хотя бы уже проехал много дней пути.

Но что особенно прекрасно отличает его, так это то, что и после того как Цезарь лишил его тетрархии, царства, денег, он утверждает, что нисколько не раскаивается в своей вере в ауспации, побудившие его принять сторону Помпея. Он говорит, что птицы дали ему хороший совет, потому что он, защищая с оружием в руках авторитет сената, свободу римского народа, достоинство государства римского, этим выполнил свой долг и остался верным Риму; в этом он видел большую для себя славу, чем если бы он сохранил все, что имел. Вот это, мне кажется, правильное отношение к авгуриям. А наши магистраты пользуются вынужденными

ауспициями. (28) Ибо необходимо, чтобы, когда курице подбросили пищу, у нее во время еды выпал кусочек изо рта. Поскольку же в ваших книгах записано, что и есть “tripudium solistimum”, когда нечто из пищи падает на землю, то и то, что я назвал «вынужденным трипудием», вы объявляете благоприятным предзнаменованием.

Таким образом, многие авгурии и многие ауспиции из-за пренебрежительного отношения к ним коллегии авгуров, на что жаловался еще мудрый Катон⁵³, оказались совершенно заброшенными и оставленными.

XVI. Некогда почти ни одно сколь-либо значительное дело, даже частного лица, не совершалось без ауспий, о чем свидетельствуют также ауспиции, совершаемые ныне перед бракосочетанием, которые, впрочем, только названием своим напоминают прежний обряд. Обычно и в наши дни в важных случаях, также (хотя и реже, чем в прошлые времена) гадают по внутренностям или по полету птиц. Но подчас мы не обращаем внимание на зловещие предзнаменования и какие же страшные бедствия нас тогда постигают! П. Клавдий, сын Аппия Цека, и его коллега Л. Юний⁵⁴, не потеряли ли огромные флоты оттого, что отплыли при дурных ауспициях? То же ведь произошло с Агамемноном, который, когда ахейцы начали

Перекликаться друг с другом, открыто глумясь над гаданьем,
Сразу же при одобрительных криках ахейцев, а птице
Вопреки, повелел поднимать якоря⁵⁵...

(29) Но зачем обращаться к примерам из древности? Мы знаем, что приключилось с М. Крассом⁵⁶, презревшим неблагоприятные предзнаменования. Замечу в связи с этим, что твой коллега Аппий, судя по твоим отзывам, хороший авгур, будучи цензором, недостаточно обдуманно порицал добродетельного человека и превосходного гражданина К. Атея⁵⁷ как виновного в выдуманных ауспициях. Пусть это была обязанность цензора, если он был убежден в их подложности. Но он поступил совсем не как авгур, объявив, что по этой-то причине римский народ и постигло великое бедствие. Ибо если бы это действительно была причина бедствия, то вина не на том, кто сообщил [о дурных предзнаменованиях], а на том, кто не прислушался к ним. Но, как сказал тот же авгур и цензор, это было верное предсказание, последующие события подтвердили это. Да и будь оно ложное, оно никак не могло бы оказаться причиной несчастий. Зловещие ауспиции, как и всякие другие, как знамения (omina), как приметы (signa), не являются причиной того, что произойдет, они только оповещают о том, что должно произойти, если не предусмотреть нужных мер. (30) То, что Атей оповестил, не стало причиной бедствий, но было предупреждением Крассу о том, что должно произойти, если он не побережется. Так что или сообщение Атея о дурных предзнаменованиях вообще никакого значения не имело, или если, как считает Аппий, имело, то это значит, что вина не на том, кто возвестил, а на том, кто не прислушался.

XVII. А этот ваш lituus, ваш жезл⁵⁸ — славнейший знак вашего авгурского достоинства, каково его происхождение? Не им ли Ромул при основании города разметил линии [на небе]? Этот жезл Ромула (верхняя его часть несколько изогнута и искривлена, что придает ему некоторое сходство с рожком, в который трубят (lituus), от чего и произошло название жезла) был обнаружен в целостности и сохранности на том месте, где [некогда] была сгоревшая еще в древности курия Салиев, что на Палатине. (31) И все древние писатели рассказывают, что много лет позже, после Ромула, в правление царя Тарквиния Древнего⁵⁹, Атт Навий также этим посохом разметил районы города.

Этот Атт Навий еще мальчиком из-за бедности должен был пасти свиней. Когда одна из них потерялась, то он, как говорят, дал обет, если она найдется, отдать богу виноградную гроздь, самую крупную, какая найдется в винограднике. Свинья нашлась, и вот он, говорят,

встал посредине виноградника, обратившись лицом к югу. Он разделил виноградник на четыре части. Три части птицы отвергли, на четвертой, оставшейся, разделенной на участки, он обнаружил гроздь [винограда] поразительной, невероятной величины. Когда весть об этом чуде распространилась, все соседи стали обращаться к Атту за советами по своим делам. (32) И Атт стал широко известным и приобрел великую славу. А царь Тарквиний Древний вызвал его к себе. Чтобы испытать его познания в авгуриях, царь задал Атту вопрос: может ли получиться то, о чем он подумал? Тот, совершив авгурии, ответил: может. Тарквиний же сказал, что он подумал, сможет ли бритва перерезать камень. И затем повелел Атту попробовать это сделать. И вот принесенный на комиции⁶⁰ камень на глазах у царя и собравшегося народа был перерезан бритвой. После этого и Тарквиний стал использовать Атта Навия в качестве авгура, и народ стал обращаться к нему по своим делам. (33) Согласно преданию, тот камень и бритва были зарыты на комиции, а над ними позже поставили оградку (puteal). Так что же, будем все отрицать? Сожжем анналы? Будем все это считать выдумками? Будем верить скорее во что угодно, только не в то, что боги заботятся о людских делах? Но разве то, что ты написал о Тиберии Гракхе⁶¹, не свидетельствует в пользу науки авгуров и гаруспиков? Тиберий Гракх по неведению, когда проводил комиции по выборам консулов, незаконно указал место для авгурского шатра, потому что пересек померий, не совершив предварительно ауспий. Это известный факт, и ты сам позаботился о том, чтобы записать это для потомства. Да и сам авгур Тиберий Гракх укрепил авторитет ауспий и науки гаруспиков тем, что признал свою ошибку. А гаруспики, приведенные немного спустя в сенат, подтвердили, что Тиберий Гракх, проводивший эти комиции, был не вправе этого делать.

XVIII. (34) Я согласен с теми, которые утверждали, что есть два вида дивинации. Один, в котором принимает участие искусство, другой, который обходится без этого. Ибо должны владеть неким искусством те, которые предсказывают будущее, основываясь на изучении древних наблюдений. Но нет искусства в том виде дивинации, при котором предчувствуют будущее не разумом и не на основе наблюдений над знаменами и записей замеченного, но вследствие особого возбуждения души или свободного и непринужденного душевного движения. Это происходит часто во сне, и иногда у прорицающих в состоянии исступления, какими были, например, Бакид Беотянин⁶², или критянин Эпименид⁶³, или эретрийская Сивилла. К этому следует отнести также оракулы, однако не те, которые получены вытягиванием жребия, но те, которые изрекаются по наитию и божественному вдохновению. Хотя и к самому жребию тоже не следует относиться с пренебрежением, если он имеет за собой авторитет древности, как те жеребьевые палочки, о которых мы узнаем, что они вышли из земли. Если жребий применен в соответствии с требованием дела, то, я считаю, он тоже может иметь божественный характер.

А что касается толкователей всех этих оракулов, то их роль по отношению к тем, чьи прорицания они толкуют, напоминает роль грамматиков по отношению к поэтам. (35) К чему, стало быть, тратить столько остроумия, стремясь опорочить и опровергнуть вещи, значение которых подтверждено столь длительным их существованием? Скажешь, не вижу причины? Но, быть может, она скрывается темнотой самой природы, ибо так бог пожелал, чтобы я этого не знал, а только этим пользовался. Я и буду пользоваться и не дам себя убедить, что вся Этрурия сошла с ума, раз гадают по внутренностям, или что весь этот народ ошибается относительно молний, или что обманывается, толкуя чудеса, между тем как часто земля грохотом [подземным] или гулом, или приходя в движение, верно предсказывала и нашему государству и многим другим тяжкие бедствия.

(36) Смеются теперь над чудом, когда мул женского пола рождает. Но разве то, что бесплодное существо дало потомство, не дает основания гаруспикам истолковать это как предзнаменование о зарождении невероятных бедствий?

Гай Гракх в оставленных им записках сообщает⁶⁴ о том, что его отец Тиберий Гракх, сын Публия Гракха, тот, (который был дважды консулом и дважды цензором, а также верховным авгуром), мудрый человек и превосходный гражданин, поймав в своем доме двух змей, запросил об этом гаруспиков. Гаруспики ответили, что если он отпустит на волю змею-самца, то должна умереть вскоре жена Тиберия, а если отпустит самку, то он сам умрет. Посчитав, что справедливее будет встретить смерть ему, человеку пожилому, чем его юной жене, дочери П. Сципиона Африканского, он отпустил самку и сам умер через несколько дней.

XIX. Что ж, будем издеваться над гаруспиками, будем говорить, что это лживые и бесполезные люди, будем презирать их науку, которую и мудрейший человек, и сами события и факты подтвердили, будем презирать также Вавилон⁶⁵ и тех, которые с [вершин] Кавказа⁶⁶ наблюдают небесные созвездия и исследуют пути звезд. Будем презирать, говорю, глупость, или легкомыслие, или бесстыдство тех, которые, как они сами утверждают, четыреста семьдесят тысяч лет сохраняют в своих памятниках познанное ими. Будем считать их обманщиками, не боящимися сурового приговора, который вынесут им грядущие века. (37) Ладно, пусть эти варвары — пустые люди и обманщики, но что же, история греков тоже обманывает? Скажем, в отношении естественной дивинации (*divinatio naturalis*)? Кто же не знает об ответах, которые дал пифийский Аполлон Крезу, афинянам, лакедемонянам, тегейцам, аргивянам, коринфянам?⁶⁷ Хрисипп собрал бесчисленное множество этих оракулов, и все они подтверждены авторитетными свидетельствами. Но так как это тебе все известно, то я не буду на них останавливаться. Я буду настаивать лишь на одном: никогда дельфийский оракул не приобрел бы такой известности и такой славы, никогда бы он не был почтен таким огромным количеством даров от всех народов и царей, если бы века не подтвердили истинности его предсказаний. (38) Правда, это уже давно не так. В наше время слава его стала меньшей, и именно оттого, что менее достоверными стали его оракулы. Но это как раз и доказывает, что в прошлом он приобрел свою великую славу благодаря в высшей степени непогрешимому характеру своих прорицаний. Возможно, сила земли, приводящая разум Пифии в состояние божественного вдохновения, с течением времени истощилась, подобно тому как это бывает с некоторыми реками, иссыхающими или меняющими свое русло. Этот вопрос, весьма важный, решай, как хочешь. Но ты должен согласиться с тем, что отрицать невозможно, если только не перевернуть всю историю, а именно, что в течение многих веков дельфийский оракул был непогрешим.

XX. (39) Но оставим оракулы, перейдем к снам. Хрисипп, рассуждая о снах, собрал множество сообщений о них, и притом даже самых незначительных, как сделал это и Антипатр, подобрав те, которые были объяснены в свое время толкованиями Антифонта (и эти объяснения, без сомнения, свидетельствуют об остром уме толкователя). Мы же используем только наиболее яркие примеры.

По сообщению Филиста, историка и добросовестного, и жившего почти в то же время, к которому относится описанное им, мать Дионисия, будущего тирана Сиракуз, когда еще только носила свое дитя в чреве, увидела во сне, что родила маленького сатира⁶⁸. Толкователи чудес, которые тогда в Сицилии назывались галеотами, сказали ей, как пишет Филист, что тот, кого она родит, будет долгое время самым знаменитым и самым счастливым человеком в Греции. (40) Нужно ли тебе напомнить также рассказы о сновидениях в произведениях наших и греческих поэтов? Вот и у Энния⁶⁹ весталка⁷⁰ рассказывает:

Лишь, пробудившись, старуха внесла к ней дрожащей рукою
Свет, как она начинает в испуге от сна со слезами:
«Дочь Эвридики, которую общий любил наш родитель,
Силы и жизнь в моем теле теперь как бы вовсе исчезли!
Вижу я сон, что прекрасный мужчина меня увлекает»⁷¹

На берег к ивам приятным, к местам незнакомым; потом я Вижу, родная сестра, что хожу я одна и не скоро След нахожу, и ищу я тебя, но с духом собраться Я не могу, и нога моя ищет напрасно тропинки.
(41) Вдруг слышу голос отца я, который меня призывает В этих словах: “Много, дочь моя, горя тебе придется Перенести, но затем из реки тебе счастье восстанет”. Только, родная, отец мой лишь это сказал, вдруг исчез он, И не могла я увидеть его, вождя сердцу, Как я рук ни воздевала в пространство небесной лазури, Слезно прося, и как голосом нежным ни звала. В эту минуту от сна пробудилась я с бьющимся сердцем»*.

XXI. (42) Этот, пусть даже выдуманный поэтом, сон не так уж отличается от обычных сновидений. Поэтическим вымыслом является, конечно, и тот сон, которым был встревожен Приам:

Приснилось ему, что мать, беременная,
Гекуба факел родила пылающий,
И в страхе царь Приам, от сновидения
Тревогою охвачен, не переставал
Овец бесчисленно в жертву приносить богам.
Затем, чтоб обрести покой, оракула
Он запросил у Аполлона, как ему
Несчастья отворотить, тем сном предвещанные.
И голосом божественным в оракуле
Ему ответил Аполлон, что сын ему
Родится вскоре. Пусть же он воздержится
Его растить, тот станет сын погибелью
Для Трои славной и Приаму гибелью⁷².

(43) Пусть эти сновидения, как я уже сказал, — вымыслы поэтов. К ним можно добавить еще и сон Энея, о котором рассказывает в своих «Греческих анналах» наш Фабий Пиктор и в котором было в точности показано все, что позже совершил Эней и что с ним приключилось.

XXII. Но рассмотрим примеры более близкие к нам, вроде сновидений Тарквиния Гордого. В трагедии Акция «Брут» сам царь рассказывает о своем сне:

(44) Когда покою я ночному тело предал,
Чтоб крепким сном усталым членам отдых дать,
Вдруг вижу сон: пастух ко мне овец пригнал,
Баранов красоты преудивительной.
Из них я выбрал двух, что были братьями,
И в жертву приносить стал красивейшего.
Но брат его тут на меня набросился,
И стал бодать, и с ног свалил ударами.
И вот простертый на земле, израненный,
Я вижу в небе чудо превеликое
И дивное: шар солнца, пламенеющий
И лучезарный, новою дорогою
Направился — направо.

(45) И вот какое объяснение этому сну было дано снотолкователями⁷³:

Царь, коль то, что люди в жизни видят, о чем думают,
Наяву что делают, творят, о чем заботятся,
Если что из этого во сне потом пригрезится,
То не диво; но такие сны, как твой, богами нам
Посылаются недаром; так гляди, чтоб тот, кого
Счел тупоумным ты, как баран, не оказался бы
Мудр душою и силен и с трона б не согнал тебя.
Ведь во сне что видел ты, что с солнцем приключилось,
Предвещает перемену для народа Римского
В самом близком времени. Да обратится это все
К счастью для народа. Что светило всемогущее
Слева путь свернуло свой направо, предвещает то
Ясно государству Римскому величие.

XXIII. (46) Перейдем теперь к иноземным примерам. Гераклид Понтийский, человек ученый, слушатель и ученик Платона, пишет, что мать Фаларида⁷⁴ увидела во сне статуи богов, которые она сама освятила в своем доме. Одна из этих статуй, Меркурия, держала в правой руке жертвенную чашу, и было видно, как из нее лилась кровь на землю. И достигнув земли, кровь на глазах разливалась, так что весь дом залило кровью. Беспримерная жестокость Фаларида вполне подтвердила сон его матери.

Должен ли я также напомнить известную из книг Динона Персидского историю о том, как маги истолковали то, что приснилось знаменитому царю Киру? Кир, пишет этот историк, во сне увидел солнце у своих ног. Три раза он протягивал руки, напрасно пытаясь охватить солнце, но оно каждый раз, откатившись от него, ускользало и уходило. Маги (у персов это был круг ученых и мудрых людей) объяснили царю, что три его попытки схватить солнце знаменуют, что он будет царствовать тридцать лет. Что и осуществилось, ибо он умер 70 лет от роду, а царствовать начал в 40 лет.

(47) Есть, конечно, и у варварских народов некая способность предчувствовать и предвещать. Индиец Калан, сам возжелавший умереть, вступив в пылающий костер⁷⁵, воскликнул: «О, славный уход из жизни! Когда смертное мое тело сгорит, как тело Геркулеса, дух вознесется к свету». А когда Александр спросил у него, не желает ли он еще что сказать? Тот ответил: «Хорошо, скажу: вскоре увижу тебя». Так оно и вышло. Ибо спустя немного дней и Александр умер в Вавилоне.

Теперь я ненадолго отклонюсь от снов, к которым, впрочем, скоро вернусь. Говорят, что в ту ночь, когда сгорел храм Дианы в Эфесе⁷⁶, Олимпиада родила Александра. И на заре следующего дня маги возвестили: прошлой ночью родился бич и погибель Азии. Это об индийцах и магах. Но вернемся к снам.

XXIV. (48) Целий пишет⁷⁷, что когда Ганнибал хотел вынести из храма Юноны Лацинии⁷⁸ золотую колонну, которая там стояла, и усомнился, золотая ли она вся или только позолоченная, то он приказал просверлить ее насквозь. Обнаружилось, что колонна подлинно золотая, и Ганнибал велел ее вынести. Но во сне ему явилась Юнона и предостерегла, чтобы он этого не делал, пригрозив, что если он не послушается, то она позаботится о том, чтобы он и тот глаз, который у него хорошо видел, потеряет. И этот умнейший человек не пренебрег советом, полученным во сне. А из высверленного золота он повелел сделать статуэтку телушки, которую он поставил на верх колонны.

(49) А вот, что еще можно прочитать в Греческой истории Силена⁷⁹, подробнейшим образом описавшего жизнь Ганнибала (Целий во многом следует этому историку). Ганнибал после взятия Сагунта⁸⁰ увидел во сне⁸¹, что Юпитер вызвал его на совет богов. Когда он явился туда, Юпитер приказал ему идти войной на Италию и дал ему сопровождающим одного бога, из числа тех, которые были на совете [богов]. После того как войско выступило в поход, сопровождавший бог приказал Ганнибалу не оглядываться назад. Но тот не смог долго удержаться, побуждаемый любопытством, он оглянулся и вот увидел: чудовище, огромное и страшное, окруженное змеями движется за войском, уничтожая все на своем пути, выворачивая деревья и кусты, опрокидывая дома. Изумленный Ганнибал спросил у бога, что это за чудовище такое? И бог ответил: это идет опустошение Италии. И велел Ганнибалу двигаться дальше, не останавливаясь, и не беспокоиться о том, что делается сзади.

(50) Историк Агафокл⁸² пишет, что карфагенянин Гамилькара, когда осаждал Сиракузы, во сне услышал голос, сообщивший ему, что завтра он будет обедать в Сиракузах. Но когда наступил следующий день, в лагере его произошло сильное столкновение между входившими в состав его войска карфагенскими и сицилийскими воинами. А сиракузяне, услышав это, сделали неожиданно вылазку. Они ворвались в лагерь Гамилькара, и им удалось захватить его живым. И таким образом сон его сбылся. История полна подобными примерами, да и повседневная жизнь людей — тоже.

(51) В консулат М. Валерия и А. Корнелия П. Деций (сын Квинта, тот, который стал первым консулом из рода Дециев) был еще только военным трибуном. Тогда шла война с самнитами, и враги сильно теснили нашу армию. Деций в этой войне отличился своей дерзкой отвагой и полным презрением к опасностям. А когда его убеждали быть поосторожней, он отвечал — и эти слова записаны в анналах, — что во сне ему было обещано, что если он примет смерть, сражаясь в гуще врагов, то это принесет ему великую славу. Однако в той войне он остался жив и невредим и избавил войско от осады. Но спустя три года, уже будучи консулом, он сам принес себя в жертву. С оружием в руках ворвавшись в строй латинов, он пал, сражаясь, но подвиг его привел к поражению и истреблению латинов. А смерть была настолько славной, что его сын всю жизнь страстно стремился последовать примеру отца⁸³.

(52) А теперь, если угодно, перейдем к снам, которые видели философы.

XXV. У Платона мы читаем⁸⁴, что Сократ, когда находился в государственной тюрьме, сказал своему другу Критону, что ему должно умереть через три дня, потому что он видел во сне женщину выдающейся красоты, которая, назвав его по имени, произнесла следующий стих Гомера:

На третий день тебя ветер счастливый доставит во Фтию⁸⁵, —

что, пишет Платон, и сбылось, как было сказано.

Ксенофонт, ученик Сократа (какой это был великий человек!), в том походе, который он совершил с Киrom младшим, записывал свои сны и удивительные события, подтверждавшие эти сны⁸⁶. Можно ли сказать, что Ксенофонт обманывал или сошел с ума?

(53) А Аристотель, человек ума необычайного и почти божественного, может быть тоже заблуждался или хотел других обмануть, когда описал то, что произошло с его знакомым, киприотом Евдемом⁸⁷. Тот, собираясь посетить Македонию, остановился в пути в городе Феры, в Фессалии. Тогда это был славный город, но правил им жестокий тиран Александр. В этом городе Евдем заболел и так тяжело, что все врачи отчаялись. И вот во сне Евдем увидел прекрасного на вид юношу, который сказал, что он, Евдем, очень скоро выздоровеет, что

тиран Александр через несколько дней умрет, и еще, что через пять лет Евдем вернется домой. Первая часть предсказания, пишет Аристотель, сбылась сразу; и Евдем выздоровел, и тиран был вскоре убит братьями своей жены. А на пятый год, когда надеялись, что Евдем в соответствии со сновидением из Сицилии вернется на Кипр, он, участвуя в сражении под Сиракузами, был убит. И это, кажется, дает возможность истолковать его сон в том смысле, что когда душа Евдема покинет тело, она вернется домой.

(54) К авторитету философов добавим авторитет ученейшего человека и божественного поэта Софокла. Когда из храма Геркулеса была украдена тяжелая золотая чаша, Софокл несколько раз видел во сне самого этого бога, сказавшего, кто это сделал. В первый раз и во второй Софокл не придавал этому никакого значения. Но когда сон стал повторяться чаще, он пошел в Ареопаг и рассказал об этом. Ареопагиты⁸⁸ приказали задержать человека, которого назвал Софокл, тот на допросе сознался и вернул чашу. От этого случая и произошло название «Храм Геркулеса-доносчика».

XXVI. (55) Но что это я все о греках? Не знаю почему, но мне все же больше нравится наше, римское. И вот факт, о котором упоминают все наши историки: Фабий, Гелий, а поближе к нашему времени Целий⁸⁹. Когда во время войны с латинами впервые состоялись посвященные богам игры, неожиданно граждане были призваны к оружию. Игры поэтому были прерваны и решено было позже провести их вторично. Они уже должны были начаться, и уже народ, пришедший на них, расселся на места, когда через цирк был проведен раб, только что наказанный розгами, он нес свою нашейную колодку (*furca*). А немного времени спустя одному римскому крестьянину во сне явился некто, сказавший, что ему не понравился первый танцор на играх, и приказавший крестьянину сообщить об этом в сенат. Тот не осмелился. Снова тот же сон с тем же приказанием, которое на этот раз сопровождалось угрозами. Опять крестьянин не посмел идти в Сенат, и вскоре умирает его сын. И в третий раз тот же сон и то же повеление, после чего крестьянина парализовало. Тогда уж он рассказал обо всем своим друзьям.

По их совету его положили на носилки и принесли в Сенат. И как только крестьянин рассказал в Сенате свой сон, он тут же выздоровел и на своих ногах вернулся домой. По преданию, Сенат, убежденный в достоверности сна, распорядился заново провести игры. (56) У того же Целия можно прочитать, что, еще добиваясь должности квестора, Гай Гракх многим говорил, что видел во сне своего брата Тиберия, который сказал ему: «Рано или поздно ты должен будешь умереть той же смертью, что и я»⁹⁰. Это Гай Гракх говорил многим еще до того как стал народным трибуном, и Целий пишет, что и сам слышал от него эти слова. Так есть ли что-нибудь достовернее этого сновидения?

XXVII. А кто же может пренебречь теми двумя сновидениями, на которые особенно часто ссылаются стоики? Одно — Симонида⁹¹. Он однажды, увидев труп незнакомого ему человека, лежавший на дороге, предал его земле. Симонид собирался в скором времени совершить плавание по морю. И вот во сне ему явился тот, кого он похоронил, и предупредил его, чтобы он не ездил, если же поедет, то погибнет при кораблекрушении. И Симонид отказался от поездки, а другие, отплывшие на том корабле, все погибли.

(57) А о втором весьма широко известном сне, передают следующее⁹². Два друга, некие аркадяне, были вместе в дороге. Прибыв в Мегару, один из них остановился в трактире, другой — у своего знакомого. После ужина оба легли спать. И глубокой ночью тот аркадянин, что остановился у знакомого, увидел во сне своего друга, умолявшего его прийти к нему поскорее на помощь, так как трактирщик собирается его убить. Напуганный этим сном он, было, поднялся с кровати, но затем, поразмыслив, посчитал, что не стоит придавать значение увиденному во сне, и снова лег спать. И ему опять приснился товарищ, который теперь уже

просил его, чтобы он, если не пришел ему на помощь живому, по крайней мере отомстил за его смерть. Трактирщик, убивший его, положил его труп на повозку и сверху забросал навозом. И мертвый во сне просил живого пораньше прийти к городским воротам, чтобы перехватить там повозку, прежде чем она выйдет за город. На этот раз аркадянин был настолько встревожен сновидением, что совсем рано он уже стоял у городских ворот, и, когда появилась повозка, спросил у человека, погонявшего волов, что у него в повозке? И тот в страхе тут же пустился бежать. Покойника обнаружили в повозке. Трактирщик, после того как это дело раскрылось, был казнен.

XXVIII. (58) Можно ли отрицать, что этот сон носил божественный характер? Но что это я обращаюсь все к старым примерам? Часто ведь и сам я рассказывал тебе о моем сновидении и от тебя слышал о твоём. Я, когда был проконсулом провинции Азии, однажды увидел во сне тебя. Верховом на коне ты подъехал к берегу какой-то большой реки, и вдруг ты упал в реку и исчез в ее волнах. Охваченный ужасом я весь дрожал. Но внезапно ты вновь появился, веселый, на том же коне переправился на противоположный берег, и мы бросились друг другу в объятия. Объяснить этот сон было легко. Когда я рассказал его опытным снотолкователям в Азии, то они предсказали все те события, которые впоследствии и произошли⁹³.

(59) Теперь перейду к твоему сну, о котором я и от тебя самого слышал, а еще чаще мне о нем рассказывал наш Саллюстий⁹⁴. Во время того бегства, которое принесло нам славу, отечеству бедствия⁹⁵, ты задержался в одной вилле, вблизи Атины⁹⁶. Большую часть ночи ты бодрствовал, но под утро ты заснул тяжелым и крепким сном. Хотя времени терять было нельзя, Саллюстий все же приказал, чтобы было тихо, и запретил тревожить твой покой. А когда ты проснулся во втором часу дня, то рассказал свой сон Саллюстию. Приснилось тебе, что ты печальный, блуждаешь в каком-то безлюдном месте. И привиделся тебе Марий с фасциями⁹⁷, обвитыми лаврами, и он спрашивает тебя, почему ты грустен. И когда ты ответил, что насилие изгоняет тебя из отечества, то он взял тебя за правую руку и велел ободриться. А ликтору, что стоял поближе к тебе, он приказал отвести тебя к своему памятнику (monumentum), сказав, что там тебе будет спасение. Тогда и Саллюстий воскликнул (как он сам рассказывал мне), что тебе предстоит скорое и славное возвращение. А ты и сам был обрадован этим сном. Во всяком случае, как мне вскоре рассказали, ты, когда узнал, что то замечательное постановление Сената о твоём возвращении, внесенное знаменитым и славнейшим мужем, консулом⁹⁸, было принято именно у памятника Мария и что огромная, собравшаяся в театре толпа громом аплодисментов и радостными криками приветствовала его, ты сказал, что невозможно представить более божественного чуда, чем этот сон в Атине.

XXIX. (60) Скажешь, во снах много ложного, много темного для нас? Пусть есть ложные сны, но что можно сказать против верных? И этих было бы намного больше, если бы мы отходили ко сну в лучшем состоянии. Но, перегруженные пищей и вином, мы видим бурные и путанные сны. Посмотри-ка, что говорит Сократ в Платоновой «Политии»⁹⁹: «Когда мы спим, то та часть души (animas), что причастна разуму (mens) и рассудку (ratio), усыпленная, слабеет. Но другая часть, та, в которой есть какая-то ярость и неумная свирепость, когда она еще вдобавок оглушена неумеренным употреблением питья и еды, во сне чрезвычайно возбуждается и безумствует. И в отсутствие разума и рассудка ее осаждают всякие видения. Человек во сне вступает в кровосмесительное сношение с матерью, или совокупляется с любым человеком, или с богом, часто с животным. Он во сне убивает кого-то и купается в невинной крови, и еще многое другое совершает нечистое и отвратительное, без стыда и совести.

(61) Но кто предаётся сну чистым и умеренным в поведении и еде, у того та часть души, которая связана с разумом и рассудком, как бы насытившись добрыми мыслями, приходит в деятельное и возвышенное состояние; вторая же часть, что питается наслаждениями, не

истощена ни скудостью, ни излишеством (ведь и то и другое притупляет остроту ума: как отсутствие чего-то нужного для природы человека, так и излишнее изобилие). А третья часть души,местилище гнева и пылких страстей, умиротворена и спокойна. И вот, когда эти две безрассудные части души укрощены, когда первая часть,местилище разума, просветляется и становится деятельной и готовой к порождению сновидений, тогда-то сны приходят и спокойные и вещие». Это слова самого Платона.

XXX. (62) А может быть лучше послушаем Эпикура? Потому что Карнеад, большой любитель поспорить, говорит то одно, то другое. А что же думает по этому поводу Эпикур? Никогда ничего возвышенного (*elegans*), ничего достойного он не думает. И его-то ты противопоставляешь Платону и Сократу, которые, не говоря уже о разуме, побеждают этих ничтожных философов¹⁰⁰ уже одним своим авторитетом. Итак, Платон рекомендует, отходя ко сну, так подготовить свое тело, чтобы ничто не могло ввести душу в заблуждение и возмутить ее. Считают, что именно поэтому пифагорейцам было запрещено есть бобы, так как от этой пищи сильно пучит, что плохо действует на спокойствие ума, добивающегося истины. (63) И так как сном душа отвлекается от общения и взаимодействия с телом, то она вспоминает прошлое, созерцает настоящее, провидит будущее. Тело спящего лежит точно мертвое, душа же полна жизни и энергии, и это в еще большей степени произойдет с ней после смерти, когда она вовсе покинет тело. Оттого-то перед самой смертью душа проявляет намного больше божественного. Так люди, пораженные тяжелой и смертельной болезнью, чувствуют приближение смерти. Им являются по большей части образы умерших людей¹⁰¹, и они всячески стараются заслужить их похвалу. А те, которые прожили свою жизнь не так, как следовало, тогда горько сожалеют о своих прегрешениях (*peccata*).

(64) Чтобы доказать, что умирающие способны провидеть будущее, Посидоний приводит такой пример. Некий родосец, умирая, назвал шесть своих ровесников и точно предсказал, кто из них умрет первым, кто вторым, кто затем следующим и так до последнего, шестого. Этот философ считает, что люди при воздействии богов видят вещие сны тремя путями: первый путь, когда душа провидит сама по себе, в силу своего сродства с богами. Другой путь, когда провидит оттого, что воздух наполнен бессмертными духами¹⁰², которые несут на себе как бы явственную печать истины; третий путь, когда сами боги вступают в разговор со спящим человеком. Как я уже сказал, при приближении смерти душам легче провидеть будущее. (65) Вот чем объясняется и предсказание Калана, о котором я раньше упомянул, и Гектора, который у Гомера, умирая, возвещает о близкой смерти Ахилла¹⁰³.

XXXI. Если бы ничего этого не было, то не считались бы мудрыми известные слова¹⁰⁴:

Чуяла душа, что зря иду, когда из дома выходил.

Ведь слово *sagire* как раз означает «тонко чувствовать» (*acute sentire*), отсюда и выражение “*sagae anus*” — вещие старухи, потому что считается, что они много ведают и чувствуют наперед, и собак тоже называют чуткими (*sagaces*). О том, кто заранее «чувствует» (*sagit*), как произойдет то или иное событие, говорят, что он «предчувствует» (*praesagire*), т. е. заранее чувствует будущее. (66) Итак, есть в наших душах предчувствие (*praesagitio*), заложенное и заключенное в нас извне по воле богов. Если эта способность проявляется очень бурно, то это называется «исступление» (*furor*). При этом наш дух, отделившись от тела, возбуждается божественным наитием (*divino instinctu*)¹⁰⁵.

[Гекуба]	Что это? Пылают очи, в исступлении она! Где ж твое благоразумие, где скромность девичья?
[Кассандра]	Мать! О, наилучшая из лучших женщин женщина! Я обречена невольно изрекать о будущем.

Аполлон ведь, судьбы мне открыв, наслал безумие.
 Сверстниц я моих стыжуся, дел моих перед отцом,
 Перед лучшим из людей! Тебя, о мать, жалею я,
 Ты потомство родила Приаму наилучшее,
 Кроме меня. Как горько мне! Все за него
 Они, я — против. Все покорны, я — противлюся.

Какая нежность, какая высокая нравственность в этих стихах! (67) Но нас интересует в них: не это, а описание того, как обычно происходит это истинно пророческое исступление.

Вот он, вот он, факел пылающий и окровавленный!
 Долгие годы таился, гасите! На помощь, граждане!

Это уже говорит бог, вступивший в человеческое тело, не Кассандра.

Вот уже море судами покрылось все
 Быстрыми, гибель они несут с собой.
 Вот приближаются, на парусах летят,
 Скоро берег займет сила лютая.

XXXII. (68) Выглядит так, будто я ссылаюсь только на трагедии и прочие вымыслы. Но я от тебя самого слышал о факте подобного рода не выдуманном, а действительно происшедшем. Когда Г. Копоний, очень умный и образованный человек¹⁰⁶, в должности пропретора командуя родосским флотом, прибыл к тебе в Диррахий¹⁰⁷, он сообщил тебе, что некий гребец с квинкверемы¹⁰⁸ родосцев пророчествовал, что менее чем через тридцать дней Греция будет залита кровью, Диррахий будет разграблен, вы будете грузиться на корабли, чтобы бежать, и бегущие увидят позади себя печальное зрелище пожаров. Но родосскому флоту будет дано в скором времени вернуться домой, Тогда не только ты встревожился, но и М. Варрона и М. Катона, которые тогда там были, людей ученых, охватил сильный страх. Спустя немного дней к вам прибыл Лабиен, бежавший после поражения при Фарсале, и сообщил об уничтожении армии Помпея. (69) А вскоре сбылись и остальные части пророчества: были разграблены зерновые амбары и все дороги и тропы были усыпаны зерном. И вы в сильном страхе должны были грузиться на корабли. А ночью, глядя на город, вы могли увидеть пылающие грузовые суда, подожженные воинами, которые не хотели следовать за вами. Наконец, покинутые родосским флотом, вы убедились, что пророчество было верным.

(70) Я изложил как можно короче об оракулах во сне и в состоянии исступления, которые, как я уже сказал, обходятся без искусственных приемов. Эти два вида дивинации имеют одно и то же объяснение, которое наш друг Кратипп обычно и использует. Душа человека, учит он, частью внешнего происхождения. Это следует понимать так, что вне нас есть божественная душа (animus), из которой извлекаются и заимствуются человеческие души. Та часть человеческой души, которая связана с чувствами, с возбуждением, с вожделием, неотделима от деятельности тела, но другая часть души, причастная рассудку и разумению, тем более активна, чем более отделена от тела. (71) Кратипп, изложив примеры истинных пророчеств и снов, обычно заключает следующим образом: «Без глаз невозможно осуществить то, что является их службой и обязанностью, — зрение; иногда глаза могут не выполнить своей службы, но кто хоть один раз, использовав свои глаза, убедился в реальности увиденного, тот может считать, что глаза его способны видеть действительность. Точно так же без наличия способности к дивинации человек не может выполнять службу и обязанность дивинации, но и тот, в ком эта способность имеется, может иногда допускать ошибки, неверно провидеть. И все же для того чтобы убедиться в достоверности дивинации, достаточно, чтобы хоть один раз что-нибудь предсказанное сбылось и чтобы это никак нельзя было считать случайным

совпадением. А этого рода фактов бесчисленное множество. Следовательно, необходимо признать, что дивинация существует».

XXXIII. (72) Что касается дивинаций, или полученных посредством гаданий (*coniectura*), или основанных на наблюдениях, то эти виды дивинации можно назвать, как я уже сказал, не естественными, а искусственными (*artificiosa*). Этим занимаются гаруспики, авгуры, гадатели (*coniectores*). Перипатетики эти виды дивинации не одобряют, стоики защищают. Некоторые из этих видов описаны в книгах и составляют целую науку. Так, у этрусков есть книги об искусстве гадать по внутренностям животных и по молниям и об обрядах (*rituales*), у нас — авгуры книги. Другие [дивинации] основаны на импровизированном толковании, сообразно обстоятельствам, как, например, у гомеровского Калханта, который по числу воробьев предсказал, сколько лет будет длиться Троянская война¹⁰⁹, или как в случае, приведенном в «Истории», написанной Суллой, и свидетелем которого и ты был¹¹⁰. Это случилось неподалеку от Нолы. Сулла в лагере перед своей преторской палаткой совершал жертвоприношение. И внезапно из-под жертвенника выползла змея. Гаруспик Г. Постумий тут же стал заклинать Суллу, чтобы тот вывел войско из лагеря и дал сражение. Сулла так и сделал и захватил в тот раз под Нолой богатейший лагерь самнитов. (73) Подобного же вида толкование было дано и Дионисию незадолго до того, как он стал царем. Проезжая по Леонтинской территории, он направил своего коня в реку, и тот, попав в водоворот, не смог выбраться из воды. Дионисий, несмотря на все старания, так и не смог его вытащить и, как пишет Филлист, пустился дальше в путь крайне удрученный. Но, проехав немного, он вдруг услышал ржание, посмотрел назад и с радостью увидел своего коня, живого и невредимого, а на гриве коня сидел целый рой пчел. А следствием этого чуда было то, что Дионисий через несколько дней стал царем.

XXXIV. (74) А разве лакедемонянам их поражение под Левктрами¹¹¹ не было незадолго до этого предвещено знамением? Когда в храме Геркулеса слышно было бряцанье оружия, статуя Геркулеса покрылась обильным потом, и в это же время в Фивах, как пишет Калисфен, в храме Геркулеса двери, закрытые на засовы, сами собой внезапно распахнулись и оружие, которое было прикреплено на стенах, было обнаружено лежащим на земле¹¹². Далее, в то же время в [святилище Зевса] Трофония¹¹³, что вблизи Лебадии, произошло чудо: петухи, приготовленные для жертвоприношений, стали петь, не переставая, так что ничто не могло их остановить. Тогда беотийские авгуры и предсказали, что победу одержат фиванцы, потому что обычно эти птицы побежденные молчат, а поют, когда победили.

(75) В то же время и лакедемонянам многими знамениями было возвещено об ожидавшем их поражении. Так, на голове стоявшей в Дельфах статуи славнейшего из лакедемонян, Лисандра, внезапно оказался венок из грубых и диких трав. И еще: лакедемоняне, после одержанной Лисандром победы в морском сражении над афинянами, принесли в дар дельфийскому храму звезды из золота. Это были символы богов Кастора и Поллукса; уверяли, что во время битвы этих богов видели сражающимися на стороне лакедемонян. Так вот, незадолго до битвы при Левктрах эти золотые звезды упали, и их так и не смогли найти¹¹⁴.

(76) И конечно, важнейшим знамением тем же спартиатам было то, что случилось в храме Юпитера в Додоне, куда они обратились за оракулом. Посланные туда их представители уже было сделали запрос оракулу, уже поставили на место урну со жребиями, как вдруг обезьяна, забавлявшая присутствовавшего при этом молосского царя, перевернула урну, рассыпала и перемешала все приготовленное для гадания. Тогда же жрица, которая должна была руководить гаданием, как говорят, объявила, что лакедемонянам следует думать о спасении, а не о победе¹¹⁵. XXXV. (77) Да что говорить! Во Второй Пунической войне Г. Фламиний, второй раз консул, пренебрег предзнаменованиями — разве это не привело к величайшим бедствиям для государства?¹¹⁶ Когда он после смотра своих войск и совершения

очистительного жертвоприношения, сняв лагерь, двинулся к Арретию и повел свои легионы против Ганнибала, то неожиданно и он сам, и его конь без всякой видимой причины упали и как раз перед статуей Юпитера Статора. Фламиний не придал этому никакого значения, но опытные люди увидели в этом зловещее предзнаменование, предупреждавшее не завязывать сражения. А когда перед сражением совершали ауспиции со священными курами (tripudium), то жрец, кормивший кур (pullarius), советовал перенести бой на другой день. Тогда Фламиний спросил его, а что, по его мнению, он должен будет делать, если куры и тогда не будут клевать корма? Тот ответил: «Не трогаться с места». Славное же это гадание ауспиции, заметил Фламиний, если они обрекают нас на бездействие или толкают в бой в зависимости от того, голодны или сыты куры. Затем Фламиний приказывает поднять знамена (signa)¹¹⁷ и следовать за ним. И тут оказалось, что знаменосец первой линии никак не может сдвинуть с места свое знамя, несмотря на то что ему пришли на помощь многие. Фламиний, когда ему сообщили, пренебрег, по своему обыкновению, и этим. А через три часа и армия его погибла, и сам он был убит. (78) Целий добавляет, что в то же самое время, когда здесь шло это злосчастное сражение, в Лигурии, Галлии, на многих островах, по всей Италии произошли сильнейшие землетрясения, так что многие города были разрушены, во многих местах земля осела и в ней появились трещины, реки потекли вспять, и море вошло в их русло¹¹⁸.

XXXVI. Опытные люди умеют верно предсказывать на основании дивинаций. Когда знаменитый Мидас, будущий царь Фригии¹¹⁹, был еще ребенком, ему однажды спящему муравьи натаскали в [раскрытый] рот зерна пшеницы. Было предсказано, что он будет безмерно богат, что и произошло. А Платону младенцу во время сна на губки сели пчелы. Это предвещало, как указали толкователи, что его речь будет доставлять необычайное наслаждение. Так оказалось возможным предвидеть будущее красноречие у младенца¹²⁰.

(79) А твой любимец, доставляющий тебе столько наслаждения, Росций?¹²¹ Разве он сам обманул ожидания, или обманулись в нем жители всей Ланувии?¹²² Раннее его детство прошло в Солонии, деревушке вблизи Ланувии. Однажды ночью няня его зажгла лампу и подошла к его кровати и вдруг видит, что тело спящего мальчика обвивает большая змея. В ужасе от увиденного она подняла крик. А отец Росция позже обратился к гаруспикам, которые ответили, что мальчик, когда вырастет, превзойдет всех славой и благородством. Паситель¹²³ вычеканил эту сцену на серебре, наш Архий¹²⁴ описал стихами.

Чего, собственно, мы ожидаем от богов? Чтобы они, бессмертные боги, прогуливались с нами на площади, или по улицам, или в домах? Если боги сами нам и не показываются, то разве не проявляют они свою силу во всем? Не заключается ли она и в недрах земли, и в природе самого человека? Дельфийская Пифия вдохновлялась от силы Земли, Сивилла — по природе. Мы знаем, как различаются между собой разного рода земли. Есть земли смертоносные, как, например, Амписанкт¹²⁵ у гирпинов¹²⁶ и Плутония¹²⁷ в Азии, которые мы видели; есть на земле местности нездоровые и есть здоровые; есть такие, что у людей, живущих там, вырабатывается особенно острый ум, в других местах население отличается тупоумием. Все зависит от различий в климате и неодинаковых земных испарений.

(80) Часто еще бывает, что наш дух сильнейшим образом возбуждается от какого-то зрелища, от внушительного голоса, от пения, что также — от скорби и страха, как это описывает поэт¹²⁸:

Вне себя, словно вакханка или безумная,
Она средь могил своего Тевкра оплакивает.

XXXVII. И это возбуждение как раз и свидетельствует о наличии в душе человека божественной силы. Демокрит¹²⁹ даже отрицал, что кто-нибудь может быть великим поэтом,

если ему не свойственно состояние исступления (*furor*). То же говорит и Платон. Пусть он называет это исступлением, если ему нравится, важно, что он это исступление восхваляет, как, например, в «Федре»¹³⁰.

А взять твои выступления на суде? Сама твоя ораторская манера могла бы разве быть столь пламенной и в то же время серьезной, речь столь красноречивой, если бы твой дух не был в сильном возбуждении? Право же, я часто наблюдал у тебя и (позволь такое сравнение) у твоего друга, Эзопа¹³¹, такую пылкость в лице и движениях, что, казалось, какая-то сила отняла у разума власть над чувствами.

(81) Нам часто также представляются образы (*formae*), которые в действительности не существуют. Это произошло, как говорят, с Бренном¹³² и его галльскими полчищами, когда он повел нечестивую войну против храма Аполлона Дельфийского. Тогда, говорят, Пифия вдохновенно изрекла следующее:

Я сама приму меры, вместе с девами белыми...

И вышло так, что галлы и дев увидели, направивших против них оружие, и галльское войско было погребено под снегом.

Аристотель считает, что даже больные в горячке и так называемые меланхолики имеют в душах нечто предчувствующее и божественное. Я же думаю, что ни страдающие сердцем (*cardiaces*), ни сумасшедшие не наделены этим. Дивинация может быть только у тех, у кого и дух здоров, и тело не больное.

XXXVIII. (82) В доказательство того, что дивинация заслуживает доверия, приведем следующее рассуждение стоиков¹³³: если есть боги и они не объявляют заранее людям, что произойдет в будущем, то боги или не любят людей, или сами не знают, что произойдет, или они считают, что людям совсем не важно знать, что будет, или боги считают недостойным своего величия давать людям предзнаменования о будущем, или сами боги не умеют давать знамения.

Но боги нас любят, так как они осыпают нас благодеяниями и благосклонны к роду человеческому. И они, конечно, знают то, что ими самими предустановлено и предопределено. И для нас, конечно, важно знать, что произойдет в будущем, ибо, если мы будем это знать, то будем осторожнее. Боги также не считают, что давать людям предзнаменования о будущем недостойно их величия, так как нет ничего превосходнее благодеяния. И они, конечно, могут предвидеть будущее. (83) Итак, если нет богов, то нет предзнаменований будущего. Но боги есть, следовательно, они дают предзнаменования. И раз они дают нам предзнаменования, то они дают и способы понять их значение, иначе напрасно было бы давать знамения. Но раз есть такие способы — есть дивинация. Значит, существование дивинации доказано.

XXXIX. (84) Вот какие доводы используют и Хрисипп, и Диоген, и Антипатр. Какой же довод может заставить нас усомниться в ее существовании и ее полнейшей достоверности, если на моей стороне и разум и факты, народы и нации, греки и варвары, если и наши предки, если, наконец, так всегда считали, если знаменитейшие философы, поэты, мудрейшие люди, основатели государств и городов разделяли это мнение? Что ж мы, не считая достаточно авторитетным согласие людей в этом вопросе, подождем, пока животные заговорят?

(85) Единственный довод, который можно выдвинуть против существования тех видов дивинации, о которых я говорил, это то, что в каждом отдельном случае дивинации оказывается трудным указать основание, причину. Действительно, как может объяснить

гаруспик, почему разрез в легком жертвенного животного, даже если остальные внутренности вполне благоприятны, указывает на необходимость отсрочить, перенести на другой день задуманное дело? Как может авгур объяснить, почему, если ворон летит справа, а ворона слева, то это означает благоприятный исход? Как может объяснить астролог (*astrologus*), почему планеты Юпитера или Венеры в сочетании с Луной благоприятны для рождающихся мальчиков, а планеты Сатурна и Марса, напротив, неблагоприятны? Почему бог нам дает наставления во сне, а бодрствующими пренебрегает, или по какой причине безумная Кассандра могла провидеть будущее, а мудрому Приаму это было недоступно?

(86) Ты спрашиваешь, почему это так бывает? Правильно спрашиваешь, только дело-то не в этом. Вопрос ставится: бывает или не бывает дивинация? Если я скажу: есть такой камень магнит (*lapis magnetis*), который притягивает железо, но причину, по которой это происходит, я не могу объяснить, что же, ты станешь отрицать самый факт? А ведь именно так ты поступаешь в отношении дивинации, которую мы и сами наблюдаем, и слышим и читаем о ней, и от отцов наших восприняли. До появления философии, которая была открыта ведь совсем недавно, никто и не сомневался в существовании дивинации, и позже, когда философия продвинулась, ни один авторитетный философ не отрицал ее. (87) Я уже сказал о Пифагоре, Демокрите, Сократе. Я не пропустил из древних никого, кроме Ксенофана, я сослался на Старую Академию, на перипатетиков, на стоиков. Один только Эпикур другого мнения. Но что может быть позорнее, чем мнение этого философа, который считал, что вообще нет бескорыстной добродетели? XL. Как можно безразлично относиться к искусству столь древнему и подкрепленному свидетельствами славнейших письменных памятников? Калхант, пишет Гомер, был превосходным авгуром¹³⁴, и, я уверен, именно из-за его познаний в ауспигиях ему было доверено руководство греческим флотом, а не потому, что он хорошо знал те места.

(88) Амфилох и Мопс были царями у аргивян и одновременно авгурами, и они же основали на побережье Киликии ряд греческих городов. А еще до них предсказывали будущее по полету птиц и другим знамениям Амфиарай и Тиресий¹³⁵, люди не низкого и темного [происхождения] и не подобные тем, о которых Энний писал, что они:

Изрекают небылицы ради своей выгоды¹³⁶,

Это были мужи славные и доблестные. О Тиресии Гомер рассказывает, что он даже был единственным, кто, оказавшись в подземном царстве мертвых, «не потерял рассудка, в то время как остальные блуждали там, подобно теням»¹³⁷. Амфиарая же так чтит вся Греция, что признала его богом, и на том месте, где он был захоронен, запрашивали оракулов. (89) А у Приама, царя Азии, разве не пророчествовали и сын его, Гелен, и дочь, Кассандра, сын — посредством авгурий, дочь — в состоянии возбуждения ума и божественного вдохновения? В анналах наших предков записано, что некие братья Марции¹³⁸ из знатнейшего рода славились также благодаря и этому дару. И не упоминает ли Гомер, что Полид Коринфянин¹³⁹ предсказал и смерть своему сыну, отправившемуся на Троянскую войну, и многое — другим?

Вообще, у древних главы государств выполняли также авгурские обязанности, так как считалось, что для царской власти нужна не только мудрость, но также способность к дивинации. Свидетель — наше собственное государство, в котором и цари были авгурами, и позже частные лица, наделенные тем же жреческим достоинством, управляли государством, опираясь на авторитет религии¹⁴⁰.

XLI. (90) Этим значением дивинации не пренебрегают даже в варварских странах. Так, в Галлии этим занимаются друиды¹⁴¹, с одним из них я сам познакомился, с эдуем Дивитиаком, который был у тебя в гостях и позже очень тебя хвалил. Он претендовал на знание

естественных наук — греки это называют физиологией — и, частью основываясь на авгуриях, частью на толковании примет (*coniectura*), предсказывал будущее. В Персии же совершают авгурии и предвещают будущее маги, которые собираются в храме, чтобы там все обсудить и обменяться мнениями (вы ведь¹⁴² тоже иногда это делаете, обычно, по нонам¹⁴³). (91) И никто не может стать царем Персии, если он ранее не изучил учение и науку магов.

Можно даже указать на целые роды и нации, преданные этой науке. В Карию есть город Тельмес, прославившийся гаруспициями. А в Пелопоннесе — Элида, и в этой Элиде две фамилии — Иамидов и Клутидов — особенно выделяются своим искусством в гаруспициях. В Ассирии¹⁴⁴ халдеи славятся своими знаниями о звездах и своей мудростью. (92) Этрурия усердно занималась учеными наблюдениями над тем, что происходит на небе, а также отличалась в толковании всяких чудес и знамений. Поэтому хорошо поступил сенат во времена наших предков, когда государство еще процветало, приняв постановление, чтобы десять сыновей из знатнейших фамилий [этрuscoких] были переданы для обучения этому искусству, по одному от каждой из народностей Этрурии¹⁴⁵. Это было сделано с той целью, чтобы столь великое искусство, если им будут заниматься люди низкого происхождения, из чтимого священнодействия не превратилось в оплачиваемое ремесло и не использовалось в корыстных целях.

Фригийцы же и писидийцы, и киликийцы, и арабский народ очень доверяют предзнаменованиям от птиц. Это, как мы знаем, относится также и к населению Умбрии.

XLII. (93) Как мне представляется, жители разных стран открыли и применяют те или иные виды дивинации в зависимости от местных условий. Так, вавилоняне и египтяне, живущие в открытых и ровных местах, где из земли не выступает ничего такого, что могло бы служить помехой для наблюдений над небом, целиком отдали себя изучению созвездий. Этрuscoки же, более усердно занимавшиеся религиозными обрядами и чаще приносившие в жертву животных, отдались более всего исследованию внутренностей. Кроме того, так как в Этрурии вследствие особенной плотности воздуха в этой стране много появилось необычайного частью на небе, частью порожденного землей, а то и родившегося от людей и скота, то этрусскоки стали опытнейшими толкователями знамений. Ты сам не раз говорил, что в самих названиях, которые наши предки дали разным видам знамений, очень хорошо выражена их сущность. От слов *ostendunt*, *portendunt*, *monstrant*, *praedicunt* произошли названия *ostenta*, *portenta*, *monstra*, *prodigia*.

(94) Далее, арабам, фригийцам и киликийцам, которые по большей части зимой и летом пасут свой скот, кочуя по равнинам и по горам, легче было подметить особенности пения и полета птиц. Эти же условия повлияли и в Писидии, и в нашей Умбрии. Между тем вся Кария, и в особенности Тельмес, о которых я раньше упомянул, поскольку земли там удивительно богатые и плодородные и вследствие этого на них может произойти и родиться много необычайного, стали особенно опытными в толковании всяких знамений.

XLIII. (95) Кто не знает, что во всяком хорошо устроенном государстве всегда играли важную роль ауспиции и остальные виды дивинации? Был ли когда-нибудь такой царь, такой народ, который не использовал бы предвещания, исходящие от богов? И не только в мирное время, но в еще гораздо большей степени во время войны, когда государство находится в величайшей опасности и под вопросом стоит само его существование? Я уже не говорю о наших, которые в военное время без предварительного исследования внутренностей жертвенных животных ничего не предпринимают, а в мирное время, у себя дома, — без ауспиций. Посмотрим, что у других народов¹⁴⁶. Ведь и афиняне всегда привлекали для решения общественных дел особых жрецов-прорицателей, которых называют *μάντιες*. И лакедемоняне придавали своим царям в советники авгура. Они считали также необходимым,

чтобы «старцам»¹⁴⁷ (так у них называются члены государственного совета) помогал авгур. И о всех наиболее важных делах они всегда запрашивали оракула — или в Дельфах, или у Аммона, или у Додоны. (96) Сам Ликург¹⁴⁸, упорядочивший их государство, введенные им законы подкрепил авторитетом Аполлона Дельфийского. И когда [впоследствии] Лисандр захотел внести в них изменения, препятствием для него оказалась именно религия. Правители Лакедемона, не довольствуясь тем, что заботились о своем государстве днем, в бодрствующем состоянии, ночевать уходили в храм Пасифаи¹⁴⁹, недалеко от города. Они это делали ради сновидений, потому что считали оракулы, полученные во сне, особенно, заслуживающими доверия.

(97) Опять же вернусь к нашим. Много раз и по самым различным поводам сенат отдавал приказ децемвирам¹⁵⁰ обратиться к Сивиллиным книгам. А как часто следовал указаниям гаруспиков! И когда видны были два солнца, и когда — три луны, и когда — огненные вспышки (faces), и когда ночью показалось солнце, и когда с неба слышался гул, и когда небо как будто разверзлось и на нем были замечены [огненные] шары. Донесено было сенату о том, что в Приверне в одном месте земля расселась и образовалась пропасть невероятной глубины и что в Апулии произошло страшное землетрясение. Эти знамения предвещали римскому народу великие войны и опаснейшие восстания. И во всех этих случаях ответы гаруспиков совпадали со стихами Сивиллы. (98) А когда статуи Аполлона в Кумах, Победы в Капуе покрылись потом? А когда родился гермафродит (androgynus), разве это чудо не представляло собою нечто фатальное (fatale)? А когда река Атрат¹⁵¹ потекла кровью? А когда с неба часто выпадал дождь камней, иногда кровавый дождь, временами земляной или даже молочный? А когда молния ударила в статую кентавра на Капитолии? А когда — в Авентинские ворота и в людей? А когда — в тускуланский храм Кастора и Поллукса? А когда — в Риме в храм Милосердия? Не предсказали ли гаруспики, что должно произойти, и разве не обнаружили, что в Сивиллиных книгах предсказано то же самое?

XLIV. (99). И уже совсем недавно, во время войны с марсами¹⁵², сенат, сообразуясь со сновидением Цецилии, дочери Кв. Метелла, восстановил храм Юноны Соспиты. Историк Сизенна¹⁵³, хотя и признал, что этот сон поразительно совпал с тем, что произошло, но в то же время, я уверен, под влиянием какого-то эпикурейца, нагло утверждает, что снам не нужно верить. Хотя он же ничего не говорит против чудесных знамений и рассказывает, что в начале войны с марсами и статуи богов потели и истекали кровью, и что небо разверзлось и слышны были таинственные голоса, возвещавшие опасности войны, и щиты в Ланувии¹⁵⁴ были изгрызены мышами, в чем гаруспики усмотрели самое прискорбное предзнаменование. (100) А взять анналы наши! Не рассказывается ли в них, что когда во время войны с Вейями Альбанское озеро чрезмерно переполнилось¹⁵⁵, то некий перебежавший на нашу сторону знатный вейент сообщил, что в неких записанных у них оракулах сказано: Вейи не могут быть захвачены, пока озеро полноводно; если оно, разлившись, выйдет из своих берегов, и воды его потекут к морю, то гибель грозит римскому народу; но если воды озера отведут так, что они не смогут стечь в море, то [исход войны] будет для нас благоприятен. Вот по какой причине наши предки произвели этот удивительный отвод воды озера¹⁵⁶. Но позже, когда истощенные войной вейенты прислали в сенат послов, то, говорят, кто-то из них сказал, что перебежчик тот не осмелился сказать сенату всего: в тех же вейенских книгах судеб содержится (предсказание), что «вскоре Рим будет захвачен галлами». Как мы знаем, это и произошло через шесть лет после взятия Вей.

XLV. (101) Говорят также, что часто во время сражений были слышны голоса фавнов¹⁵⁷, а в тревожной обстановке, говорят, откуда-то доносятся вестие голоса. Из многих примеров — два особенно значительных. Незадолго до того, как [галлы] захватили Рим¹⁵⁸, из рощи Весты, которая спускается от подножия Палатинского холма к улице Новой, был услышан голос, произнесший: «Пусть будут укреплены стены и ворота, если не будут приняты меры, то город

будет захвачен». Этим предупреждением пренебрегли, когда еще можно было остеречься, а поняли его значение только после великого разгрома, постигшего захваченный город. Были принесены искупительные жертвы. И сейчас напротив того места можно видеть обнесенный оградой жертвенник, посвященный «Говорящему Вещателю» (Aio loquenti).

Многие авторы описали и другой случай. Когда произошло землетрясение, послышался голос из храма Юноны (который в крепости), потребовавший, чтобы была принесена в жертву порослая свинья. Оттого и Юнона та получила название Советчицы (Moneta)¹⁵⁹. Будем ли мы презирать и эти предвещения, поданные богами и признанные нашими предками?

(102) Пифагорейцы придавали большое значение не только словам богов, но также и людей, выражениям, которые они называли «заклинания» (omina). Так же и наши предки. Поэтому-то, приступая к любому делу, они предварительно произносили: «Пусть все будет хорошо, благоприятно, счастливо, удачно». А когда совершалось публичное жертвоприношение, повелевали: «Пусть все придержат языки» (faverent linguis); а в праздник: «Пусть все воздерживаются от ссор и споров». И еще при освящении колонии теми, кто ее выводил, или когда полководец производил осмотр своего войска, или цензор проводил ценз, люди, которые должны были привести животных для очистительного жертвоприношения, выбирались со счастливыми именами. И консулы при наборе войска следят, чтобы первый воин был со счастливым именем. (103) Этот обычай ведь и ты знаешь и, когда был консулом и полководцем (imperator), свято соблюдал. Предки наши считали также, что результат голосования прерогативной центурии является предзнаменованием правильного решения комиций.

XLVI. Я приведу еще всем известные примеры. Л. Павлу, вторично избранному консулом, было поручено вести войну против [македонского] царя Персея. Вечером в тот же день, придя домой и целуя свою дочку Терцию, которая тогда была еще совсем малюткой, он заметил, что она грустненькая. «Что случилось, моя Терция, — спросил он, — почему ты грустная?» «Отец мой, — ответила она, — Персей погиб». Павел, крепко обняв девочку, сказал: «Принимаю знамение!». А умер щенок с такой кличкой¹⁶⁰.

(104) От Л. Флакка, фламина¹⁶¹ Марса, я слышал о следующем случае. Цецилия, дочь Метелла, хотела выдать замуж дочь своей сестры. Как это было обычаем с древних времен, она отправилась вместе с племянницей в какое-то небольшое святилище, чтобы получить там знамение (omen). В храме Цецилия присела на скамью, а девушка осталась стоять. Так как долгое время не было слышно никакого голоса, уставшая девушка попросила разрешения у тетки ненадолго присесть на то же сиденье. И Цецилия ей сказала: «Охотно, моя девочка, уступаю тебе мое место». И это оказалось предзнаменованием, которое сбылось. Ибо сама Цецилия в скором времени умерла, а племянница ее вышла замуж за того, кто был мужем ее тетки¹⁶².

Я прекрасно понимаю, что можно презреть эти вещи, даже высмеять их. Но относиться с презрением к предзнаменованиям от богов — значит то же самое, что не признавать само существование богов?

XLVII. (105) А что сказать об авгурах? Собственно, это уже по твоей части, тебе, говорю, авгуру, следовало бы взять ауспиции под свою защиту. Это ведь тебе, когда ты был консулом¹⁶³, Аппий Клавдий, после того как авгурии о благе отечества (augurium salutis) оказались сомнительными, возвестил, что в скором времени должна вспыхнуть прискорбная и пагубная гражданская война. Она и началась спустя немного месяцев, и в еще меньшее число дней была тобой подавлена¹⁶⁴.

Я очень одобряю этого авгура, так как он единственный в продолжение многих лет сохранил в памяти не только авгурские заклинания, но и саму науку дивинации, в то время как твои коллеги насмеялись над ним, называя его то «писидийцем», то «соранским авгуром»¹⁶⁵. Они ведь не видели в авгуриях или ауспициях никакой силы предчувствовать или правильно узнавать будущее и говорили, что все это суеверия, мудро придуманные применительно к предрассудкам необразованного народа¹⁶⁶. А это далеко не так. Потому что ни в тех пастухах, предводителем которых был Ромул, ни в самом Ромуле не могло быть такой хитрости, чтобы выдумать с целью обмана толпы подобие религии (*religionis simulacra*). Трудность дивинации внушила этим краснобаям пренебрежительное к нему [ауспицию] отношение. Они предпочитают уверять, что в ауспициях нет никакого смысла, чем изучать то, что в них действительно имеется. (106) Но что может быть чудеснее описанного у тебя ауспиция о Марии. Позволь, я лучше процитирую эти твои стихи¹⁶⁷:

Тут громогласного бога Юпитера спутник пернатый
 Ранен укусом змеи, на нее устремляется с дуба,
 Острые когти жестоко вонзает он в полуживую,
 И все ж головою грозящую. Та под ударами клюва
 Окровавленного вся извивается, он же, той мезью
 За страданья мучительные свои душу насытив,
 Издыхающую и растерзанную бросает
 В волны, а сам свой могучий полет направляет
 С солнца заката к сияющему востоку.
 Марий же, авгур божественный, быстрюю птицу заметив,
 Сразу в ней знаменье усмотрел, что сулит ему счастье,
 Славы своей грядущей предвестие и возвращенья.
 Тут еще гром прогремел слева. И этим Родитель
 Знаменье сам подтвердил, что подал его спутник пернатый.

XLVIII. (107) А что касается ауспиций Ромула, то ведь это произошло, когда он был еще пастухом, до основания города. И вовсе они не были им придуманы применительно к предрассудкам невежественных, но были искусством, воспринятым от верных людей и переданным потомкам. Как это описано у Энния¹⁶⁸, Ромул, авгур, и брат его, тоже авгур, оба,

Много заботясь в то время о троне и сильно желая
 Царствовать, знамений ищут они, указаний по птицам.
 Вот предается гаданию Рем и один наблюдает,
 Не полетит ли счастливая птица. Но Ромул прекрасный
 На Авентинской горе стережет точно так же полет птиц.
 Спор шел о том, как назвать город: Римом¹⁶⁹ иль Ремором?
 Всех занимало людей, кто из братьев царствовать будет.
 Ждут. Точно так, когда консул хочет сигнал подать в цирке,
 Смотрят все, полные жадного взора, на перегородки,
 Как из ворот разноцветных появятся вдруг колесницы,
 (108) Так и теперь ждал народ и смотрел с напряженным вниманьем,
 Кто из двух братьев одержит победу и царствовать будет.
 Между тем уже бледное солнце ушло в преисподнюю ночи,
 Снова стал пробиваться блестящий луч солнца наружу.
 Вдруг с высоты полетела со счастьем красивая птица
 Слева; в то самое время явилось и солнце златое.
 Трижды четыре священных тел птичьих спускаются с неба;
 К счастливым и благолепным местам они все устремились.
 Видит из этого Ромул, что предпочтен он богами,

Царственный трон и земля по гаданью ему отдаются*.

XLIX. (109) Но вернемся к тому, с чего началось наше обсуждение. Если, не будучи в состоянии объяснить, каким образом что-то происходит, я только доказываю, что то, о чем идет речь, существует, то разве это не достаточный ответ Эпикуру и Карнеаду? Я признаю, что дать объяснение искусственной дивинации легче, естественная же — несколько темнее. Люди установили в результате длительного наблюдения, что по внутренностям животных, по молниям, по разным иным знамениям (*portenta*), по звездам можно узнать будущее. И наблюдения над всем этим, длившиеся с глубокой древности, сложились в чудесную науку, которая может даже обходиться без вдохновения и воздействия со стороны богов, так как многократные и внимательные наблюдения обнаружили, что от чего происходит и что предвещает та или иная примета.

(110) Другой вид дивинации, как я уже сказал, это естественная. Она должна быть, принимая в расчет ее физическую тонкость, связана с природой богов, от которых, по мнению ученейших и мудрейших людей, почерпнуты и заимствованы наши души. И так как все заполнено и связано с вечным духом и божественным разумом, то общение божественных духов с человеческими душами необходимо должно оказывать возбуждающее влияние на последние. Но в бодрствующем состоянии наши души обслуживают житейские потребности, и, связанные узами плоти, отстраняются от общения с божественным. (111) А изредка встречается тот род людей, которые освобождаются от тела и все усилия направляют на то, чтобы познать божественное. Авгурии этих людей являются продуктом не божественного вдохновения, а человеческого разума. Ибо они самой природой предчувствуют будущее, как, например, наводнение или мировой пожар, который когда-нибудь охватит небо и землю¹⁷⁰. А другие, много занимавшиеся государственными делами, каким, например, был Солон афинянин, способны задолго предвидеть зарождение тирании¹⁷¹. Таких людей мы можем назвать «сведущими» (*prudentes*), т. е. предусмотрительными (*providentes*), но никак не провидцами (*divini*). Таким человеком был Фалес Милетский. Он, чтобы опровергнуть своих хулителей и доказать, что философ, если сочтет для себя желательным, также может составить себе состояние, говорят, в один год скупил все оливковые насаждения Милета, еще до того, как деревья зацвели. (112) По-видимому, его ученость подсказала ему, что будет превосходный урожай оливок¹⁷². И он же первый, как говорят, предсказал солнечное затмение, которое произошло в царствование Астиага¹⁷³.

L. Врачи, кормчие, даже земледельцы многое предвидят, но я ничего из этого не назову дивинацией, так же как предвидение физика Анаксимандра, который убедил лакедемонян покинуть свой город и жилища и ночевать в поле в полном вооружении, так как произойдет землетрясение. И оно действительно произошло, причем весь город был разрушен, а вершина горы Тайгет сорвалась, точно корма, оторвавшаяся от корпуса корабля¹⁷⁴. Так же и Ферекида, известного учителя Пифагора, который, увидев, что в неиссякаемом дотоле колодце вдруг иссякла вода, предсказал, что произойдет землетрясение, я скорее назову физиком, чем провидцем. (113) Душа человека может быть способной к естественной дивинации только в том случае, если она настолько свободна, что у нее уже совсем нет ничего [общего] с телом, что и происходит с прорицателями или спящими. Эти два вида дивинации признает Дикеарх и, как я уже сказал, наш друг Кратипп. Если названные философы ставят эти виды дивинации на первое место на том основании, что они естественного происхождения, — пусть так! Лишь бы они не отрицали существование других видов. Но если они не ставят ни во что наблюдения, то они отрицают многое такое, чем поддерживается упорядоченность жизни¹⁷⁵. И все же раз они чем-то поступились — немалая уступка, — то нам нет никакой нужды вести с ними жестокую войну, в особенности когда есть такие, которые совсем не признают дивинаций.

(114) Итак, те, чьи души, презрев тела свои, вылетают из них наружу, воспламененные неким жаром и вдохновенные, действительно видят то, о чем, прорицая, возвещают. И от многих обстоятельств воспаляются такие души, которые уже не соприкасаются со своими телами. Одни вдохновляются от некоего тона голосов и фригийской музыки¹⁷⁶, многие — в пещерах, в лесах, многие — на берегах рек и морей. И их дух в состоянии исступления задолго провидит будущее, вроде того, как это было [с Кассандрой]:

Увы, смотрите!¹⁷⁷ Меж тремя богинями
Спор знаменитый некто вскоре разрешит,
И из-за этого суда¹⁷⁸ лакедемонянка —
Одна из фурий к нам прибудет.

Таким образом, многое часто предсказывалось прорицателями и не только в словах, но также

Тем стихом, коим встарь прорицатели пели да фавны¹⁷⁹.

(115) Говорят, что прорицатели Марций и Публиций¹⁸⁰ вещали подобным образом. И в этом же роде давались таинственные изречения Аполлона. Я уверен, что были такие испарения, исходившие из земли¹⁸¹, которые могли привести умы в состояние исступления и делали их способными к прорицаниям.

II. Вот на чем основаны такие прорицания, и, конечно, нечто подобное происходит и во сне. Ибо то, что прорицатели испытывают в бодрствующем состоянии, то же происходит с нами во сне. Во время сна наша душа бодрствует, избавленная от внешних впечатлений и свободная от забот и помех, в то время, как тело лежит точно мертвое. И так как душа наша существовала извечно и пребывала в общении с бесчисленными душами, то она видит все в мире, если только умеренность в еде и питье позволяют душе бодрствовать, когда тело спит. Так обстоит дело с дивинацией во сне.

(116) Теперь встает важный вопрос об истолковании снов по Антифону, что, собственно, представляет уже искусство, а не нечто естественное, так же как толкование оракулов и прорицаний (толкователи их выполняют ту же роль, что грамматики в отношении поэтов).

Боги напрасно сотворили бы золото и серебро, медь и железо, если бы вместе с тем не научили бы, как добираться до их месторождений. И от плодов земных какая польза была бы роду человеческому, если бы, дав их нам, боги не передали нам также умение их выращивать и заготавливать их?¹⁸² А какой прок от любого материала, если бы мы не владели мастерством превращать его в готовое изделие? Так ко всякому полезному благу, которое боги даровали людям, приложено некое искусство, посредством которого это благо может быть использовано. Сходным образом и для сновидений, прорицаний, оракулов, поскольку многие из них были темными и двусмысленными, потребовались объяснения толкователей.

(117) Большой вопрос, каким образом провидцы в исступлении или спящие видят то, что никогда не существовало, но решение его облегчается тем, что хорошо изучены некоторые другие вопросы, связанные с нашим. Решение нашего вопроса целиком содержится в том учении о природе богов, которое ты блестяще изложил во второй книге¹⁸³. Наш вопрос решится, если мы признаем, что боги существуют, что провидение их управляет миром и что они пекутся о людях не только о всех в совокупности, но и о каждом в отдельности. Если мы будем придерживаться этого мнения, которое, как мне кажется, опровергнуть невозможно, то, конечно, из него обязательно следует, что боги дают людям предзнаменования о будущем.

ЛШ. (118) Следует, однако, разобраться, каким образом это происходит. Стоикам не нравится, что боги вникают в выемку печени каждого жертвенного животного или в крики птиц, так как это, считают они, не пристало богам и недостойно их величия — одним словом, не может быть никоим образом. Но так уж с самого начала устроен мир, говорят они, что определенным явлениям предшествуют определенные признаки (*signa*), иные во внутренностях жертвенных животных, иные — в [поведении] птиц, иные — в молниях, иные — в чудесах, иные — в звездах, иные — в сновидениях, иные — в речах исступленных прорицателей. Те, которые хорошо понимают эти предзнаменования, ошибаются не часто. А плохо понятые и плохо истолкованные приводят к ложным заключениям, но вина тут не в знамениях, а в невежестве толкователей.

(119) Если мы будем полагать и признаем, что есть некая божественная сила, властвующая над жизнью людей, то нетрудно усмотреть, чем вызывается все то, что происходит вокруг нас. Ибо эта мыслящая сила (*vis sentiens*)¹⁸⁴, распространенная по всему миру, может и руководить нами при выборе животного для жертвоприношения, и может в тот самый момент, когда ты приносишь жертву, сделать изменение в его внутренностях, так что в них чего-нибудь будет не хватать или что-то окажется лишним. Природа ведь может в несколько мгновений многое или добавить, или изменить, или убрать. И сомневаться в этом не приходится. А наилучшим доказательством может послужить то, что произошло незадолго до гибели Цезаря.

В тот самый день, когда Цезарь в первый раз сел на золотое кресло и появился одетый в пурпурную одежду¹⁸⁵, он принес в жертву быка, и оказалось, что во внутренностях жирного быка не достает сердца. Считаешь ли ты, что животное, снабженное кровью, может существовать без сердца? Цезаря не смутило¹⁸⁶ это необыкновенное явление, хотя Спуринна¹⁸⁷ сказал [ему], что следует опасаться, как бы ему не пришлось лишиться и рассудка и жизни, ведь и то и другое исходят из сердца. А на следующий день у печени жертвенного животного не оказалось головки (*caput in iecore*). Конечно, эти знамения были даны Цезарю бессмертными богами, чтобы он узнал о своей гибели, а не для того, чтобы он остерегся. Стало быть, если во внутренностях не обнаруживаются те части, без которых жертвенное животное не могло жить, то следует полагать, что эти отсутствовавшие части были уничтожены в самый момент жертвоприношения. ЛШ. (120) Этот же божественный ум (*mens*) воздействует и на птиц, вызывая в них желание лететь то сюда, то туда, скрыться то в той, то в другой части [неба], побуждая вещей птиц издавать крики то с правой, то с левой стороны. Но если любое животное может по своему желанию привести свое тело в движение, вниз, вбок, вверх, может, как хочет, члены свои изгибать, поворачивать, вытягивать, сжимать, и все это оно делает чуть ли не до того, как задумало, то насколько это легче для бога, которому все подчинено. (121) Вот он и посылает нам знамения вроде тех, которые описаны многими историками. Так, у одного из них записано, что Луна скрылась, немного ранее восхода Солнца, в созвездии Льва, и это было знамением, предвещавшим победу Александра и македонян над Дарием и персами и смерть Дария. Если родилась девочка о двух головах, то это предвещает, что в народе произойдет раздор, а в семье прелюбодеяние и нарушение супружеской верности. Если женщине приснилось, что она родила льва, то государство, в котором это произошло, будет покорено внешними племенами. В том же роде и знамение, о котором сообщает Геродот¹⁸⁸: сын Креза, еще будучи младенцем, неожиданно заговорил. Это чудо предвещало окончательную гибель отцовского царства и семьи. А кто из историков не писал об охваченной огнем голове спящего Сервия Туллия?¹⁸⁹

Как тот, кто, подготовив свою душу перед сном как добрыми мыслями, так и делами, способствующими душевному спокойствию, видит во сне истинное и верное, так человек и в бодрствующем состоянии, если душа у него чистая и непорочная, более подготовлен понять истинное значение знамений, и звездных, и от птиц, и от внутренностей животных, и прочих.

LIV. (122) Это, несомненно, служит объяснением и тому, что мы знаем о Сократе. Он сам, как известно из книг, написанных его учениками, сократиками¹⁹⁰, говорил о себе, что есть нечто божественное, которое он называет «демоном»¹⁹¹ и которому он всегда повинуетя, которое никогда не побуждает его, но часто удерживает. Тот же Сократ (нужно ли искать лучшего свидетеля), когда Ксенофонт попросил у него совета, следовать ли ему за Киrom или нет¹⁹², высказав свое мнение, добавил: «Мой совет — это совет человека. Но я считаю, что в подобных темных и сомнительных делах следует обратиться к Аполлону». Ведь и афиняне от имени государства обращаются по наиболее важным делам к этому богу.

(123) Пишут также, что Сократ, увидев своего друга Критона с завязанным глазом, спросил у него, что случилось. Критон ответил, что, прогуливаясь в деревне, он отвел ветку дерева, а когда отпустил ее, она ударила его в глаз. Тогда Сократ сказал: «Это потому, что ты не послушался, когда я, руководствуясь, как обычно, божественным предчувствием (*praesagatio divina*), отговаривал тебя от этой прогулки».

Тот же Сократ, когда афиняне под командованием Лахета потерпели поражение при Делии¹⁹³, бежал вместе с самим Лахетом. Но добежав до места, где пересекались три дороги, он отказался следовать по той, по которой направились остальные. А спрашивавшим у него, почему он так поступает, Сократ ответил, что бог его удерживает. И вот те, которые побежали по другой дороге, напали на вражескую конницу.

Антипатр собрал еще много примеров чудесного предвиденья Сократа, но я их обойду, потому что тебе они известны, и мне нет необходимости напоминать о них. (124) Но вот черта в этом философе, которая представляется не только возвышенной, но почти божественной. Когда он был осужден по обвинению в нечестии, то сказал, что встретит смерть со спокойнейшим духом, потому что ни когда он выходил из дома, ни когда поднимался на помост, с которого произносил речь в свое оправдание, бог не подал ему никакого знака о предстоящем несчастье, обычно ведь бог это делал.

LV. Что касается меня, то я так считаю, что если даже те, которые слывут способными к дивинации с помощью искусства или гаданий, во многом и ошибаются, то все же дивинация существует. Люди ведь ошибаются и в других искусствах, так могут и в этом. Может случиться, что какое-нибудь знамение, данное как сомнительное, было принято за достоверное. Может нечто в знамении оказаться скрытым от наблюдателя или нечто, противоречащее этому знамению, быть не замеченным. Мне же для того, чтобы доказать то, что я защищаю, достаточно обнаружить даже не много, а хотя бы два-три факта чудесного предчувствия и предвещения. (125) Нисколько не сомневаясь, я готов утверждать, что если даже в одном только случае предчувствованные и предсказанные события произошли именно так, как они были предсказаны, и если в этом нельзя усмотреть случайного совпадения, то дивинация определенно существует и все должны с этим согласиться. Поэтому прежде всего, мне кажется, следует признать вместе с Посидонием, что вся сила и весь смысл дивинации должны исходить от бога, о чем уже достаточно было сказано, затем от судьбы, затем от природы¹⁹⁴.

Разум заставляет нас признать, что все происходит от судьбы (*omnia fato fieri*)¹⁹⁵. Причем я называю судьбой то, что греки называют *εἰμαρμένη*, т. е. порядок и связь причин, связанных таким образом, что каждая предыдущая порождает из себя последующую. Это вечная истина, проистекающая из всей вечности. А если это так, то, значит, ничего не произошло, что не должно было произойти, точно так же, как не сможет ничего произойти в будущем, действующие причины чего не содержались бы в природе. (126) Из чего понятно, что судьба — это не то, что под этим понимает суеверие, а то, что понимает физика, — извечная причина всего, что произошло в прошлом, происходит в настоящем, произойдет в будущем¹⁹⁶.

Но в таком случае открывается возможность путем наблюдений подметить, какое событие следует за той или иной причиной, если не всегда, что трудно утверждать, то очень часто. А раз так, то вполне правдоподобно, что эти же причины будущих событий опознаются теми, кто видит их в состоянии исступления или во сне.

LVI. (127) Кроме того, раз все происходит от судьбы, что будет показано в другом месте¹⁹⁷, то если бы мог найтись такой смертный, который мог бы духом своим обозреть всю цепь причин, то он не мог бы ни в чем ошибаться. Ибо тот, кто знает причины будущих событий, тот, несомненно, знает все, что произойдет в будущем. Но так как этого никто не может, кроме бога, то следует оставить человеку хотя бы возможность предвидеть будущее по каким-то признакам, указывающим, что должно последовать за ними. Ибо будущее наступает не внезапно. Время продвигается наподобие разматывающегося каната, оно не являет ничего нового, ничего такого, что бы раскрылось впервые, что видят и те, которым дана способность естественной дивинации, и те, для которых ход событий становится ясным в результате наблюдений. Эти последние, если самих причин не видят, зато замечают признаки (*signa*) причин и приметы (*notae*). Старательно ведутся наблюдения и замеченное сохраняется в памяти. А к этому добавляется еще почерпнутое из памятников прошлого. Так складывается та дивинация, которая называется искусственной и узнает будущее по внутренностям животных, по молниям, по чудесам, по небесным явлениям. (128) Не следует удивляться, что провидцы иногда предвидят то, что никогда не сбывается, ибо все это существует, но не во времени. Как в семени содержится возможность (*vis*) того, что из него рождается, так в причинах заложены события будущего, и то, что они состоятся, видит ум (*mens*) человеческий или в состоянии [особого] возбуждения, или освобожденный от уз плоти сном, или предвидит рассудок или сообразительность (*ratio aut coniectura*). Как ученые, наблюдающие восходы, заходы и передвижения солнца, луны и прочих светил, задолго предсказывают, когда произойдет то или иное из этих небесных явлений, так и те, которые в результате длительного и углубленного изучения заметили последовательность в ходе фактов и событий, могут или всегда, или, если это трудно, по большей части, или пусть даже только иногда, верно узнавать, что произойдет в будущем. Вот некоторые доводы в пользу дивинации, которые выведены из познания роли судьбы. LVII. (129) А другое доказательство мы получаем от природы, которая показывает, сколь велика сила души, избавленной от телесных чувств, что происходит главным образом или во сне, или в состоянии исступления. Как души богов (*animi deorum*) без помощи глаз, ушей, языка знают друг о друге, что каждый думает (поэтому-то, когда люди даже молча просят о чем-нибудь или дают обет, то не сомневаются, что боги это слышат), так и человеческие души, когда они или, освобожденные сном, не связаны с телом, или, будучи приведены в состояние душевного возбуждения, сами по себе свободные, вдохновленные, умом замечают то, что души, спутанные с телом, видеть не могут.

(130) И вот эту-то природную основу, пожалуй, трудно отнести к тому виду дивинации, который, как мы говорили, произошел из искусства. Хотя Посидоний пытался это сделать. Ведь и в природе, как считает этот философ, бывают некоторые приметы — предвестники будущего. Так и Гераклид Понтийский пишет, что жители острова Кеоса каждый год внимательно следят за восходом Сириуса и, основываясь на своих наблюдениях, предугадывают, какой будет год: здоровый или вредный для здоровья. Если эта звезда восходит темная и как бы затуманенная, то воздух в том году будет густой и плотный, дышать им будет трудно и вредно для здоровья. Если же звезда будет выглядеть светлой и яркой, то это означает, что воздух будет легкий и чистый и поэтому — здоровый.

(131) А Демокрит полагает, что древние мудро установили, чтобы велись наблюдения над внутренностями жертвенных животных, потому что по их состоянию и цвету можно по определенным признакам узнать и о состоянии воздуха — здоровый он или нездоровый, а иногда даже сделать выводы о будущем бесплодии или плодородии полей. Если эти выводы

основаны на наблюдениях над природой и на опыте, то каждый день наблюдений может добавить многое, заслуживающее внимания. И похоже на то, что ученый физик в «Хризе» Пакувия очень плохо знал природу (*naturam rerum*), когда убеждал:

...людей, которые язык птиц понимают
И больше узнают из печени чужой, чем собственной,
Мне кажется, скорее должно слушать, чем их слушаться.

— Почему? — спршу, — если ты сам [физик], немного стихов спустя, очень хорошо скажешь:

Но что ни будь, оно живет, творит, питает, множит, зиждет все,
Берет назад и все в себе скрывает, всем вещам отец,
В нем все берет начало и к нему идет обратно*.

Почему же, когда у всех один дом, общий, когда души человеческие существовали всегда и всегда будут существовать, почему эти души не могут усмотреть, что от чего происходит, и что то или иное обстоятельство предзнаменует? Вот, что я могу сказать о дивинации», — заключил Квинт и добавил:

LVIII. (132) «А теперь я хочу заверить, что я не признаю ни тех, которые гадают по жребию, ни тех, которые прорицают за деньги, ни тех, которые занимаются психомантией¹⁹⁸, в общем, никого из тех, к которым обычно прибегает твой друг Аппий¹⁹⁹. Ни во что я не ставлю также ни авгура из племени марсов, ни гаруспиков, бродящих по деревьям, ни толкущихся у цирка²⁰⁰ астрологов, ни гадателей Исиды²⁰¹, ни толкователей снов. Всем им чуждо искусство дивинации, все они невежды в этом:

Суеверные пророки, без стыда гадатели,
Иль невежды, иль безумцы, иль нуждой гонимые,
Что, своей тропы не зная, путь другим указуют,
Напророчат вам за драхму целые сокровища.
Пусть из этого богатства драхму взяли бы себе,
Остальное возвратили б...

Это стихи Энния²⁰², который несколькими стихами выше утверждает, что боги хотя и существуют, но совсем не заботятся о том, что творит род человеческий. Я же считаю, что боги и заботятся о людях, и предупреждают о многом, и поэтому признаю существование дивинации, конечно, исключая случаи злоупотребления по невежеству, из тщеславия, из лукавства».

После этих слов Квинта я сказал:

«Ты, однако, прекрасно подготовился...»

[Лакуна]

ПРИМЕЧАНИЯ О ДИВИНАЦИИ. Книга I

1. *С героических времен* — О различных видах дивинации упоминается у Гомера и в легендах Троянского цикла.

2. Развернутое определение понятия «дивинация» — см.: I, 9. Ввиду невозможности выразить все оттенки термина «дивинация» одним русским словом, мы сочли целесообразным передать его в латинском звучании.
3. *По толкованию Платона* — См.: *Платон*. Федр, 244 В—С. Латинским *furo* Цицерон перевел греческое *μανία*.
4. Во времена Цицерона астрологов, предсказывавших будущее по звездам, нередко называли *халдеями*, независимо от их этнической принадлежности.
5. Управление рядом областей Малой Азии было поручено Цицерону (в звании проконсула) в 51 г.
6. Оракулами у римлян назывались как сами прорицания, так и места, где они давались. *Пифия* — жрица, изрекавшая оракулы в храме Аполлона в Дельфах (Фокида в Средней Греции). Пифия при этом восседала на треножнике, который стоял над расселиной в скале. Древние считали, что из этой расселины выделяются особые земные испарения, вдыхание которых приводило Пифию в состояние исступления. При этом жрица изрекала слова, которые истолковывались как предвещения Аполлона. В *Додоне* (Эпир, Сев. Греция) оракул был при храме Зевса. Рядом с храмом находилась священная дубрава. Жрец «угадывал» волю бога по шелесту листьев священного дуба. Культ древнеегипетского бога *Аммона* был перенесен в Грецию и Рим; это божество было отождествлено с Зевсом-Юпитером. Славился храм и при нем оракул Аммона в Фивах египетских.
7. *Ромул... был... авгуром* — ср.: *Ливий*, I, 6. Об авгурах, ауспициях, гаруспиках и гаруспициях — см.: *Цицерон*, О природе богов, I, 55, *примеч.*
8. *Сивиллины... прорицания* — см.: Там же, II, 10, *примеч.*
9. *Корнелий Куллеол* — ближе неизвестен.
10. *Октавиева война* — см.: *Цицерон*. О природе богов, II, 14, *примеч.*
11. *Наш верховный совет* — имеется в виду сенат.
12. *Л. Юлий* — Луций Юлий Цезарь, консул 90 г.
13. *Метелл Балеарский* — консул 123 г., подчинивший Риму Балеарские острова.
14. *Честь для Академии* — Цицерон имеет в виду Новую Академию.
15. *В моем Тускуланском имении* — в этом имении, расположенном недалеко от Рима, Цицерон, отошедший от политической деятельности, прожил почти безвыездно несколько лет. Здесь он написал ряд своих произведений, в частности «Тускуланские беседы».
16. *Ликей... гимнасий* — В Тускуланском имении Цицерона были два «гимнасия» (у греков гимнасием называлось место для гимнастических занятий, а также для прогулок и бесед), которые он назвал «Ликей» и «Академия» в честь аристотелевской и платоновской философских школ.
17. *О Котте* — см.: *Цицерон*. О природе богов, I, 15, *примеч.*
18. См.: Там же, III, 95.
19. *Нет ничего другого, чем бы я мог заниматься* — намек на вынужденный отход Цицерона от государственных дел. Ср.: Там же, I, 7.
20. *Вороне каркать слева, а ворону — справа* — Ворон и ворона считались «вещими» птицами, и в зависимости от того, с какой стороны раздавалось их карканье, оно рассматривалось либо как благоприятное, либо как неблагоприятное знамение.
21. Далее следуют цитаты из поэмы греческого поэта Арата «Явления», в которой описывались различные небесные явления, а также приметы, предвещающие изменения в состоянии природы: приближение бури, землетрясения и пр. Цицерон перевел эту поэму на латинский язык.
22. *Твоя «Прогностика»* — Квинт имеет в виду, по-видимому, вышеупомянутый перевод Цицерона.
23. *Лягушка-жерлянка* — в оригинале *ascredula* — слово неясного значения, перевод по смыслу.
24. Ср.: *Геофраст*. О приметах бури, XVI, 42.
25. Ср.: Там же, XV; *Плиний*. Естественная история, XVIII, 364.
26. Ср.: *Плиний*. Естественная история, XVIII, 28.

27. *Скаммония* — scammonia — предположительно — разновидность вьюнка. *Аристолохия* — растение кирказон. Ср.: Там же, XXV, 54.
28. *Сумман* — эпитет Юпитера, посылающего ночные зарницы. Этимология названия не ясна. Статуя Юпитера-Суммана стояла на кровле храма на Капитолийском холме, отстоявшего от Тибра приблизительно на 250 м.
29. *Стихи о консулате* — Цицерон написал о событиях, происшедших в год своего консулата, три книги в стихах, от которых сохранились лишь несколько фрагментов. Приведенный ниже — самый значительный из них. В нем муза Урания восхваляет Цицерона, описывая его заслуги перед отечеством.
30. *Был консулом* — в 63 г.
31. *На Альбанской горе* — Альбанская гора и окружающие ее холмы (в центральной части древнего Лация) были культовым центром Юпитера Латинского, покровителя латинских племен. Вновь избранные консулы совершали здесь в дни Латинских праздников жертвоприношения. Ср.: *Цицерон. О природе богов*, I, 15, *примеч.*
32. *Ночная резня* — намек на готовившийся заговор Катилины.
33. *Факел Феба* — неясно, что имеет в виду Цицерон, может быть, пронесшийся метеор. Появление комет, метеоров (особенно на западной стороне неба) считалось у римлян дурным предзнаменованием. Еще более зловещей приметой считалось поражение молнией человека или культовых объектов. Ср.: *Цицерон. Речи против Катилины*, III, 18.
34. *В консульство Котты с Торкватом* — 65 г.
35. *Этрусского рода лидиец* — греческая и римская традиция считала этрусков выходцами из Лидии (Малая Азия). Ср.: *Геродот*, I, 94.
36. *Чтимая* — приняв эмендацию *venerata* вместо *generata* в списках.
37. *Статуя Натты* — одна из древних статуй, украшавших фронтон храма Юпитера на Капитолии. О богине Натте более ничего не известно.
38. В храме Юпитера Капитолийского хранились древние медные таблицы с вырезанными на них текстами законов.
39. *Марции... кормилицы* — имеется в виду волчица, которая, по преданию, вскормила своим молоком младенцев Ромула и Рема. Ср.: *Цицерон. Речи против Катилины*, II, 19; *Дион Кассий. Римская история*, XXXVII, 9, 1.
40. *Маворс* — древнее название бога Марса; по преданию, Ромул и Рем были зачаты их матерью Реей Сильвией от бога Марса.
41. Здесь, очевидно, намек на то, что в заговоре Катилины приняли участие ряд знатных римлян, патрицианского происхождения.
42. Вместо попорченной ударом молнии статуи Юпитера на Капитолии была заказана другая, большего размера. Гаруспики указали, что она должна быть установлена на высокой колонне и обращена лицом к востоку, в том направлении, где находились форум и курия и где происходили заседания сената. Статуя была готова, но с установкой ее произошла по какой-то причине задержка. Установка статуи была назначена на тот самый день, в который были схвачены участники заговора Катилины. Цицерон в своей обвинительной речи искусно обыграл это «совпадение», объявив его чудесным знамением, посланным богами. Ср.: *Цицерон. Речи против Катилины*, III, 20—21; *Дион Кассий. Римская история*, XXXVII, 9, 2; XXXVII, 9, 4.
43. *В расцвете юности вырванного* — Цицерон в молодости слушал лекции знаменитых греческих философов. Ср.: *Цицерон. О природе богов*, I, 6.
44. *Бросок... игральные кости... дал «венеру»* — самый удачный бросок. Игральные кости имели на четырех своих гранях цифры от I до IV, самый удачный бросок — когда все четыре кости падали на разные очки — назывался «венерин бросок» (*venus*).
45. Ср.: *Цицерон. О природе богов*, I, 75, *примеч.*
46. Ср.: Там же, III, 43.
47. *Как пишет Пакувий* — цитата из трагедии римского поэта Пакувия «Тевкр»; описывается буря, разметавшая ахейский флот на обратном пути из Трои.

48. *Великий полководец бежал* — имеется в виду Гней Помпей, бежавший после битвы при Фарсале в 48 г., в которой одержал победу Цезарь.
49. *Марк Катон Младший* Утический (96—46 гг.) оратор, философ-стоик, претор 54 г.; был сторонником Помпея. После поражения помпейцев в Африке покончил самоубийством.
50. *Вашими ауспациями* — косвенный упрек в адрес Цицерона, бывшего авгуром. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 14.
51. *Дейотар* — царь Малой Армении (в верхнем течении Тигра и Евфрата), восхваляемый Цицероном за его преданность римским интересам также в особой речи («В защиту царя Дейотара»), получил свою власть от римского сената. В период борьбы между Цезарем и Помпеем он принял сторону последнего, за что Цезарь лишил его власти. Ср.: II, 20.
52. *Наблюдений над полетом орла* — Орел считался вещей птицей, вестником Юпитера. Ср.: I, 106; *Гомер*. Илиада, VIII, 247 сл.
53. *Мудрый Катон* — имеется в виду Катон Старший.
54. *П. Клавдий... Л. Юний* — консулы 249 г.; в Первой Пунической войне в морском бою потерпели поражение от карфагенян. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, II, 7.
55. Стихи из трагедии неизвестного автора.
56. *Марк Лициний Красс* в 60 г. вошел в I триумvirат вместе с Помпеем и Цезарем, в 53 г., будучи проконсулом в Сирии, выступил походом против парфян, потерпел поражение и погиб вместе с сыном в сражении при Каррах.
57. *К. Атей* — народный трибун 55 г., противник Помпея и Красса.
58. Авгур своим жезлом мысленно проводил на небе 2 линии: одну с севера на юг (*cardo*) и другую с востока на запад (*decumans*), пересекающую первую. После этого, обратившись головой к югу или востоку, он приступал к ауспациям, наблюдая, в какой части неба произойдет знамение.
59. Ср.: II, 80; *Цицерон*. О природе богов, II, 9; *Дионисий Галикарнасский*. Римская история, XIV, 2, 5; *Тит Ливий*. I, 18, 7; *Плутарх*. Камилл, 32; *Валерий Максим*, I, 8, 11.
60. *На комиций* — место на форуме, где происходили народные собрания.
61. *Что ты написал о Тиберии Гракхе* — См.: *Цицерон*. О природе богов, II, 11.
62. О Бакиде, прославленном прорицателе времен греко-персидских войн, сообщает также Геродот (История, VIII, 77).
63. *Эпименид*, родом с о. Крита (VI в.), большую часть своей жизни прожил в Афинах. О его прорицаниях см.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 14.
64. Записки Гая Гракха не сохранились. Об истории с его отцом см.: II, 62, а также: *Плутарх*. Тиберий Гракх, I; *Валерий Максим*, IV, 6, 1; *Плиний*. Естественная история, VII, 122.
65. О древности вавилонской науки предсказаний ср.: *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека, II, 31, 9; *Плиний*. Естественная история, VII, 193.
66. *С [вершин] Кавказа* — Кавказом древние греки и римляне называли всю тянущуюся из Европы в Азию цепь северных гор, включая Памир и Гималаи.
67. *Ответях, которые дал пифийский Аполлон* — Ср.: *Геродот*. История, I, 66.
68. *Увидела во сне, что родила маленького сатира* — Ср.: *Валерий Максим*, I, 7, 7.
69. *У Энния* — *Анналы*, I, 35—51 (Фален).
70. *Весталка* — Рея Сильвия, ставшая матерью Ромула и Рема.
71. *Прекрасный мужчина* — бог Марс, от которого Рея Сильвия, по преданию, родила близнецов Ромула и Рема.
72. Стихи предположительно из трагедии Энния «Александр» (Фален).
73. Стихи из трагедии Акция «Брут» (29—38).
74. См.: *Цицерон*, О природе богов, III, 82, *примеч.*
75. Индийский мудрец *Калан*, современник Александра Македонского, смертельно заболев, настоял на том, чтобы его сожгли живого. Александр, желая почтить его, приказал, чтобы при его сожжении была выстроена вся македонская армия. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, II, 69; *Арриан*. Поход Александра, VII, 3; *Квинт Курций Руф*. Деяния Александра Великого, VIII, 9; *Валерий Максим*, I, 8, 90.
76. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, II, 69.

77. *Луций Целий Антинатр* — римский юрист и историк (вторая половина II в.), автор истории Второй Пунической войны.
78. Храм *Юноны Лацинии* находился в Южной Италии, на мысе Лацинии. Ср.: *Тит Ливий*, XXIV, 3.
79. *Силен* — приближенный Ганнибала, автор истории Второй Пунической войны. На греч. яз.
80. *Сагунт* — город в Испании, к югу от реки Ибер, был в союзных отношениях с Римом. В 218 г. Ганнибал захватил этот город и разрушил его, что послужило поводом ко Второй Пунической войне.
81. *Ганнибал... увидел во сне* — ср.: *Тит Ливий*, XXI, 22, 6 сл.; *Валерий Максим*, I, 7, 1.
82. *Агафокл* — известны два историка под этим именем: один из Вавилона, другой — из Самоса, имеется в виду, скорее всего, первый из них.
83. О подвигах *Дециев* см.: *Цицерон*. О природе богов, II, 10; *Т. Ливий*, VIII, 9, 4 сл.; *Валерий Максим*, I, 7, 3.
84. *У Платона... читаем* — см.: *Платон*. Критий, 44, А-В.
85. *Гомер*. Илиада, IX, 363.
86. *Ксенофонт*. Поход 10 тысяч греков, III, 1, 11 и сл.; IV, 3, 8.
87. Ср.: *Плутарх*. Дионисий, 22, 5.
88. *Ареопаг* — государственный совет в Афинах, во времена Софокла вершил суд по делам об убийствах. *Ареопагиты* — члены Ареопага.
89. Ср.: *Т. Ливий*, II, 36; *Валерий Максим*, I, 7, 4; *Плутарх*. Кориолан, 24 сл.
90. Ср.: *Плутарх*. Гай Гракх, I, 7; *Валерий Максим*, I, 7, 6.
91. О сновидении Симонида см. также: II, 134 сл.; *Валерий Максим*, I, 7, 3.
92. Ср.: *Валерий Максим*, I, 7, 10.
93. *События, которые... произошли* — намек на изгнание Цицерона из Рима в 58 г. и последующее его возвращение в 57 г.
94. *Наш Саллюстий* — имеется в виду, по-видимому, вольноотпущенник Цицерона, носивший то же имя, что известный историк. Цицерон упоминает об этом вольноотпущеннике, сопровождавшем Цицерона в изгнание, в некоторых своих письмах.
95. *Во времена того бегства* — в 58 г. народный трибун Публий Клодий провел через комиции закон, обрекавший на изгнание всякого, кто казнил римского гражданина без суда. Закон этот был направлен против Цицерона, который, будучи консулом в 63 г., приказал казнить участников заговора Катилины. В апреле 58 г. Цицерон, не дожидаясь суда, бежал из Италии в Фессалоники.
96. *Атина* — город к юго-востоку от Рима. *Марий* и Цицерон были земляками и оба происходили из Арпина, небольшого городка вблизи Атины.
97. *Фасции* — связки прутьев, которые несли ликторы, — охрана, сопровождавшая высокого магистрата. Во время триумфа фасции обвивали лавровыми ветвями.
98. Постановление о возвращении Цицерона на родину было принято сенатом по предложению консула Публия Корнелия Лентула в 57 г.
99. *Платон*. Государство, IX, 571 С — 572 А; ср: *Цицерон*. Тускуланские беседы, IV, 10.
100. *Ничтожных философов* — подразумеваются философы-эпикурейцы.
101. Ср.: *Лукреций*. О природе вещей, I, 132—135.
102. Ср.: II, 119; II, 129; II, 137.
103. *О близкой смерти Ахилла* — *Гомер*. Илиада, XXII, 355—360.
104. *Известные слова* — следует цитата из комедии Плавта «Кубышка», 178.
105. Далее идут цитаты из трагедии Энния «Александр».
106. *Г. Копоний* — претор в 49 г., так же, как Цицерон, сражался на стороне Помпея против Цезаря.
107. *Диррахий* — приморский город в Иллирии, на берегу Адриатического моря, где в 48 г. собрались сторонники Помпея перед решающим сражением.
108. *Квинкверема* — корабль с пятью рядами весел.
109. Ср.: *Гомер*. Илиада, II, 299—330.

110. Ср.: II, 67; *Плутарх*. Сулла, 37; *Валерий Максим*, I, 6, 4. Цицерон принимал участие в союзнической войне под командованием Суллы.
111. В 371 г. в битве под *Левктрами* (Беотия, Средняя Греция) спартанское войско потерпело поражение от фиванцев.
112. Ср.: II, 67; *Ксенофонт*. Греческая история, VI, 4, 7; *Плиний*. Естественная история, X, 4, 7; 49.
113. *Трофоний* — эпитет Зевса-Юпитера. Храм и оракул Зевса-Трофония находился в Беотии, в городе Лебадия.
114. Ср.: *Павсаний*. Описание Эллады, IX, 39.
115. Ср.: II, 69.
116. Ср.: *Т. Ливий*, XXII, 3, 11; *Валерий Максим*, I, 6, 6.
117. В римской армии роль знамени играло изображение орла на древке.
118. Ср.: *Т. Ливий*, XXII, 5—8; *Плиний*. Естественная история, II, 200.
119. *Мидас* — легендарный царь Фригии (в Малой Азии), славившийся своим богатством. Ср.: *Валерий Максим*, I, 6, 2.
120. Ср.: *Валерий Максим*, I, 6, 3; *Плиний*. Естественная история, XI, 55.
121. *Росций* — знаменитый актер, современник Цицерона. Ср.: II, 66.
122. *Ланувий* — город к юго-востоку от Рима, на Альбанской горе.
123. *Паситель* — эмендация Винкельмана, всеми принятая. В оригинале, в разных списках — «Пракситель» — явная описка; знаменитый греческий скульптор Пракситель жил тремя веками ранее Росция. Ср.: *Плиний*, Естественная история, XXXIII, 156 и XXXVI, 39.
124. *Архий* — римский поэт, современник Цицерона.
125. *Ампсанкт* — озеро в Самнии (Средняя Италия), выделявшее ядовитые испарения. Ср.: *Вергилий*. Энеида, VII, 563—571.
126. *Гирпины* — одно из самнитских племен.
127. *Плутония* — местность в Малой Азии, где находился храм Плутона и вблизи него глубокая пещера, считавшаяся входом в царство мертвых.
128. *Как это описывает поэт* — Далее следует цитата из трагедии Пакувия «Тевкр».
129. Ср.: *Цицерон*. Об ораторе, II, 194.
130. *Платон*. Федр, 244 А; 245 А; *Он же*. Законы, 682 А.
131. *Клавдий Эзоп* — известный римский актер, современник Цицерона.
132. *Бренн* — вождь галлов, вторгшихся в 278 г. в Грецию, захвативших Дельфы, но затем потерпевших поражение от греков. Ср.: *Юстин*, XXIV, 8, 5; *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека, XXII, 9, 5.
133. Ср.: II, 101—102 и 104—106.
134. *Калхант*, — *пишет Гомер*, — *был... авгуром* — «Илиада», I, 68, сл.
135. Ср.: О природе богов, II, 7 и *примеч.*
136. *Изрекают... выгоды* — из неизвестной трагедии (Фален).
137. *О Тиресии Гомер рассказывает* — *Гомер*. Одиссея, X, 494 сл.
138. *По Титу Ливию* (XXV, 12, 2), *братья Марции* предсказали исход битвы при Каннах.
139. *Полид Коринфянин* — см.: *Гомер*. Илиада, XIII, 663.
140. В Риме во времена Республики авгуры считались магистратами, т. е. государственными должностными лицами, и были членами сената.
141. *Друиды* — жреческое сословие у галлов. Ср.: *Цезарь*. Записки о галльской войне, VI, 13. *Эдуи* — галльское племя.
142. *Вы ведь* — т. е. авгуры, к числу которых принадлежал также Цицерон.
143. *Ноны* — пятый или (в марте, мае, июне, октябре) седьмой день месяца.
144. *В Ассирии* — Цицерон в ряде мест называет Ассирию Сирией. И в этом месте в оригинале тоже стоит «Сирия». Ср. также: *Геродот*. История. VII, 63: «Тех, которых эллины называют сирийцами, варвары называют ассирийцами».
145. Неизвестно, когда римский сенат принял такое постановление. Ср.: *Цицерон*. О законах, II, 21; *Тацит*. Анналы, XI, 15.
146. Ср.: II, 81.

147. *Старцам* — государственный совет в Спарте назывался «герусия» от «геронт» — «старец».
148. *Ликург* — ср.: *Цицерон*. О природе богов, III, 11.
149. Спарта была одним из культовых центров лунной богини *Пасифаи*.
150. *Децемвиры* — хранители и толкователи сивиллиных книг. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 10, *примеч.*
151. *Атрат* — небольшая река вблизи Рима.
152. *В начале войны с марсами* — марсы — племя в Средней Италии; во время восстания италиков против Рима («Союзническая война», 91—88 гг.) марсы нанесли ряд поражений римским легионам.
153. *Луций Корнелий Сизенна* — современник Цицерона, написал историю Рима от мифических времен до 82 г., от которой сохранились только фрагменты. По своим философским взглядам был близок к эпикурейцам.
154. *Щиты в Ланувии* — ср.: II, 59; *Плиний*. Естественная история, VIII, 221.
155. Ср.: II, 69. Легенду об Альбанском озере рассказывают также Тит Ливий (V, 15, 2 сл.), Дионисий Галикарнасский (XII, 10—13),
156. Ср.: II, 69. В действительности вода из озера была отведена через туннель (длиною в 2334 м, ок. 2 м в высоту, 1,2 м в ширину) в Тибр, через один из его притоков, по-видимому, с целью ирригации окружающей территории. См.: *Плутарх*. Камилл, 3.
157. *Голоса фавнов* — ср.: II, 69; *Цицерон*. О природе богов, II, 6.
158. Галлы захватили Рим в 390 г. (или в 387 г.). Ср.: *Тит Ливий*, V, 32. 6.
159. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, III, 47; *Тит Ливий*, VII, 28.
160. Ср.: *Валерий Максим*, I, 5, 3.
161. *Фламин* — жрец какого-либо божества.
162. Ср.: *Валерий Максим*, I, 5, 4.
163. *Когда ты был консулом* — в 63 г.
164. Имеются в виду события, связанные с заговором Катилины.
165. «*Писидийцем*»... «*соранским авгуром*» — население Писидии (в Малой Азии) было особенно привержено ауспициям. *Сора* — глухое местечко в Лации, обитатели которого отличались суеверностью.
166. Ср.: II, 28; *Цицерон*. О природе богов, I, 118; *Он же*. О законах, II, 23.
167. От написанной Цицероном поэмы о Марии, помимо приведенных стихов, сохранились еще только три строки.
168. *Описано у Энния* — *Анналы*, 77—96 (Фален).
169. В оригинале — Ромой; латинское название Рима — «Рома».
170. *Мировой пожар, который когда-нибудь охватит небо и землю* — по учению стоиков. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, II, 118; *Он же*. Учение академиков, II, 119.
171. Ср.: *Диог. Лаэрт.* I, 49; 65; *Плутарх*. Солон, 29 сл.
172. Ср.: *Плиний*. Естественная история, XVIII, 273. *Аристотель*. Политика, I, 11.
173. Полное солнечное затмение произошло 28 мая 585 г. Ср.: *Геродот*. История, I, 74, 103.
174. Об Анаксимандре. Ср.: *Плиний*. Естественная история, II, 191; *Плутарх*. Кимон, 16. О *Ферекиде* см.: *Диог. Лаэрт.*, I, 116.
175. *Упорядоченность жизни* — ср.: *Цицерон*. Учение академиков, II, 132.
176. Особенно возбуждающей считалась игра на фригийской флейте. Ср.: *Лукреций*. О природе вещей, II, 620.
177. *Увы, смотрите* — фрагмент из трагедии Энния «Александр» (Фален).
178. *Из-за этого суда* — Парис (другое имя — Александр), сын троянского царя Приама, разрешил спор между тремя богинями, Герой, Афиной и Афродитой, признав прекраснейшей Афродиту. За это Афродита помогла Парису похитить Елену, жену спартанского царя Менелая, и это послужило поводом к Троянской войне.
179. *Энний*. *Анналы*, 214 (Фален).
180. *О Марции* — см. прим. к I, 89. Публиций — ближе неизвестен.
181. *Испарения из земли* — например, в Дельфах.

182. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, II, 146.
183. *Во второй книге* — имеется в виду трактат «О природе богов».
184. *Мыслящая сила* — ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 39; II, 22, 85.
185. В 45 г. Цезарю было присвоено звание «пожизненного диктатора». С этого времени он стал носить пурпурную одежду (какую носили древнеримские цари) и во время заседаний сената восседал на золотом троне. Описанный случай с жертвенным быком сообщает ряд авторов. Ср.: II, 36; *Плиний*. Естественная история, XI, 186 сл.; *Валерий Максим*, I, 6, 13; *Светоний*. Юлий Цезарь, 77; *Аппиан*. Гражданские войны, II, 116; *Плутарх*. Цезарь, 63.
186. *[He] смутило* — приняв конъектуру Клотца; в списках — «смутило», что противоречит рассказу Светония.
187. *Спуринна* — этруск-гаруспик, который, по Светонию, предсказал события мартовских ид. Ср.: *Светоний*. Юлий Цезарь, 81.
188. *Знамение, о котором сообщает Геродот* — Геродот о случае с сыном Креза рассказывает несколько по-иному. Ср.: *Геродот*. История, I, 85.
189. Согласно римской традиции шестой по счету древнеримский царь Сервий Туллий был сыном рабыни, но воспитывался в царском доме. Однажды, еще будучи ребенком, он заснул и внезапно вокруг его головы появился огненный ореол. Вызванный этруск-гаруспик объяснил, что это чудо предзнаменует великое будущее для мальчика. Царь усыновил его, позже сделал своим зятем и передал ему царство. Ср.: *Тит Ливий*, I, 39.
190. *Сократиками* — учениками Сократа, главным образом Ксенофонтom и Платоном.
191. *δαξιόνιον* — внутренний божественный голос. Ср.: *Платон*. Апология, 31 Д; *Диог. Лаэрт.*, II, 32.
192. Ср.: *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе, I, 1, 6 сл.; *Диог. Лаэрт.*, II, 49 сл.
193. В 424 г. афиняне близ города Делий (в Беотии) потерпели поражение от пелопоннесских союзников. Ср.: *Платон*. Пир, 219 — E, 221 — B.
194. Ср.: II, 27.
195. Ср.: *Цицерон*. О судьбе, 20; 38; *Он же*. О природе богов, I, 40; I, 55; III, 14; *Он же*. Тускуланские беседы, V, 70.
196. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, III, 92; *Лукреций*. О природе вещей, I, 146—148.
197. *В другом месте* — Цицерон позже посвятил этому вопросу особый трактат «О судьбе».
198. *Психомантия* — гадание путем вызывания душ умерших людей, у греков также «некромантия».
199. Ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 32.
200. *Толкующихся у цирка* — там, где большое стечение народа.
201. *Гадателей Исиды* — во времена Цицерона в Риме были широко распространены разные восточные культы, в том числе и культ египетской Исиды.
202. *Эти стихи Энния* — из трагедии «Теламон» (Фален).
- * Перевод В.И. Модестова.

Книга II

I. (1) Не раз спрашивая себя, чем я могу быть наиболее полезным для республики, не оставляя моих забот о ней, после многих и долгих размышлений, пришел я к такому заключению: лучше всего будет, если я открою моим согражданам путь к благородным наукам. И я думаю, что уже следовал этому во многих моих книгах. Так, в книге под заглавием «Гортензий»¹ я приложил все усилия, чтобы побудить римлян заниматься философией. А какой род философствования нам кажется наименее самоуверенным (*arrogans*) и в то же время наиболее основательным (*constans*) и изящным (*elegans*), я показываю в четырех Академических книгах². (2) Далее, так как в основе философии лежит [познание] пределов добра и зла, то я рассмотрел и этот вопрос в пяти книгах³, чтобы можно было разобраться в доводах, приводимых разными философами за и против. За этими последовали

книги «Тускуланских бесед», в которых вскрыты условия, наиболее необходимые для счастливой жизни. В первой из этих книг говорится о презрении к смерти, во второй — об успокоении в горе, в третьей — об облегчении боли, в четвертой — о других душевных волнениях. Наконец, в пятой книге обсуждается вопрос, который бросает яркий свет на всю философию, ибо эта книга учит, что для счастливой жизни необходимо, чтобы добродетель сама в себе находила удовлетворение. (3) После того как были изложены эти вопросы, я написал три книги о природе богов, в которых содержится исследование этой проблемы. А чтобы полностью завершить рассмотрение всего круга вопросов, связанных с нею, я приступил к написанию этих книг о дивинации. Если я добавлю к ним задуманную мною книгу о судьбе, то это будет уже достаточно исчерпывающим ответом на этот вопрос. К названным книгам следует еще причислить шесть книг «О государстве», они были написаны мною в ту пору, когда я еще держал в руках кормило управления республикой, и в них исследуется важный вопрос, имеющий прямое отношение к философии, вопрос, которым много занимались Платон и Аристотель, Теофраст и все семейство перипатетиков.

А что мне сказать об «Утешении», книге моей, которая, конечно, и мне самому принесла исцеление и, наверное, то же принесет многим другим?⁴

Среди этих трудов я недавно написал также книгу «О старости», которую посвятил моему другу Аттику. И так как главным образом философия делает человека и добродетельным и мужественным, то во многих из этих книг выведен наш Катон.

(4) Наконец, поскольку и Аристотель и Теофраст, оба мужа выдающегося ума и трудолюбия в науках, трактуя о философии, добавили к этому еще советы по красноречию, то и мне, по-видимому, следует включить в перечень мои книги об ораторском искусстве: три «Об ораторе», четвертую «Брут» и пятую «Оратор».

II. Вот работы, что я написал до сих пор. И воодушевляла меня мысль дополнить их, если только этому не помешает какая-нибудь серьезная причина, с тем, чтобы ни одна философская проблема не осталась неосвещенной на латинском языке⁵. Ибо чем еще другим я могу больше и лучше послужить государству, нежели обучением и воспитанием юношества? В особенности в наши времена, когда нравы его дошли до такой степени распущенности, что необходимо приложить все усилия к тому, чтобы эту молодежь обуздать и укротить.

(5) Я, конечно, не считаю возможным добиться того, чтобы все молодые люди обратились к таким занятиям (да этого и требовать не следует). Но хотя бы немногие! Ведь их усердие могло бы стать хорошим примером в нашем государстве. И я уже собираю плоды этих трудов моих, когда узнаю, что даже люди пожилого возраста получают утешение от моих книг. Таких людей, как я теперь знаю, оказывается даже больше, чем я ожидал, а то рвение, с которым люди мои сочинения читают, с каждым днем возбуждает во мне все больше рвения их писать. Это будет великолепно и, без сомнения, прославит римлян, если они не будут более нуждаться в книгах по философии, написанных греческим письмом. И я этого добьюсь, если выполню намеченное.

(6) А еще одной причиной того, что я счел нужным заняться философией, было тяжелое положение государства⁶. В разгар гражданских войн я не мог ни выступить, как обычно делал, в защиту республики, ни оставаться в бездействии. И я не нашел для себя другого, более подходящего и достойного меня занятия. Мои сограждане простят меня, или, скорее, будут мне признательны за то, что, когда республика оказалась во власти одного человека, я не скрылся, не бежал, не упал духом, и не повел себя как человек обозлившийся на весь свет! С другой стороны, не стал я ни восторгаться, ни изумляться судьбой другого, сожалея о собственной. Этому-то я и научился у Платона, и у философии, а именно, что для государств

естественны разные перевороты, так что они оказываются то под властью знати, то — народа, а то и одного лица⁷.

(7) И когда такое произошло с нашим государством, то я, отставленный от государственных дел, возобновил занятия философией, чтобы и свое горе облегчить и согражданам своим помочь, единственно доступным для меня в этих условиях способом. В книгах я высказывал свои мнения, выступал с речами; я считал, что философия послужит для меня некой заменой государственной деятельности.

Ныне⁸, поскольку меня снова начали привлекать к обсуждению государственных дел, я должен буду отдать всю мою энергию республике или, лучше сказать, перенести на нее все мои помыслы и попечение. А занятиям философией следует уделить то, что останется после государственных дел и обязанностей. Но обо всем этом мы поговорим в другом месте, а сейчас вернемся к начатому обсуждению.

III. (8) Когда мой брат Квинт закончил свое рассуждение о дивинации, записанное в предыдущей книге, мы, сочтя, что уже погуляли достаточно, зашли в библиотеку, ту, что в Ликее⁹, и уселись там:

«Очень хорошо, Квинт, — начал я, — и вполне в стиле стоиков ты защитил стоическое учение. И, что мне более всего понравилось, ты при этом воспользовался многими заимствованными у меня примерами, притом наиболее прославленными и знаменитыми¹⁰.

Итак, мне надлежит ответить на то, что ты говорил. И я это сделаю, но так, что я ничего не буду утверждать, а обо всем только допытываться, по большей части выражая сомнение и не доверяя самому себе¹¹. Ибо если я буду утверждать что-то как достоверное, то сам окажусь в роли прорицателя, — я, отрицающий всякие прорицания.

(9) Прежде всего [нас] занимает тот вопрос, с которого обычно начинал исследование Карнеад: что является предметом дивинации? То, что мы воспринимаем нашими чувствами? Но это мы видим, слышим, ощущаем на вкус, обоняем, осязаем. Разве в этих вещах есть нечто такое, что можно лучше воспринять в состоянии вдохновения, чем естественным образом? Какой прорицатель, если он лишен глаз, как Тиресий¹², сможет отличить черное от белого? А если он глух — обнаружить различия между голосами и тонами? Дивинация не применима ни к чему, что воспринимается чувствами. Нет нужды в ней и для того, что требует применения искусства. Ведь к больным мы приводим обычно не пророков или гадалей, а врачей, а если кому захочется послушать игру на кифаре или флейте, тот обратится за этим к музыкантам, а не к гаруспикам. (10) Так же обстоит дело и с литературой и с науками. Неужели ты считаешь, что те, которые занимаются дивинацией, смогут ответить на вопрос: больше ли Солнце, чем Земля, или оно такого же размера, каким мы его видим? А Луна, светит ли своим светом или заимствованным у Солнца? Или — как движутся Солнце и Луна? Или как [движутся] пять звезд, которые мы называем блуждающими? Ни один из тех, в ком видят божественных провидцев (divini), не будет утверждать, что может ответить на эти вопросы. Или, — что он разбирается в том, что верно или неверно в геометрии. Это дело математиков, а не гадалей.

IV. А по тем вопросам, которыми занимается философия: что такое добро? Что — зло? Что — ни то, ни другое? Может ли какой-нибудь прорицатель дать ответ или совет? Нет! Это дела философов. (11) А относительно обязанностей человека? Неужели кто-то станет искать совета у гаруспика, как ему относиться к родителям? К братьям? К друзьям? Как ему пользоваться своим богатством? Должностным положением? Властью? Об этом идут советоваться к мудрым людям, а не к прорицателям.

А что касается вопросов диалектики или физики, неужто какой-либо из этих прорицателей сумеет выдать прорицание насчет того, сколько существует миров — один мир или их множество? Или что собою представляют начала вещей, из которых все происходит? Это — в ведении физиков. А есть ли смысл предложить прорицателю дать решение софизма «лжец» (греки его называют ψευδόμενος) или другого софизма «сорит» (который, если нужно, можно назвать латинским словом «цепной» (ascervalis), но в этом нет никакой необходимости; как само слово «философия» и много других греческих слов, слово «сорит» стало достаточно общеупотребительным в латинском языке)?¹³ Нет, конечно! Этим занимаются диалектики, а не прорицатели. А если решаются вопросы о наилучшем государственном устройстве, о том, какие законы или обычаи полезны или бесполезны, кто этим будет заниматься? Приглашенные из Этрурии гаруспики или первейшие, избранные мужи, опытные в общественных делах?

(12) Так если ни в том, что подлежит чувственному восприятию, не может быть никакой дивинации, ни в том, что требует искусства, ни в том, что решается философией, ни в государственных делах, то я уж вовсе не понимаю, в чем она, дивинация, может проявить себя? Ведь либо она должна заниматься всем вообще, либо чем-то одним в частности. Но, как нас учит разум, всем дивинация не занимается, а с другой стороны, невозможно найти ни одной такой частной отрасли, в которой можно было бы довериться дивинации.

V. Похоже на то, что вообще никакой дивинации нет. На этот счет есть такой общеизвестный греческий стих¹⁴:

Кто хорошо сообразит, того сочту пророком наилучшим я.

Ибо разве прорицатель предугадает приближение бури лучше, чем корабельный кормчий? Догадается о природе болезни проницательнее, чем врач? Или в руководстве военными действиями сможет проявить больше благоразумия и предусмотрительности, чем полководец?

(13) Впрочем, я обратил внимание, Квинт, на то, что ты предусмотрительно отстранил дивинацию от того рода предвидения, который требует искусства или знаний, и от всего того, что воспринимается чувствами; и дал ей такое определение: дивинация — это предсказание и предчувствие того, что происходит случайно. Но тут ты сталкиваешься с тем же противоречием. Ведь и врачу, и кормчему, и полководцу присуще умение предвидеть случайности. Неужели гаруспик или авгур, или пророк какой, или сновидец, лучше сумеет предвидеть, как больному отделаться от болезни, кораблю избежать крушения, войску не попасть в засаду, чем врач, кормчий, полководец?

(14) Но ты сказал¹⁵, что это не прорицателя дело, по каким-то признакам предсказывать ветер или дождь. Ты об этом даже прочитал на память кое-что из моих переводов Арата¹⁶. Но ведь и дождь, и ветер — это тоже явления случайные, они происходят часто, но не всегда. Так в чем же состоит, или к чему относится тот род предвидения случайных событий, который ты зовешь дивинацией? Все то, что можно предвидеть с помощью искусства или науки, опыта или сообразительности, то, по-твоему, к дивинации не относится, то — дело знания и опыта. Следовательно, на долю дивинации остаются только такие случайности, которые вовсе не могут быть предвидимы никаким искусством, никакой мудростью. Тогда, конечно, следует отнести к дивинации тот случай с Марцеллом¹⁷ (который был трижды консулом), когда ему некий человек за много лет предсказал наперед, что он погибнет при кораблекрушении. Этого действительно не могло бы предвидеть никакое искусство, никакая мудрость.

VI. Итак, по-твоему, предвидение событий, которые подвластны только случаю, это и есть дивинация.

(15) Можно ли иметь какое-то предчувствие о предстоящих событиях, если в настоящем нет никаких оснований, чтобы им произойти? Ведь что имеют в виду, когда говорят, что нечто произошло случайно, по случайности, произвольно? Только то, что произошло, случилось нечто такое, что могло бы, пожалуй, произойти, случиться по-иному. Так каким же образом можно предчувствовать и предсказать то, что неожиданно состоялось по слепому случаю и непостоянству судьбы?¹⁸

(16) Путем умозаключений врач предвидит обострение болезни, полководец — возможность засады, кормчий — приближение бури. Однако и эти люди, хотя и делают свои выводы всегда на определенных основаниях, часто ошибаются. Так и земледelec, глядя на цветущую маслину не без основания считает, что увидит на ней плоды. Но ведь и он иногда ошибается.

Но если ошибаются те, которые предсказывают не иначе, как исходя из соображений возможности данного события, имея на то определенные основания, то что следует думать о предсказаниях, которые даются людьми, гадающими по внутренностям животных, или по птицам, или по чудесам, или по оракулам, или по снам? Сейчас речь не о том, что все эти знамения: выемка в печени, карканье ворона, полет орла, перемещение звезды, выкрики прорицателя в экстазе, жребий, сновидения — никакого значения не имеют. Я скажу в свое время о каждом из этих знамений в отдельности, а сейчас о всех вообще. (17) Кто может предвидеть, что в будущем произойдет нечто такое, чему нет никакой причины, никакого признака, почему оно должно произойти? Те, которые наблюдают и рассчитывают передвижения небесных светил, предсказывают за много лет затмения Солнца и Луны, они предсказывают то, что должно совершиться по естественной необходимости¹⁹. Эти люди, наблюдая поразительное постоянство в передвижении Луны, сделали вывод, что когда она, гонимая из области Солнца, входит в тень Земли²⁰, имеющую вид темного конуса²¹, то при этом должно произойти затмение Луны. А когда та же Луна оказывается между Солнцем и Землей и как раз напротив Солнца, то она отнимает у нас часть его света. Они предсказывают также, когда пройдет через то или иное созвездие та или иная планета, когда произойдет восход или заход того или иного созвездия. И ты знаешь, на чем основаны предсказания этих людей.

VII. (18) Но чем руководствуются те, которые предсказывают, что нам предстоит найти клад или получить наследство? Или в какой природе вещей заключены основания этих событий? Если эти и подобного рода события следуют из природы вещей, то почему мы должны считать, что они произошли случайно, по счастливой случайности?

Нет ничего более противного разуму и постоянству [природы], чем случайность. Мне кажется, что и сам бог не может знать того, что произойдет случайно и произвольно. Ибо если знает, то это определенно произойдет, а если определенно произойдет, то не случайно.

(19) Но, скажешь, есть же случайность! Да, есть, но случайное никак невозможно предвидеть. Или, если ты отрицаешь случайность, если скажешь, что все, что происходит и что произойдет в будущем, фатально определено от вечности, тогда измени свое определение дивинации, которая, по твоим словам, есть предвидение случайного. Если ничто не может состояться, случиться, произойти, не будучи определенным от вечности, если о любом событии достоверно установлено, что оно произойдет и притом в определенное время, то как оно может считаться случайностью? А если нет случайности, то где место дивинации, о которой ты сказал, что это предвидение случайных событий?

Впрочем, ты действительно говорил, что все, что происходит и что произойдет, находится во власти судьбы. В самом этом названии «судьба» (*fatum*) столько суеверия и бабьих басен!

Однако стоики об этой «судьбе» наговорили очень много и я об этом тоже скажу в другом месте. Сейчас в этом нет необходимости.

VIII. (20) Если все решает судьба, то какой мне прок от дивинации? Ведь то, что предскажет прорицатель, безусловно должно сбыться. Так что я не знаю, как это получилось, что нашего приятеля Дейотара орел вернул с полпути. Скажешь, если бы не вернулся, то он должен был заночевать в том помещении, которое в следующую ночь рухнуло, и, следовательно, его бы задавило обломками. Но если такова была судьба, то Дейотар никак не мог бы избежать смерти. А если не было суждено, то он и не должен был погибнуть.

Какая же помощь от дивинации? Какой толк от вытягивания жребия, от гадания по внутренностям животных или другого прорицания? Если такова была судьба, чтобы два римских флота в Первой Пунической войне погибли, один от бури, другой — разбитый карфагенянами, то даже если бы консулы Л. Юний и П. Клавдий получили от священных кур самые благоприятные предзнаменования, флоты все равно должны были погибнуть. А если, подчинившись ауспiciям, можно было избежать гибели флотов, тогда, значит, судьба к их гибели не имеет никакого отношения. По-вашему, все зависит от судьбы. Тогда нет никакой дивинации.

(21) Коль скоро такова была судьба, чтобы во Второй Пунической войне римское войско погибло в сражении при Тразименском озере, то неужели, если б консул Фламиний даже подчинился тем знамениям и ауспiciям, которыми запрещалось сражаться, войско могло бы избежать гибели? Скажешь, конечно, могло бы!²² В таком случае или гибель нашего войска не была предрешена судьбой, потому что предопределенное судьбой не может быть изменено, или, если такова была судьба нашего войска (по вашему это именно так), то, пусть даже Фламиний подчинился бы ауспiciям, все равно оно должно было погибнуть. Так где же эта дивинация, на существовании которой так настаивают стоики? Ведь если все от судьбы, то ничто не сможет нас убедить, чтобы мы были поосторожней. И как бы мы не остерегались, то, что должно состояться, состоится. А если это можно отклонить, то, значит, нет никакой судьбы. А следовательно, нет также и дивинации, ибо дивинация касается будущих событий, а ничто в будущем не является достоверно установленным, если, приняв какие-то меры, можно сделать так, чтобы этого не случилось.

IX. (22) А я так считаю, что для нас знание будущих событий даже и не является полезным²³. Что за жизнь была бы у Приама, если бы он с юных лет знал, что ему предстоит перенести в старости? Или взять пример не из выдуманного, а более близкий к нам. В моей книге «Об утешении» я собрал ряд случаев злосчастнейшей гибели²⁴ славнейших граждан нашего государства. И что же? Разве для Марка Красса (опустим более ранние случаи) было бы лучше, если бы в пору его наивысшего могущества и богатства он узнал, что ему предстоит проиграть сражение за Евфратом, в котором будет убит его сын Публий и истреблено его войско, и самому принять позорную и постыдную кончину?²⁵ Или, ты считаешь, Гней Помпей, трижды избираемый консулом, трижды получая триумф, покрытый славой своих великих подвигов, мог бы всему этому радоваться, если б знал, что он, потеряв свое войско, будет однажды зарезан на пустынном берегу Египта?²⁶ И что после его смерти последует то, о чем я без слез говорить не могу? (23) Или Цезарь, если бы предвидел, что в том самом сенате, большую часть состава которого он сам же и назначил, в курии Помпея, пред самой статуей Помпея²⁷, на глазах у стольких преданных ему центурионов²⁸, он будет заколот знатнейшими гражданами, часть которых получила от него же всякие награды, и что к упавшему телу его не подойдет не только никто из его друзей, но даже из рабов²⁹; если бы Цезарь все это знал заранее, подумать только, какие душевные муки он испытал бы при жизни! Конечно же, не знать о будущих несчастьях лучше, чем знать. (24) Ибо никто — особенно это относится к стойкам — никоим образом не может утверждать, что если б знал, то не взялся бы за оружие

Помпей, не переправился через Евфрат Красс, не предпринял бы гражданскую войну Цезарь. Следовательно, их конец отнюдь не был фатальным. А ведь вы считаете, что все происходит по воле судьбы³⁰. Стало быть, ничем бы им не помогла дивинация, но даже отравила бы им всю предыдущую жизнь, отняла бы все ее радости. Что могло бы их радовать, если бы ими постоянно владела мысль об ужасной смерти?

Так что, как бы ни вертелись стоики, все их хитроумие никак им не поможет. Потому что, если то, что произойдет в будущем, может произойти либо так, либо по-другому, то это значит, что главную роль играет случай. А то, что случайно, не может быть достоверно установленным. Но если достоверно установлено, что, с чем и в какое время произойдет, то чем мне помогут гаруспики, если даже верно предскажут все великие несчастья, которые мне придется перенести?

X. (25) Наконец, стоики добавляют, что несчастья, которые должны выпасть на долю человека, можно облегчить, если прибегнуть к религиозным обрядам. Но если ничто не происходит без судьбы, то и обращение к богам ничем не может помочь. Этому мнения придерживался и Гомер, когда вывел в своей поэме Юпитера, жалующегося на то, что он не может, против судьбы, вырвать своего сына Сарпедона из рук смерти³¹. Эта же мысль выражена в следующем греческом стихе³²:

Чему быть суждено, не отменить Юпитеру.

Мне кажется, с полным правом насмехается над судьбой также стих ателланы³³. Но мы не будем шутить со столь серьезными вещами. Поэтому в заключение скажу только: если то, что произойдет в будущем, произойдет случайно, то его невозможно предвидеть, ибо оно не может быть достоверно установлено, и, следовательно, не может быть никакой дивинации. Если же будущее возможно предвидеть, потому что оно достоверно и фатально установлено, то опять-таки — нет дивинации, ведь ты сам говорил, что дивинация возможна только относительно случайного.

(26) Однако до сих пор у нас была только легкая стычка. А теперь мы перейдем к рукопашной. Попробую, не смогу ли я оттеснить фланги твоих доказательств.

XI. Ты говорил³⁴, что есть два вида дивинации. Один искусственный, другой естественный. Искусственный основан частично на догадке, частично на продолжительных наблюдениях. При естественной дивинации душа схватывает или воспринимает извне, от божественного (ex divinitate), от которого все наши души как бы заимствованы или почерпнуты, или излились³⁵.

К искусственному виду дивинации ты относишь такие, к примеру, способы, какие применяют предсказывающие по внутренностям жертвенных животных, по молниям и необычным явлениям, затем — приемы авгуров и тех, кто предвещает будущее на основании всяких примет или предзнаменований.

Ты относишь к этому виду почти все виды предугадывания. (27) А естественный вид дивинации — это когда предвидение будущего или исходит от возбужденного ума и как бы изливается из него или когда будущее предвидит душа, избавленная сном от тревожащих ее ощущений и забот.

Итак, ты указал на три источника дивинации: на бога, на судьбу и на природу. Но так как ты объяснить не мог ничего, то стал воевать великим множеством надуманных примеров. Позволь же мне прежде всего сказать, что, по-моему, философу не дело использовать такие свидетельства, которые либо случайно совпадают с истиной, либо являются ложными,

выдуманными недобросовестными людьми. Аргументами и доводами надо доказывать, почему то или иное произошло, а не случаями, особенно такими, которым мне позволительно и не верить.

XII. (28) Начну с гаруспиций. Я утверждаю, что из уважения к государству и общественной религии к гаруспициям следует относиться с почтением³⁶. Но тут мы одни и можем позволить себе исследовать вопрос, не боясь [навлечь на себя] недоброжелательное отношение (*sine invidia*), это особенно относится ко мне, столь многое ставящему под сомнение.

Разберемся, если угодно, сперва с внутренностями. [По твоим словам], гаруспики обнаружили на основании долгих наблюдений, что внутренности животных предвещают будущее. А разве это можно доказать? Как долго длились эти наблюдения? Когда они начались? Как наблюдавшие пришли к согласию относительно того, какая часть внутренностей является неблагоприятной, какая благоприятной? Какая выемка в печени предвещает опасность, какая — что-то хорошее? Что же, все гаруспики — этруски, элидяне, египтяне, карфагеняне — пришли к единому мнению? Однако этого и быть не могло, и даже вообразить себе это невозможно. Потому что мы знаем, что разные гаруспики по-разному толкуют показания внутренностей. Нет у них единого для всех учения.

(29) Конечно, если во внутренностях животных есть какая-то сила (*vis*), которая возвещает будущее, то она обязательно или должна быть связана с природой вещей, или должна быть некоторым образом сродни чему-то божественному, божественной силе.

Но что общего может иметь с природой вещей столь всеобщей, столь славной, разлитой по всему миру во всех его частях и движениях, не скажу, желчь петуха (есть ведь люди, утверждающие, будто именно по петушиным внутренностям лучше всего узнавать будущее), но пусть даже печень, или легкие, или сердце жирного быка? Какое в этих внутренностях может заключаться природное (свойство), что могло бы предвещать будущее?

XIII. (30) Демокрит, хотя и остроумно болтающий, но чересчур самоуверенный, как и все физики, к которым можно вполне отнести слова поэта:

Что у ног, никто не смотрит, а следит за молнией³⁷.

Так вот, Демокрит считает, что наружный вид и цвет внутренностей [животных] дают верные сведения по крайней мере о качестве пастбища и той растительности, которую производит земля, о ее изобилии или скудности, и даже о том, насколько здоров или нездоров климат. О блаженный смертный! Я хорошо знаю, что он всегда любил позабавиться. Но чрезмерная страсть к шуткам помешала ему увидеть, что это будет правдоподобным, только если внутренности всех животных, принесенных одновременно в жертву, разом изменились бы, приняв один и тот же вид и цвет. А если в один и тот же час печень одного животного окажется светлой и полной, а другого — бугристой и тощей, то какой вывод можно будет сделать на основании внешнего вида и цвета этих внутренностей?

(31) Так же обстоит дело и с тем, что ты рассказал о Ферекиде, который, увидев, что из колодца ушла вода, предсказал землетрясение³⁸. Я считаю, что это просто бесстыдство, когда люди осмеливаются утверждать, будто знают причину происшедшего землетрясения, а тем более, что можно по цвету воды в источнике предвидеть, что оно произойдет.

Многое в этом роде рассказывают в школах, но верить-то всему необязательно. (32) И пусть даже то, что говорит Демокрит, — правда. Так ведь разве об этом мы хотим узнать по

внутренностям жертвенных животных? Когда это мы слышали, чтобы гаруспик после рассмотрения внутренностей объявил нечто вроде того, о чем говорит Демокрит?

Они нам вещают совсем о другом: чтобы мы опасались воды или огня, предсказывают то неожиданное наследство, то большой убыток, по выемке печени судят о наших семейных делах и сколько нам предстоит прожить. Со всех сторон внимательнейшим образом разглядывают головку печени³⁹, а если ее совсем не обнаружат, то прискорбнее этого, считают они, ничего быть не может.

XIV. (33) Как я выше доказал⁴⁰, ничего достоверного во всем этом они наблюдать не могли. И не идет это со времен незапамятных, а придумано людьми, занимающимися этим искусством, если только действительно есть какое-либо искусство познания вещей неведомых. Но что общего имеет оно с природой вещей? Пусть в ней царят всеобщая гармония и взаимосвязь, что, как я знаю, любят твердить физики (*physici*), особенно те, которые заявляют, что все, что есть, есть единое⁴¹. Но какая связь может иметь место между миром и находкой клада? Если внутренности животного показывают прирост моего имущества и это сделала природа, то выходит, во-первых, что эти внутренности связаны с миром, а затем, что и мой доход связан с природой вещей. Но не стыдно ли физикам так говорить? Пусть даже есть в природе вещей некое взаимодействие, я допускаю это, и стоики в подтверждение этого приводят множество примеров. Говорят, что у мышей зимой, когда самые короткие дни, увеличиваются печенки, что мята болотная (*puleium avidum*) начинает расцветать как раз в день зимнего солнцестояния, причем маленькие раздутые пузырьки, содержащие ее семена, лопаются, и семена разлетаются в разные стороны⁴², что даже на лире, если тронуть одни струны, то отзовутся другие; что устрицы и вообще все моллюски увеличиваются и уменьшаются в размерах вместе с луной; что деревья в зимнее время лучше подрезать, когда луна в ущербе: они как бы заодно с луной усыхают⁴³. (34) Нечего и говорить о морских приливах и отливах, которыми управляет луна. Можно привести тысячи примеров подобного рода, обнаруживающих наличие естественного взаимодействия (*cognatio naturalis*) между вещами, весьма далекими одна от другой. Согласен с этим. Против этого нет возражений. Но следует ли из этого также, что то или иное состояние выемки в печени предвещает прибыль? Из какой взаимосвязи в природе, и как бы гармонии и согласия, — того, что греки называют *συμπλάθεια*⁴⁴, можно заключить, что либо выемка в печени имеет отношение к моему небольшому состоянию, либо мой маленький доход — к небу, земле, ко всей природе вещей?

XV. Если хочешь, могу и в этом пойти на уступки, хоть это и невыгодно для моей защиты, если я допущу возможность чего-то общего между природой и внутренностями жертвенного животного. (35) Допустим, что это общее есть, но как это все же получается, что человеку, добывающемуся узнать что-то о будущем, попадается как раз подходящее для его нужд животное? Я думал, что на этот вопрос никак нельзя найти ответа. А ведь нашли! И ответ поразительный! Мне стыдно не за тебя, твоей памятью я даже восхищаюсь, а за Хрисиппа, Антипатра, Посидония, которые по этому вопросу говорят то самое, что ты сказал, а именно, что выбором должной жертвы руководит некая разлитая по всему миру мыслящая божественная сила⁴⁵. Еще более того! Они говорят (и ты это тоже заимствовал у них), что когда кто-нибудь хочет принести жертву, то в ней происходят изменения во внутренностях, кое-что исчезает, кое-что добавляется, ибо все происходит по воле богов. (36) Ну уж в это, право же, никакая старуха не поверит. Или ты считаешь, что один и тот же бычок, если один человек выберет его в жертву, окажется без головки в печени, а если выберет другой, то с головкой? И что это увеличение или уменьшение печени может произойти внезапно, чтобы внутренности пришли в соответствие с судьбой жертвователя? Но разве вы не заметили, что выбором жертвы руководит только случай? Не свидетельствует ли об этом вся наша практика? Ведь бывало, что после того как у печени жертвенного животного не обнаружили головки (а это сулит величайшие бедствия), приносилось в жертву другое животное, и у этого —

внутренности часто оказывались самые распрекрасные. Так что, куда же подевались угрозы предыдущих внутренностей? Или чем объяснить столь внезапный переход богов от гнева к милости?

XVI. Но ты приводишь в доказательство случай, когда у жирного быка, принесенного в жертву Цезарем, совсем не оказалось сердца. А так как не может быть, чтобы животное жило без сердца, то следует думать, что сердце исчезло в момент жертвоприношения. (37) Странно, как это у тебя получается: с одной стороны, ты понимаешь, что бык не мог жить без сердца, а с другой стороны, не видишь, что не могло его сердце внезапно улететь неведомо куда.

Что касается меня, то я могу или не знать, какое значение имеет сердце для жизни, или предположить, что от какой-то болезни сердце быка сжалось, уменьшилось, сохлось до такой степени, что не стало похожим на сердце. Но ты, как ты это представляешь себе, как можешь объяснить, что это сердце, только что бывшее в жирном быке, внезапно, в самый момент жертвоприношения, исчезло? Или бык оттого, что увидел бессердечного (excordis) Цезаря⁴⁶, надевшего на себя пурпурную одежду, сам лишился сердца? Поверь мне, что вы, защищая крепость в городе философии, предаете самый город. Ибо, желая доказать действительность гаруспиций, вы переворачиваете с ног на голову всю физиологию. Вот у животного есть головка у печени, есть сердце во внутренностях. Но вот ты посыпашь на жертвенник немного муки и возливаешь немного вина, и сразу нет головки у печени или нет сердца? То ли их вырывает бог, то ли какая-то сила уничтожает или выедает. Выходит, что не все, что гибнет, уничтожается от природы (natura), бывает, что нечто или возникает из ничего, или вдруг обращается в ничто⁴⁷. Когда, какой физик сказал бы такое? Гаруспики говорят. Ты считаешь, стало быть, что им надо верить больше, чем физикам?

XVII. (38) А когда приносят жертвы многим богам, отчего так бывает, что одни дают благоприятные предзнаменования, другие — неблагоприятные? А как понять непостоянство богов, когда они первыми внутренностями грозят бедой, а вторыми предвещают благоприятное? Или великое разногласие между богами, часто даже кровными родственниками, когда внутренности жертвы Аполлону благоприятны, Дианы — неблагоприятны? Совершенно очевидно, что раз случаен выбор жертвенного животного, то случайным является и состояние внутренностей.

Но, скажешь, есть нечто зависящее от богов (divinum) в том, кому какое жертвенное животное досталось, как и при жребии, какой кому выпадет. Немного погодя скажу и о жребии. Однако, как мне кажется, уподобляя выбор жертвы жребию, ты этим не столько поднимаешь авторитет жертвы, сколько снижаешь — жребия.

(39) Когда мы посылаем на Эквимелий⁴⁸ за ягненком для жертвоприношения, то разве мне приносят такого, у которого внутренности и соответствуют моим нуждам? И разве посланного раба подводит к этому ягненку не случай, а бог? А если ты скажешь, что при этом, так же как при жребии, случай соединен с волей богов, то мне остается только пожалеть наших стойков⁴⁹ — они дали эпикурейцам прекрасную возможность поиздеваться над собой, — ты ведь знаешь, как они это умеют. (40) Им это легче всего сделать. Ведь Эпикур представил, ради насмешки, самих богов прозрачными и насквозь продуваемыми⁵⁰. Боясь, как бы они не разрушились⁵¹, он поместил их между двумя мирами, как между двумя рощами⁵². Он считает, что у богов такие же члены тела, как у нас, но боги ими совершенно не пользуются⁵³. Таким образом, обходным путем устраняя богов⁵⁴, он по праву не колеблется устранить и дивинацию. Но если он в этом последователен, то не таковы стойки. У него ведь бог не занимается ни своими делами, ни чужими⁵⁵ и, следовательно, не может уделять людям дивинации. А ваш бог может не уделять и при этом управлять миром и заботиться о людях!⁵⁶ (41) Зачем же вы попадаете в такие ловушки, из которых никогда не выпутаетесь?

Когда стоики торопятся, они обычно заключают следующими словами: если боги существуют, то существует и дивинация. Но боги существуют, поэтому существует дивинация. Гораздо больше походит на правду: «а ведь нет же дивинации, значит, нет и богов». Видишь, к чему они приходят, необдуманно ставя существование богов в зависимость от дивинации. Между тем, судя по всему, дивинация не существует, а существование богов сохранить должно.

XVIII. (42) Но коль скоро отвергается дивинация по внутренностям, то отбрасывается и все учение гаруспиков. Перейдем теперь к знамениям (ostenta) и молниям. По-вашему, предвещание по молниям основывается на многолетних наблюдениях. А знамения толкуются по большей части путем рассуждения и догадки. Но в чем состоит наблюдение над молниями? Этруски разделили небо на 16 частей⁵⁷. Ведь это было нетрудно — удвоить те четыре части, которые мы имеем, а затем еще раз удвоить. И все это для того, чтобы сказать, из какой части неба вышла молния. Но во-первых, какое, собственно, это имеет значение? И затем — что предзнаменует? Вполне понятно, что вначале люди, изумленные и напуганные грохотом и ударами молний, поверили, что все это делает Юпитер. Так и в наших записях⁵⁸ имеем:

«Когда Юпитер гремит и мечет молнии, нельзя проводить народное собрание». (43) Но это, пожалуй, было установлено из государственных соображений, так как хотели иметь поводы не проводить народное собрание. Таким образом, молния — это неблагоприятная примета только к проведению народного собрания, потому что во всех других случаях, если она сверкнула слева, то в этом мы усматриваем как раз наилучший ауспиций. Но об ауспициях позже; сейчас речь идет о молниях.

XIX. Физикам менее всего следует приписывать достоверность сомнительному. Я, конечно, не считаю, что ты из тех, кто верит, будто молнию Юпитеру куют циклопы в горе Этне. (44) Можно было бы удивляться, как это он ее столько раз метал, имея всего одну. И ведь он своими молниями так и не побудил людей ни поступать, как должно, ни не делать того, чего не следует.

Стоики того мнения, что вырывающиеся из недр Земли холодные испарения становятся ветрами⁵⁹. А когда ветры сталкиваются с облаком, то начинают делить и разрывать на части какую-нибудь тонкую его часть, причем делают это с большой частотой и энергией. Тогда-то и образуются и молнии и громы. Если от столкновений облаков вырвется огонь, то это и есть молния.

Но если мы видим, что это производится силой природы без всякого постоянства, в неопределенное время, то стоит ли усматривать в молниях знамения, предвещающие будущее? Если это Юпитер молниями подает знамения, то, подумать только, какое множество молний он бросает попусту!⁶⁰ (45) Какой прок, когда молния попадает в середину моря? Или в вершину горы, что особенно часто бывает? Или в пустынные места, или в места, где живут люди, вовсе не наблюдающие за молниями?

Но, скажешь, нашли же голову в Тибре! Как будто я отрицаю, что в этих делах имеется некое искусство. Я отрицаю дивинацию! Деление неба на части, о котором я раньше говорил, и наблюдения над определенными явлениями, указывают, откуда вышла молния и куда ушла. Но из этого никак не узнать, что она предзнаменует.

XX. Но тут ты меня обезоруживаешь моими же стихами⁶¹:

...Ведь бессмертный отец громовержец
Храмы свои и холмы, на Олимп опираясь звездный,

Сам же тогда поразил, в Капитолий, ему посвященный,
Молнию кинув...

Ты еще вспомнил о статуе Натты, об изображениях богов, об изваяниях Ромула и Рема вместе с их звериной кормилицей, о том, как они были перевернуты ударами молний и как в этих случаях гаруспики дали очень правильные ответы.

(46) Тебе показалось удивительным то, что о заговоре было сообщено сенату в тот самый момент, когда на Капитолии была установлена статуя Юпитера, статуя, которую должны были установить там еще двумя годами ранее. Ты еще так сказал: «Как это ты решился теперь выступить против дивинации вопреки тому, что ты ранее сам же сделал и написал?» Ты мой брат, я это помню. Но — что тебя в данном случае беспокоит? Сам факт — какой он есть, или я, желающий выяснить истину?

Итак, я ничего не говорю против⁶² гаруспиков, я только добиваюсь от тебя, что лежит в основе всего их искусства? Но ты забрался в чудесное укрытие. Понимая, что я буду докучать тебе, добиваясь объяснения причин любой дивинации, ты многословно повторял, что, коль скоро ты видишь результат, тебе не нужно доискиваться основания и причины: важно, мол, что событие произошло, неважно, почему оно произошло. Как будто я вполне согласился с тобой относительно фактов или тоже считаю, что философу не следует доискиваться причин, почему что-то произошло.

(47) А ты еще тогда упомянул и о наших «Прогностиках», и о некоторых видах растений, о скаммонии и корне амфилохии, которых действие и результат ты знаешь, а почему они производят такое действие, причину — не знаешь.

XXI. Все это не к месту. И стоик Боэт, о котором ты упомянул, и даже наш Посидоний исследовали причины прогностик. Пусть даже причины этих явлений не установлены, сами-то эти явления можно было и наблюдать и изучать. Но в случае со статуей Натты или с медными таблицами законов, в которые попала молния, какие древние наблюдения могут нам помочь? [Даны были толкования:] «Пинарии Натты — нобили⁶³, следовательно, опасность от знати». Это так хитро задумал Юпитер [выдать предзнаменование]? Ромул, сосущий волчицу, перевернут ударом молнии; это — знак, что опасность грозит основанному Ромулом городу. Как мудро, подавая знаки, осведомляет нас Юпитер, не правда ли? Статуя Юпитера стала на место одновременно с сообщением о заговоре⁶⁴. Ты предпочитаешь думать, что это произошло скорее по воле богов, чем по случаю? И, что подрядчик, нанятый Торкватом и Коттой для подготовки колонны, задержался с окончанием работы не по нерадению или по недостатку средств, а по воле богов, которые придержали его до назначенного часа? (48) Я не считаю совсем невероятным, что это правда. Я не знаю и хочу, чтобы ты мне объяснил.

Так как мне представлялось, что кое-что из того, что было предсказано прорицателями, сбывалось случайно, то ты многое наговорил и о случайности: что при четырехкратном бросании игральных костей случайно может выпасть самый удачный «венерин бросок», но четыреста «венериных бросков» подряд случайно не могут выпасть. Прежде всего я не знаю, почему не могут. Но я и не спорю: у тебя ведь много подобных примеров: и о брызгании красками, и о свином рыле, и много другого. Ты еще рассказал о Карнеаде и его выдумке про голову паниска. Как будто это не могло быть делом случая. И как будто в каждом куске мрамора не заключаются обязательно головы, достойные резца хоть самого Праксителя. Ведь все они делаются путем скалывания. Не иначе поступал и Пракситель. Но когда уже много сколото, и обнаружили черты лица, только тогда ты понимаешь, что то, что изваялось, действительно находилось внутри. (49) В хиосских каменоломнях, пожалуй, можно обнаружить нечто похожее на это, образовавшееся само собой. Но, не без участия

воображения. Замечал же ты иногда в облаках фигуры львов или гиппокентавров? Случай может иногда (хоть ты это отрицаешь) скопировать действительность.

XXII. Обсудив достаточно вопрос о внутренностях и молниях, перейдем теперь к чудесам, чтобы уж полностью исследовать искусство гаруспиции. Вот ты рассказал о случае с самкой мула, которая родила жеребенка: событие удивительное, потому что такое бывает не часто. Но если бы оно было совсем невозможно, то оно и не произошло бы. То же самое можно сказать и о других чудесах: то, что не может произойти, никогда не может быть, а если могло произойти, то не должно нас удивлять. Ибо удивляемся мы, когда не знаем причин какого-нибудь нового явления. Но то же незнание причин явлений обычных нас не удивляет. Кто удивляется тому, что самка мула родила, тот ведь не знает, каким образом рождает и кобыла, и вообще, что собой представляет природа рождения живых существ. Но то, что он часто видит, то его не удивляет, даже если он не знает, почему это происходит. А вот если произошло такое, чего раньше не видел, это он считает чудом. Но что, собственно, считается чудом, то ли, что самка мула зачала, или то, что родила? (50) Зачатие, может быть, противоестественно (*contra naturam*), но рождение — почти неизбежное следствие.

XXIII. Но, чтобы не тратить много слов, рассмотрим происхождение гаруспиция. Так нам будет легче всего дать оценку его авторитетности.

Рассказывают, что однажды шла пахота на земле Тарквиниев и когда лемех взял поглубже, из почвы внезапно выскочил некий Тагет, что чрезвычайно удивило пахавшего. Этот Тагет, как написано в этрусских книгах, был по наружности мальчик, но по мудрости — старец. При виде его изумленный пахарь поднял громкий крик, сбежался народ, и вскоре на это место собралась вся Этрурия. И Тагет долго говорил перед многочисленными слушателями, а те все его слова запомнили и записали. А вся его речь была о том, что составило науку гаруспиций. Позже она еще разрослась, по мере того, как к этим начальным сведениям добавились новые⁶⁵.

Вот, что мы узнали от самих [гаруспиков], вот, что сохраняется в книгах, каков источник их учения. (51) Есть ли необходимость привлечь для опровержения Карнеада и Эпикура? Найдется ли такой глупец, который поверит, что из земли был выпахан то ли бог, то ли человек? Если это был бог, то для чего он вопреки своей природе скрывался в земле, пока его плуг не выворотил на свет? Разве этот бог не мог передать свою науку людям с более высокого места? А если этот Тагет был человек, то как он мог жить, придавленный землей? И, далее, откуда мог он сам научиться тому, чему он учил других?

Но так долго оспаривая тех, кто в эти глупости верит, как бы я сам не оказался еще глупее, чем они.

XXIV. Хорошо известны давние слова Катона⁶⁶, который говорил, что удивляется, как может удерживаться от смеха один гаруспик, когда смотрит на другого. (52) Много ли известно случаев, когда предсказанное гаруспиками событие состоялось? А если и состоялось когда-нибудь (что можно допустить), то почему нельзя считать это случайным совпадением?

Когда Ганнибал изгнанником жил при вифинском царе Пруссии, он однажды дал царю совет вступить в сражение. Но царь не осмелился на это, так как внутренности [принесенного в жертву животного] оказались неблагоприятными. И Ганнибал сказал: «Неужели ты куску бычьего мяса предпочитаешь верить больше, чем старому полководцу?»⁶⁷

А сам Цезарь, которого главный гаруспик убеждал не переправляться в Африку до наступления зимы, разве не переправился? И если бы он этого не сделал, то войска его противников успели бы собраться в одно место⁶⁸.

Но к чему вспоминать ответы гаруспиков (я мог бы их вспомнить бесчисленное множество), которые или ни к чему не привели, или привели к противоположному исходу. (53) Во время этой гражданской войны⁶⁹, например, боги бессмертные, как много раз они подводили! А какие ответы присылали нам гаруспики из Рима в Грецию?⁷⁰ Что только не пророчили Помпею, а он ведь очень доверял и внутренностям и знамениям. Не хочется об этом и вспоминать, да и нет необходимости, особенно тебе, который был там с нами.

Как видишь, почти все произошло совсем не так, как было предсказано, а напротив.

Но довольно об этом. Перейдем теперь к знамениям (*ostenta*).

XXV. (54) Ты тут цитировал многое из написанного мною самим, когда я был консулом. Ты привел много примеров, относящихся к более ранним временам, до войны с марсами, — примеров, которые были собраны Сизенною; наконец, ты рассказал многое из воспоминаний Каллисфена о событиях, предшествовавших поражению лакедемонян при Левктрах. Позже я скажу о каждом случае по отдельности, а пока следует сделать несколько общих замечаний. Как надо понимать эти сообщаемые богом предзнаменования и как бы возвещения о предстоящем. бедствии? Чего хотят бессмертные боги, во-первых, посылая нам предзнаменования, которые мы без толкователей и понять не можем, и предвещая то, чего мы все равно не можем избежать? Так даже порядочные люди (*homines probi*) не поступают, не пророчат своим друзьям надвигающееся на них несчастье, которого те никоим образом не смогут избежать. Так и врачи, хотя часто знают, что болезнь смертельна, но больному никогда не говорят об этом. Потому что всякое предсказывание зла только тогда — доброе дело, когда оно сопровождается советом, как это зло отвести. (55) А чем помогли знамения или их толкователи в древности македонянам или недавно нашим? Если считать, что знамения посылаются богами, то почему они были такими темными? Если боги действительно хотели открыть нам будущее, надо было возвестить его вполне ясным образом; если хотели скрыть, то не надо было об этом сообщать даже в туманной форме.

XXVI. Догадка (*coniectura*), на которой основывается дивинация, часто представляется умам людей во многих, различных и даже противоположных смыслах. Как в судебных процессах один и тот же факт по-одному толкует обвинитель, по-другому — защитник, и оба толкования представляются правдоподобными, так и в дивинации, основанное на догадках имеет двусмысленный характер. А что касается того, что может произойти естественным образом и случайно (а иногда ввести в заблуждение может сходство), то великая глупость⁷¹ считать, что это совершили боги, вместо того чтобы доискиваться истинных причин происшедшего. (56) Ты веришь, что беотийские провидцы из Лебадии по кукареканью петухов узнали, что победа будет на стороне фиванцев, потому что петухи-де, побежденные, молчат, а поют, когда они победители. Это значит, Юпитер через кур делал знамение великому городу? А разве петухи поют, только когда побеждают? Но тогда они ведь пели не после победы. Вот это-то, ты говоришь, и знамение! Да уж, действительно, великое знамение! Как будто рыбы закукарекали, а не петухи. Да в какое только время эти птицы не поют, что ночью, что днем. Если победителей побуждает к пению радость и как бы ликование [от победы], то у них могут быть и другие радости, от которых им хочется петь. (57) Демокрит отлично объяснил причину, почему петухи поют перед рассветом. Когда пища отваливается у них от груди и размягченная распределяется по всему телу, то, удовлетворенные покоем, они кукарекают. А в ночной тишине, они, как говорит Энный:

Дают отдых красным горлам,
И не поют и не хлопают крыльями⁷².

Стало быть, если эта птица настолько склонна сама по себе петь, то как могло Каллисфену прийти в голову, что боги подали лебедийским петухам знак к пению, между тем как это могло произойти или по естественной причине, или по случаю.

XXVII. (58) Сенату сообщили, сказал ты, что прошел кровавый дождь, что даже река Атрант потекла кровью, что статуи богов покрылись потом. Неужели ты считаешь, что Фалес или Анаксагор или какой-нибудь другой физик, поверили бы этому? И кровь и пот истекают только из тела. Но и вода, пройдя через слои земли, окрашенные в красный цвет, может сама принять такую окраску и стать очень похожей на кровь. А влага, прилипшая извне, как это можно видеть на стенах домов в сырой день, разве не похожа на пот? Но в военное время люди больше и чаще пугаются того, чему в мирное они и не придали бы такого значения. К тому же в страхе и опасности люди становятся и более легковерными и менее страшимися наказания за выдумки. (59) Ведь мы сами настолько легковерны и безрассудны, что если мыши что-нибудь изгрызут, то считаем это предзнаменованием. А ведь у них это единственное занятие. Вот и перед марсийской войной⁷³, когда мыши изгрызли щит Ланувия, о чем ты рассказал, то гаруспики объявили, что это великое предзнаменование. Как будто имеет какое-то значение, что день и ночь грызущие мыши изгрызли щиты или решета. Если нам следовать этому, то я должен был недавно сильно испугаться за судьбу республики, потому что мыши изгрызли у меня трактат Платона «О государстве», а если бы они изгрызли книгу Эпикура «О наслаждении», то мне следовало предположить, что вздорожает мясо на рынке.

XXVIII. (60) Должны ли мы пугаться, если нам скажут, что родилось нечто чудовищное (*portentuosa*) от домашней скотины или от человека? Всему этому, если не быть многословным, есть одно объяснение. Все, что рождается, каково бы оно ни было, необходимо имеет причину в природе, так что если даже появляется нечто необыкновенное, оно все же не могло произойти помимо природы. Так что, если можешь, найди причину нового и удивительного явления. Если не найдешь никакой, все же считай доказанным, что ничего не могло произойти без причины. С помощью природы прогони тот страх, в который тебя вводит новизна явления. Тогда ни землетрясения, ни зарницы, ни каменные или кровавые дожди, ни падающие звезды, ни огни в небе тебя не испугают⁷⁴. (61) Если бы я спросил у Хрисиппа о причинах всех этих явлений, никогда бы он, сам большой защитник дивинации, не сказал, что они происходят случайно; нет, он бы дал всем им естественное объяснение. Ибо ничто не может произойти без причины, и ничто не случается такого, что не может случиться. А если произошло то, что смогло произойти, то в этом не следует видеть чуда. Значит, нет никаких чудес. Ибо если следует считать чудом то, что случается редко, то и мудрый человек — чудо, потому что, по-моему, чаще можно встретить жеребенка, рожденного от самки мула, чем мудреца. (62) В заключение скажу: то, что не может произойти, никогда не происходит; то, что может — не чудо. Следовательно, чуда вовсе не бывает. По этому поводу некий прорицатель и толкователь чудес, когда к нему обратился за советом человек, сообщивший как о чуде, что он в своем доме обнаружил змею, обвившуюся вокруг палки, не без остроумия ответил: «Чудом было бы, если бы палка обвилась вокруг змеи». Он своим ответом вполне ясно дал понять, что не следует считать чудом ничего такого, что может произойти.

XXIX. Гай Гракх написал М. Помпонию, что его отец, поймав в своем доме двух змей, пригласил по этому поводу гаруспиков⁷⁵. Но почему именно по поводу змей, а не ящериц, не мышей? Не потому ли, что последние постоянно попадают в доме, а змеи — нет? Как будто, если что-то может произойти, то имеет еще значение, насколько часто это происходит. (63) Но если Тиберий Гракх, отпустив змею-самку, обрекал на смерть себя, а отпустив самца — Корнелию, то я удивляюсь, почему он не отпустил обоих? Гай Гракх ничего не пишет о том, что ответили бы гаруспики на вопрос: «А если не отпустит ни одной змеи, что будет?» Но, скажешь, последовала смерть Тиберия Гракха. Я уверен, причиной этого была какая-то

тяжелая болезнь, а не то, что отпустили змею. Конечно уж, не настолько невезучи гаруспики, что их предсказания никогда случайно не сбываются. XXX. Но поистине было бы удивительно, если бы я поверил в то, что ты, следуя Гомеру, рассказал о Калханте, будто он по числу воробьев предсказал, сколько лет будет длиться Троянская война. По Гомеру же, Агамемнон по поводу прорицания Калханта сказал следующее⁷⁶ — я эти строки перевел в минуту отдыха:

Трудно, мужи, вам, ахейские, но потерпите немного,
 Выждите срок, нам ведь надо узнать непременно,
 Калхантом-Авгуром⁷⁷ нашим иль верные были даны прорицанья
 Или то были пустые слова, безо всякого смысла.
 Каждый из вас, кто остался в живых, верно, помнит то чудо.
 Море в Авлиде тогда кораблями аргосскими словно
 Было покрыто. И в тех кораблях ведь скрывались Приаму
 Гибель и бедствия Трое далекой. А мы все стояли
 Возле источника. Жертвенники уж дымились. В жертву
 Мы приносили богам, чтоб, не гневаясь, нам помогали,
 Тучных быков, чьи рога позолотою были покрыты.
 Вдруг под тенистым платаном, откуда вода ключевая
 Била струей, мы дракона ужасного видом узрели.
 Он, побужденный Юпитером, от алтаря устремился
 Вверх, где платана в зеленой листве укрывались восемь
 Малых птенцов — и дракон их сожрал. А девятая, мать их,
 С криком плачевным летала над ними. Дракой же ужасный
 Страшным укусом ее разорвал. (64) И чудовище это,
 После того как оно и мать, и птенцов погубило,
 Тот, кто, конечно, на свет его вывел, Сатурном рожденный,
 Сам же Юпитер и скрыл, превратив его в камень твердейший.
 Мы ж, оробев, все стояли, на чудовище страшное глядя,
 Что извивалось между богов алтарями ужасно.
 И вот тогда-то Калхант и изрек ведь свое предсказанье.
 — Что ж вы, — сказал он, — ахейцы, вдруг перепугались, сробели?
 Это ведь знаменье нам посылает Юпитер, богов сотворивший,
 Позднее, с поздним исходом, но им же он вечную славу
 Нам предвещает. Ведь сколько всех птиц здесь погублено было
 Зубом чудовищным, столько годов суждено нам под Троей
 Беды терпеть. Но как только десятое лето наступит,
 Карой насытится войско ахейцев, разрушивши Трою.
 Вот что изрек нам Калхант, и вы видите сами, ахейцы,
 Годы прошли и уж срок, что назначен был, близок.

(65) Почему же эти воробьи, по которым было дано прорицание, были истолкованы как годы? Почему не как месяцы, не как дни? Почему предсказатель обратил внимание на воробьишек, в которых не было ничего чудовищного, а дракона обошел молчанием? Дракона, который, как сказано, превратился в камень, что никак не могло быть? Наконец, чем воробей похож на год? Так же обстоит дело и с той змеей, которая показала Сулле в то время, как он приносил жертву⁷⁸. Я помню обоих: и Суллу, который, готовясь выступить, на войну, приносил жертву, и змею, появившуюся из-под жертвенника. Но славную победу, которую Сулла одержал в тот же день, приписываю не совету гаруспиков, а полководцу.

XXXI. (66) Так что нет ничего удивительного в такого рода чудесах, для объяснения которых после того, как они произошли, применяют произвольные толкования. Например,

случай с теми зернами пшеницы, которые попали в рот мальчику Мидасу, или с пчелами, которые, как ты рассказал, уселись на губы мальчика Платона. Не столь удивительны эти факты, сколь остроумно их истолкование. Или, может быть, сами эти факты выдуманы, или предсказание могло сбыться случайно.

Вот и о самом Росции, может быть, выдуманно, что его обвила змея. Но что змея оказалась в колыбельке, не столь удивительно, особенно в Солонии, где змеи обычно сползаются поближе к очагу. Что касается ответа гаруспиков, что никто не превзойдет славой и никто не будет более знаменитым, чем Росций, то я удивляюсь тому, что бессмертные боги предвозвестили будущую славу комедианта, но ничего не возвестили о Сципионе Африканском!

(67) Ты еще собрал чудесные знамения, связанные с Фламинием: что он вместе с конем внезапно упал — в этом нет ничего чудесного; что знаменосец не мог вытащить древка знамени из земли; наверное, он вытаскивал слишком несмело то, что воткнул добросовестно. А что чудесного в том, что конь Дионисия живым выбрался из воды и что на его гриву сели пчелы? Но так как вскоре после этого Дионисий пришел к власти, что было, конечно, случайным совпадением, то всему этому было придано значение знамений. В лакедемонском храме Геркулеса забряцало оружие. В Фивах, в храме того же бога запертые ворота внезапно сами собой открылись, а щиты, которые были закреплены наверху, были найдены лежащими на земле. Ничто из этого не могло бы произойти без воздействия извне, но почему мы должны приписать богам то, что могло произойти по случаю?

XXXII. (68) Но, скажешь, на голове статуи Лисандра в Дельфах оказался венец из диких трав и притом внезапно. А так ли? Не считаешь ли ты, что этот венец из трав появился там раньше, чем семена, из которых травы выросли? А эти семена, я уверен, туда занесли птицы, а не человек засеял. Так и появилось на голове статуи нечто такое, в чем могли увидеть подобие венца. А что, как ты рассказал, в это же самое время золотые звезды Кастора и Поллукса, пожертвованные в Дельфы, упали и их нигде не смогли найти, то мне кажется, что это скорее было делом воров, а не богов.

Удивляет меня также, что греческие историки уделили столько внимания в своих сочинениях проказам додонской обезьяны. Да что же чудесного в том, что это отвратительнейшее животное перевернуло урну и рассыпало таблички для жеребьевки? А историки уверяют, что это чудо имело самые печальные последствия для лакедемонян. (69) Так же обстоит дело с вейентским пророчеством, что если Альбанское озеро переполнится и вода его потечет в море, то должен погибнуть Рим, если удержится в своих берегах — погибнут Вейи. Альбанская вода была отведена, но не для спасения Рима, а для использования на пригородных полях.

Но, сказал ты, немного спустя был слышен голос, убеждавший принять меры к тому, чтобы Рим не был захвачен галлами, по поводу чего позже на Новой улице и был поставлен жертвенник, посвященный Говорящему Вещателю. Не странно ли, что когда этого Говорящего Вещателя никто не знал, он говорил, и притом громким голосом, и от этого и имя получил, а после того, как получил и жилище, и жертвенник, и имя — онемел? То же можно сказать и о Юноне Советчице. За исключением того случая с поросной свиньей, что она нам когда-нибудь посоветовала?

XXXIII. (70) Достаточно о знамениях. Остались еще ауспиции и жребии (sortes). Я имею в виду те, которые тянут наудачу, а не изрекаемые при прорицании⁷⁹. Последние, я считаю, правильнее называть оракулами, — о них я буду говорить, когда перейду к естественной дивинации. Остается также еще сказать о халдеях. Но сперва рассмотрим вопрос об ауспициях. Скажешь, трудно авгуру выступать против ауспиций?

Марсийскому — может быть, но римскому⁸⁰ — нет ничего легче. Потому что мы не из тех авгуров⁸¹, которые предсказывают будущее по птицам и прочим знаменам. И, однако, я уверен, что Ромул, закладывая свой город на основании ауспиций, был того мнения, что для предвидения будущего есть такая наука авгурий. Древность ошибалась во многих вещах, на которые теперь мы смотрим совсем по-другому, поскольку и опыта накопили, и знаний у нас прибавилось, и время прошло. При всем том, учитывая воззрения простого народа, и в коренных интересах государства⁸² необходимо поддерживать и нравы, и религию, и учения, и права авгуров, и авторитет их коллегии. (71) И я не считаю слишком суровой кару, постигшую консулов П. Клавдия и Л. Юния за то, что они вопреки ауспициям пустились в плавание, ибо им следовало бы подчиниться религии, и они не должны были бы так упрямо отвергать отечественный обычай. Так что по справедливости один из них был осужден решением народа, а другой — сам лишил себя жизни. Но если, по-твоему, Фламиний потому погиб со всем своим войском, что не подчинился ауспициям, то ведь годом позже Павел подчинился, и разве он тем не менее не погиб также со своим войском в битве при Каннах?

Впрочем, допустим, что есть ауспиции (которых в действительности нет). Но определенно те, которые мы используем, как, например, наблюдая за курами, или за небом, все это только видимость ауспиций, но никоим образом не ауспиции.

XXXIV. «Квинт Фабий⁸³, я хочу, чтобы ты принял со мной участие в ауспиции!» — «Я внял тебе», — отвечает тот. Раньше при наших предках первые слова были обращены только к опытному, теперь к первому попавшемуся. Должен быть обязательно опытным тот, кто понимает, что значит «тишина» (“*silentium*”). Ибо тишиной при ауспициях мы называем отсутствие всяких неблагоприятных примет. (72) В этом разбирается только превосходный авгур. А бывает, что, когда совершающий ауспиции обращается к тому, кого привлекает к участию в них, со словами: «Скажи, если ты увидишь, что наступила тишина?», тот, не поглядев ни вверх, ни по сторонам, сразу отвечает: «Вижу, наступила тишина». После этого первый спрашивает: «Скажи, едят ли?» — «Едят». — «Какие птицы?» или «Где?» — «Принес, — говорит, — в клетке цыплят (*pulli*) тот, кто по этой причине называется «цыплятником» (*pullarius*)». И эти-то птицы служат провозвестниками воли Юпитера! Едят они или нет, какое это имеет значение? Никакого для ауспиций. Но необходимо, чтобы, когда они едят, у них кое-что выпало изо рта и ударилось о землю (*terram pavire*), (оттого это и было названо сперва “*terripavium*”, затем “*terripudium*”, а теперь уже говорят “*tripudium*”). И когда изо рта курицы выпадет кусочек пищи, тогда тому, кто прибежал к ауспициям, возвещают благоприятное предзнаменование (*tripudium solistimum*)⁸⁴.

XXXV. (73) Так может ли в этом ауспиции быть что-то божественное, если он такой вынужденный и вымученный? Древние авгуры им не пользовались, чему свидетельством служит имеющееся у нас старое постановление коллегии о том, что *tripudium* может сделать всякая птица, а ауспиций считался законным, если только птица могла свободно себя показать, в этом случае в ней можно было видеть вестницу и спутницу Юпитера. А ныне, когда ее приносят заключенную в клетку и полумертвую от голода, если она накинется на рассыпанную кашу и при этом у нее изо рта выпадет кусочек, ты считаешь это ауспицием? Ты думаешь, и Ромул так совершал ауспиции? (74) Ведь раньше за небом наблюдали обычно те самые, которые совершали ауспиций. Теперь велят это «цыплятнику», он и возвещает: «Молния слева»⁸⁵. Мы ведь считаем, что молния слева — это наилучшее предзнаменование для всех дел, кроме созыва комиций, а это исключение было сделано в интересах государства, чтобы руководители государства могли, толкуя ауспиции по своим соображениям, проводить или не проводить комиции, будь то для решения судебных дел или для утверждения законов, или для выбора магистратов.

Ты напомнил⁸⁶, что консулы Сципион и Фигул после того, как Тиберий Гракх признал в письме правоту авгуров, решивших, что консулы были избраны неправильно (*vitio*), отказались от должности. Но кто же отрицает то, что у авгуров есть своя наука? Я отрицаю только дивинацию. Но, [скажешь], а ведь в этом случае авгуры действительно оказались провидцами. Когда Т. Гракх вызвал их в сенат по поводу внезапной смерти того, кто должен был доложить решение первой центурии, авгуры объявили, что собиравший голоса не был правомочен. (75) Заметь, однако, что, во-первых, это обвинение не коснулось того, кто собирал голоса, — ведь он уже был мертв. Так что это можно считать (просто) догадкой, без всякой дивинации. Затем могло произойти также случайное совпадение, что при таких обстоятельствах никак нельзя исключить. Ведь, что могли знать этрусские гаруспики о том, насколько правильно была установлена авгурская палатка? Или о законах, [касающихся] святости границ померия?

Что касается меня, то я согласен скорее с К. Марцеллом, чем с Ап. Клавдием (которые оба были моими коллегами), и считаю, что если права авгуров (*iūs augurum*) первоначально были установлены вследствие веры в дивинацию, то впоследствии они были сохранены и удержаны в интересах государства.

XXXVI. (76) Но об этом подробнее в других местах⁸⁷. Сейчас довольно об этом. Рассмотрим теперь авгурии других народов, в которых не столько искусства, сколько суеверия. У них используются почти все птицы, у нас — очень немногие. У них одно считается благоприятным, у нас — другое. Дейотар⁸⁸ обычно расспрашивал меня о нашей авгурской науке, я его — об их. Боги бессмертные! Сколько различного! Кое в чем даже противоположного. Он постоянно прибегал к ауспiciям, мы — только в тех случаях, когда народ возлагает на нас авгурские права и обязанности; и часто ли мы ими пользуемся? Наши предки считали желательным предпринимать любые военные действия не иначе, как после совершения ауспiciй. А ведь много лет уже войны ведутся проконсулами и пропреторами, не имеющими права на ауспiciи. (77) Так, что и через реки переправляются без ауспiciй, и без трипудия обходятся. Ведь и ауспiciи по наконечникам оружия — этот чисто военный ауспiciй — даже М. Марцелл, пять раз бывший консулом⁸⁹, он же великий полководец, он же превосходный авгур, полностью забросил. Где теперь гадают по птицам? Раз войны теперь ведут полководцы, не имеющие права на ауспiciи, то этот вид ауспiciй сохранился только в городских делах, а в военных исчез⁹⁰. Тот же Марцелл говаривал, что он, приступая к военным действиям, обычно пускается в путь только в закрытой лектике⁹¹, чтобы его не могли остановить никакие ауспiciи. Подобно этому ведь и мы, авгуры, для того чтобы избежать неблагоприятного ауспiciя «ярмо» (*iuges*), рекомендуем отдать приказ, чтобы распрягли упряжных животных⁹². (78) Но препятствовать совершению ауспiciй или отказываться видеть то, что совершилось, разве это не значит отвергать предостережения Юпитера? XXXVII. И уж совсем смехотворны твои уверения, будто Дейотар не сожалел о том, что доверился ауспiciям, побудившим его последовать за Помпеем, потому что таким образом он, руководствуясь своей дружбой и преданностью римскому народу, выполнил свой долг, и эту славу он считал для себя предпочтительней, чем царская власть и все его владения. И я тоже так считаю. Но к ауспiciям это не имеет никакого отношения. И не мог ему ворон накаркать, что он поступит правильно, если выступит в защиту Свободы римского народа. Сам он так чувствовал, так думал. (79) Птицы же только предвещают или счастливые события, или несчастливые. А в случае с Дейотаром я вижу лишь ауспiciй доблести, которая повелевает нам жертвовать своим благополучием ради выполнения долга верности.

Если птицы предвещали Дейотару счастливые события, то они, несомненно, обманули его. Он бежал с поля боя вместе с Помпеем — тяжелое обстоятельство! Отступился от него — печально! Он принимал Цезаря одновременно как врага и как гостя⁹³ — что может быть прискорбнее этого? А Цезарь после того, как отобрал у него Трогморскую тетрархию⁹⁴ и отдал

ее какому-то неизвестному мне пергамцу из своей свиты, отнял у Дейотара еще и Армению⁹⁵, которая была тому дарована сенатом. И наконец, тот же Цезарь, в качестве гостя принятый Дейотаром великолепнейшим образом, оставил своего гостеприимца-царя обобраным до нитки. Но я слишком отклонился. Вернусь к сказанному. Если иметь в виду события, которые могли быть предсказаны птицами, то они никоим образом не были благоприятны для Дейотара. Если иметь в виду верность долгу, то не ауспиции побудили его к этому, а его доблесть.

XXXVIII. (80) Не говори мне и о посохе Ромула, который, по твоим словам, не мог сгореть во время сильнейшего пожара, не говори и об оселке Атта Навия. В философии не должно быть места сказочным вымыслам. Обязанность философа сначала выяснить саму природу всего авгурского искусства, затем установить его происхождение и, наконец, оценить его состоятельность. Какова же природа того, что делает беспорядочное порхание птиц туда и сюда нечто означающим, одно запрещающим делать, другое — повелевающим в соответствии с их пением или полетом? Почему одним птицам присуща способность давать определенные ауспиции при полете слева, другим — справа? Каким образом, когда, кем это было открыто? Скажем, этруски считают, что их науку открыл выпавший мальчик. А мы — кого считаем? Атта Навия? Но еще многие годы до него Ромул и Рем оба были авгурами. Или будем считать открывателями этой науки писидийцев, или киликийцев, или фригийцев? Но можно ли допустить, чтобы открывателями божественного были те, кто лишен человечности (humanitas)?

XXXIX. (81) Но, [скажешь ты], все цари, все народы и племена пользуются ауспициями. Как будто есть что-нибудь столь широко распространенное, как невежество! Или будто тебе самому нравится следовать суждениям толпы? Часто ли встретишь человека, который бы отрицал, что наслаждение — это благо? Большинство даже считает это высшим благом. Но стойки под влиянием этого большинства разве отступились от своих убеждений, а с другой стороны, многие ли руководствуются в своих делах авторитетом стойков? Так, что удивительного, если во всех ауспициях и всякой дивинации слабые души воспринимают суеверие и не могут усмотреть истинное? (82) Какая, в самом деле, есть между авгурами согласованность? Какое единодушие в приемах? Вот, по обычаям нашей авгурии, Энний пишет:

Благоприятно тогда прогремело слева при ясном небе...⁹⁶

А гомеровский Аякс⁹⁷, жалуясь Ахиллу на жестокость троянцев, по поводу чего-то говорит следующее:

Благоприятно Юпитер блеснул им молнией справа.

Выходит, что для нас лучше левая сторона, для греков и варваров — правая. Хотя я хорошо знаю, что мы называем благоприятное «левым», даже если оно справа. Но, бесспорно, наши назвали это левым, а чужестранцы — правым потому, что по большей части оно казалось им лучшим. (83) Вот ведь какое разногласие! Разве они не используют для ауспиций других птиц, другие знамения, не по-иному наблюдают, не по-иному отвечают? Не должны ли мы поэтому признать, что это получилось частью от заблуждения, частью по суеверию, многое от обмана?

XL. А к этим суевериям ты, нимало не сомневаясь, присоединяешь еще и заклинания (omina)⁹⁸. Эмилия⁹⁹ сказала Павлу: «Персей погиб!», что отец воспринял как предзнаменование; Цецилия передала свое место на скамье племяннице. Даже слова «Соблюдайте тишину» (Favete Linguis) и прерогативную трибу¹⁰⁰ — как знамение для проведения комидий. Вот, что значит быть многословным и красноречивым против самого

себя. Ведь как можно, придерживаясь таких мнений, сохранить душевное спокойствие и свободу, чтобы при ведении своих дел руководствоваться умом, а не суевериями? Разве не так? Если кто-нибудь, имея в виду свои дела, что-то произнесет, и его слова как-то подойдут к тому, что ты делаешь или задумал, неужели это тебя испугает или ободрит? (84) Когда М. Красс в Брундизии грузил свою армию [на корабли], некий торговец, продававший в порту фиги, привезенные из Кавна, кричал при этом “сапеас” («кавнские»)¹⁰¹. Ведь и в этом случае, если угодно, можно было бы сказать, что это было предупреждение Крассу: «Берегись, не ходи!» (cave, ne eas) — и что Красс бы не погиб, если бы подчинился заклятию. Но если мы усвоили такие взгляды, то должны будем придавать важное значение и тому, что споткнулись при ходьбе, и что сломалась телега, и каждому чиханию.

XLI. (85) Остается сказать о жребиях и халдеях, прежде чем перейти к пророчествам и снам. Ты действительно считаешь, что стоит говорить всерьез о жребиях? Но что же такое жребий? То же почти, что игра в пальцы¹⁰² или бросание игральных костей. В этих делах играет роль произвол и случай, а не разум и не расчет. И выдумали все это обманщики или из корысти, или по суеверию, или по заблуждению.

Однако и тут поступим так же, как с гаруспициями. Рассмотрим, что говорит предание о происхождении самых знаменитых жребиев. Пренестинские памятники сообщают, что Нумерий Суффустий, человек почтенный и знатный, часто видел до крайности напугавшие его сны, в которых ему было приказано пойти в определенное место и там разрезать камень. Устрашенный этими снами, он, не взирая на насмешки своих сограждан, проделал это. (86) И вот, когда камень был разрезан, из него выпали жребии, дубовые и помеченные вырезанными на них странными буквами. И теперь это место обнесено оградой и считается священным. А находится оно вблизи храма, в котором матери семейств благочестиво поклоняются Юпитеру-мальчику, изображенному грудным младенцем, сидящим вместе с Юноной на коленях Фортуны¹⁰³ и тянущимся к ее груди.

Говорят также, что в то же время на том месте, где и сейчас расположен храм Фортуны, из ствола оливкового дерева истек мед. А гаруспики объявили, что упомянутые жребии станут самыми знаменитыми, и велели из ствола той оливы сделать ларец и в него положить жребии. Их и ныне тянут из него для тех, которые хотят запросить Фортуну. Но почему заслуживают доверия жребии, которые, с целью узнать волю судьбы, мальчик, перемешав своими руками, вытаскивает из ларца? Каким образом эти жребии оказались в том месте? Кто срубил тот дуб, из которого они были сделаны, кто обтесал их, кто надписал? Говорят: бог все может сделать. О, если бы он сделал стойков поумнее, чтобы они не были такими суеверными из-за малодушия!

Впрочем, этот вид дивинации уже в повседневной жизни вышел из употребления. И только красота и древность храма в Пренесте еще и сейчас поддерживают почтительное отношение к хранящимся там жребиям. И то только у простого народа. (87) Какой же магистрат, какое более или менее значительное лицо прибегает сейчас к жребию? И в других местах жребии просто уничтожены. В связи с чем, как Клитомах пишет, Карнеад говаривал, что он не знает ни одной Фортуны, которая имела бы такую фортуна, как пренестинская.

XLII. Перейдем теперь к чудесам халдеев. Евдокс, слушатель Платона и, по мнению ученейших людей, первейший астролог, был того мнения (о чем можно прочесть в оставшихся после него сочинениях), что халдеям, которые любому человеку по дню его рождения предсказывают все, что с ним произойдет в жизни, и пишут его гороскоп, менее всего следует верить. (88) Панетий, единственный из стойков, отвергавший предсказания астрологов, приводит имена Архелая и Кассандра — величайших астрологов его времени, которые, блистая во всех отраслях астрологии, никогда не пользовались ею для предсказания

будущего. Скилак Галикарнасский, друг Панетия, также отличный астролог и он же глава своего государства, полностью отвергал этот халдейский способ предсказаний¹⁰⁴.

(89) Однако оставим в покое свидетелей и используем доводы рассудка. Те, которые защищают халдеев и их гороскопы (*natalitia*), рассуждают так. Они говорят, что в том поясе созвездий, который греки называют Зодиаком, есть некая сила, такая, что отдельные части этого пояса по-разному влияют на состояние неба и производят в нем разные перемены в зависимости от того, какие звезды в какое время оказываются в их пределах и по соседству¹⁰⁵. И эта сила по-разному меняется в зависимости от тех звезд, которые мы называем «блуждающими». Когда они выступают в ту самую часть сферы, в пределах которой произошло рождение того, кто родился, или в ту, которая с этой частью связана или согласуется, то они, астрологи, это называют треугольниками или квадратами. И так как с приближением или удалением звезд происходят столь большие изменения или перемены в состоянии погоды в разные времена года, и то же, как мы знаем, происходит под влиянием Солнца, то они равным образом считают не только правдоподобным, но и бесспорным, что это влияние распространяется не только на климат, но и на рождение детей, на их физические и духовные способности, на их душу и тело, на всю их жизнь, на все события и случаи в ней.

XLIII. (90) Какое же это невероятное безумие (потому что не всякую ошибку следует называть глупостью)! Но даже стоик Диоген¹⁰⁶ пошел на уступки халдеям, допустив, что они кое-что могут предсказать, например какой будет характер у ребенка и к чему у него будет больше способностей. Остальное, о чем они пророчествуют, он считал никоим образом невозможно узнать. Ведь у близнецов наружность сходная, а жизнь и судьба по большей части неодинаковая. Прокл и Эврисфен, лакедемонские цари, были братьями-близнецами, а прожили неодинаковое число лет — жизнь Прокла была на два года короче, а славой своих подвигов он намного превзошел брата¹⁰⁷.

(91) И я не могу понять, как это добрейший Диоген мог как бы некоторым образом покривить душой, пойдя халдеям на уступки. Ведь если, как считают халдеи, рождение детей находится в ведении Луны, и поэтому они наблюдают и записывают положение тех звезд, которые оказываются связанными с Луной в момент рождения ребенка, то они полагаются на самое обманчивое из чувств — зрение относительно того, что должны бы были видеть рассудком и духом¹⁰⁸. Расчеты математиков учат, и халдеям следовало бы это знать, как низко ходит Луна, почти касаясь Земли, насколько далеко она отстоит от ближайшей звезды Меркурия¹⁰⁹, и еще намного дальше от Венеры, и затем еще на другом расстоянии от Солнца, от которого, как считают, она заимствует свой свет. Другие же три расстояния: от Солнца до Марса, оттуда до Юпитера, от Юпитера до Сатурна и оттуда до самого неба, которое есть край и конец мира, — бесконечно велики. (92) Какое же воздействие с такого почти бесконечного расстояния может достигнуть до Луны или тем более до Земли?

XLIV. Так что же? Когда халдеи утверждают (им это необходимо утверждать), что все люди, родившиеся в одно и то же время на всей Земле, где бы они не обитали, одинаковы и что со всеми ими, рожденными при одном и том же состоянии неба и расположении звезд, неизбежно произойдет одно и то же, то не обнаруживают ли эти толкователи неба полное незнание природы неба? Ведь те круговые линии, которые как бы делят небо пополам и которые греки называют *ὀρίζωντες* (а мы очень правильно можем назвать *finientes* («ограничивающие»), так как они ограничивают наш обзор), в разных местах сильнейшим образом различаются между собой. И так как они разные в разных местах, то и восход и заход звезд неизбежно происходит в разных местах в разное время. (93) А если влияние звезд так или иначе определяет состояние неба, то как могут рождающиеся испытать одно и то же влияние, если в разных местах небо разное? Так, например, в тех местах, где мы живем,

Сириус восходит несколькими днями позже летнего солнцестояния, а у троглодитов¹¹⁰, как пишут, — до солнцестояния.

Так что, если даже допустить, что некая небесная сила воздействует на тех, кто рождается на Земле, то придется также признать, что рождающиеся в одно и то же время могут иметь различную природу (*natura*), вследствие различного состояния неба. Но этого как раз они не желают признавать, ибо настаивают на том, что все рождавшиеся в одно и то же время, где бы они ни родились, родились в одинаковых условиях.

XLV. (94) Но какое безумие не придавать никакого значения величайшим переменам и переходам в состояниях неба, тому, где какой ветер, дождь, погода. А ведь эти состояния даже в соседних местах часто настолько различны, что часто в Тускуле одна погода, а в Риме другая. Мореплаватели это особенно замечают, когда, обогнув мыс, часто обнаруживают, что ветры дуют совсем в другую сторону. Но если погода (*coelum*) бывает то ясная, то бурная, то не противоречит ли здравому смыслу говорить, что это не влияет на рождающихся детей (а это действительно не влияет), и в то же время говорить, что влияет на рождение детей нечто неопределённое, такое, что никак невозможно ощутить и едва ли можно понять, нечто, исходящее от Луны и прочих светил и определяющее состояние неба? Вдобавок, не величайшую ли ошибку допускают те, которые не понимают значения семени, его основной роли в рождении, в воспроизводстве жизни? Кто же не видит, что дети воспроизводят родительские черты и в своей наружности, и в нравах, а в большинстве своем и в осанке и в манерах? Что не случилось бы, если бы здесь действовала не природа рождающихся, а влияние Луны и руководство со стороны неба.

(95) А то, что родившиеся точно в одно и то же время имеют обычно разные характеры и судьбы и по-разному кончают жизнь, разве не является достаточным доказательством, что время рождения никак не влияет на дальнейшую жизнь родившегося? Можно ли утверждать, что ни один человек не был и зачат и рожден одновременно со Сципионом Африканским? А нашелся ли кто-нибудь равный ему по величию?

XLVI. (96) А разве можно сомневаться в том, что у многих людей, родившихся с отклонениями от природы, [эти недостатки] исправляются или природой, которая сама себя восстанавливает, или с помощью искусства и медицины. Например, тех, кто [рождается] с прирощим языком, так что они и говорить не могут, скальпель врача избавляет [от этого недостатка]. А многие устраняют природный порок путем продуманных упражнений. Так, Демосфен, который, как Деметрий Фалерский пишет, не мог произнести звук «р», посредством упражнений добился того, что стал произносить его отчетливейшим образом¹¹¹. Но если бы эти врожденные недостатки зависели от звезд, то, конечно, изменить это было бы никак нельзя.

А местные особенности разве не обусловили врожденные различия между людьми? Я без труда мог бы указать бесчисленные различия как в физическом, так и в духовном отношении между индийцами и персами, эфиопами и сирийцами. (97) Отсюда понятно, что климатические условия влияют на рождение больше, чем воздействие Луны (*Lunae tactus*). А те, которые говорят, что вавилоняне затратили четыреста семьдесят тысяч лет на опыты и наблюдения над рождением детей, обманывают. Если бы они этим занимались раньше, то не прекратили бы и теперь. Однако ни один автор не говорит, что они этим занимаются сейчас, и не знает, что они это делали раньше.

XLVII. Как видишь, я сейчас повторяю слова не Карнеада, но то, что говорил князь стоиков — Панетий. А я еще и от себя задам вопрос: неужели все погибшие в битве при Каннах родились под одной и той же звездой? Однако кончина у них у всех была одна и та же. А те,

которые отличаются от всех талантом и умом, что же, родились под особой звездой? В каждый момент времени рождается великое множество людей. Но нет и не было подобного Гомеру. (98) Далее, если состояние неба и расположение звезд влияют на рождение живого существа, то это должно бы влиять не только на людей, но также и на животных. Что может быть абсурднее такого предположения? А между тем наш друг Л. Тарутий Фирман, один из самых сведущих в халдейских расчетах¹¹², не поколебался составить гороскоп даже нашего города, основываясь на сроках празднования Парилий¹¹³, в день которых, по преданию, Ромул основал наш город. Фирман утверждает, что Рим родился, когда Луна была в созвездии Весов, и он, не колеблясь, предсказал судьбы Рима. О, великая сила заблуждения! Даже день рождения города оказался под влиянием Луны и звезд! Пусть для ребенка имело значение состояние неба, при котором он сделал свой первый вздох. Но неужели это имело значение также и для кирпичей и камня, из которых строился город? (99) Но не довольно ли? Факты все это опровергают каждый день. Сколько раз, я помню, халдеи предсказывали будущее Помпею, Крассу, самому Цезарю. И, согласно всем этим предсказаниям, этим великим людям предстояло умереть обязательно в постели, обязательно в глубокой старости, обязательно дома, в сиянии славы. Поистине, я очень удивляюсь, что есть люди, которые и сейчас еще верят тем, чьи предсказания никогда не сбывались и не сбываются.

XLVIII. (100) Остаются два вида так называемой дивинации, которую можно назвать естественной потому, что она не связана с искусственными приемами. Я имею в виду прорицания в состоянии исступления и сновидения. Если угодно, Квинт, перейдем к их обсуждению». «Мне, — ответил Квинт, — конечно, угодно. С тем, что ты до сих пор говорил, я вполне согласен, и, честно говоря, хотя твоя речь немало убедила меня, но я и сам так считал, что мнения стоиков о дивинации слишком уж суеверны. И на меня большее впечатление произвело учение перипатетиков, и древнего Дикеарха, и ныне процветающего Кратиппа¹¹⁴, которые считают, что в душе человеческой есть как бы некий оракул, который объявляет нам будущее, когда наша душа либо охвачена божественным исступлением (*furore divino incitatus*), либо, освеженная сном, движется раскованно и свободно¹¹⁵. Конечно, я хотел бы услышать, что ты думаешь об этих видах дивинации, какими доводами ты будешь их опровергать».

XLIX. (101) После его слов я, как бы опять сначала, стал говорить. «Знаю, — сказал я, — Квинт, что ты всегда считал сомнительным прочие виды дивинации, но эти два, в исступлении и в сновидении, которые как бы изливаются из свободной души, ты признавал.

Итак, я скажу тебе, как я представляю себе эти самые два вида. Но прежде рассмотрю, чего стоят заключения об этом стоиков и нашего друга Кратиппа.

Я уже говорил, что и Хрисипп, и Диоген, и Антипатр аргументируют следующим образом: «Если есть боги, и они не объявляют людям будущее, то боги или не любят людей, или сами не знают, что произойдет, или боги считают, что для людей совсем не важно знать будущее, или они считают недостойным своего величия подавать людям знамения о будущем, или сами боги не могут подавать знамения. (102) Но боги любят нас, так как они благодетельны и благосклонно относятся к роду человеческому; они знают то, что сами предопределили и предназначали на будущее. И нам важно знать наше будущее, так как если будем знать, то будем осторожнее. И не считают боги это чуждым своему величию, ибо нет ничего превосходнее благодетельности. И могут они давать нам знамения о будущем. Итак, если нет богов, то они и не дают нам знамения о будущем. Но боги существуют, следовательно, они дают нам предзнаменования. А если дают нам предзнаменования, то дают и способы познать их, иначе напрасно было бы давать знамения. А если дают способы, то это и составляет науку дивинации. Следовательно, есть дивинация».

(103) Вот ведь какие хитрецы! Они считают, что немногими словами решили все дело. И строят свои заключения на посылках, которые отнюдь не бесспорны. Между тем только то заключение может считаться удовлетворительным, когда, основываясь на бесспорном, делается вывод о том, что спорно.

L. А вот Эпикур, о котором стоики обычно отзываются как о грубом и тупоумном¹¹⁶. Посмотри, как он, из того, что мы говорим: все входит в природу вещей (*natura rerum*), заключает о том, что все — бесконечно¹¹⁷. «То, что конечно, — рассуждает он, — имеет край. Кто же с этим не согласится? А то, что имеет край, может наблюдаться другим извне». И с этим также следует согласиться. «Но то, что есть все, не может кем-то наблюдаться извне». И это тоже нельзя отрицать. «Следовательно, то, что не имеет никакого края, необходимо должно быть бесконечным». Видишь, как Эпикур через неоспариваемое перешел к сомнительному? А вот вы, диалектики¹¹⁸, этого не делаете. Вы не только не используете для своих заключений то, с чем все согласны, но и то, с чем у вас можно было бы согласиться, не используете так, как это вам нужно. (104) Сначала вы принимаете как общепризнанное положение: «Если существуют боги, то они благодетельны к людям». А кто вам дал право считать это общепризнанным? Уж не Эпикур ли, который полагает, что боги нисколько не заботятся ни о себе, ни о других?¹¹⁹ Или наш Энний, который, выступая перед народом, читал следующие стихи:

Я всегда говорил и всегда говорить буду: есть богов,
Род небесный, да только о роде людском, о делах наших
Им и забот нет, так я думаю¹²⁰.

А народ, вполне согласный с этим, отвечал ему громкими аплодисментами. Энний далее приводит доводы, почему он так думает. Но нет никакой необходимости продолжать цитирование. И без того достаточно ясно, что стоики принимают за несомненное то, что и сомнительно и спорно.

LI. (105) Дальше стоики рассуждают: «Боги все знают, потому что ими же все установлено». Но по этому вопросу идет сильнейший спор между учеными людьми; есть такие, которые отрицают, что все установлено бессмертными богами. «Нам важно знать, что произойдет в будущем». А Дикеарх написал толстую книгу, в которой доказывает, что лучше не знать, чем знать. Стоики утверждают: «Делать добро людям вполне достойно величия богов». То есть заглядывать в каждую хижину, чтобы узнать, что кому нужно? «Не могут боги не знать будущее». (106) Но те, которые считают, что будущее неопределенно, думают, что и боги могут его не знать.

Видишь, как они принимают сомнительное за несомненное, общепризнанное. Затем они изворачиваются и заключают следующим образом: «Не может быть, чтобы боги существовали и не предвещали будущее». Это они тоже считают доказанным, и после этого добавляют: «Итак, боги существуют», что само по себе вовсе не всеми признается¹²¹. «Следовательно, они дают предзнаменования». Одно из другого как раз не следует. Боги могут не давать знамения, и все же существовать. «Раз дают знамения, то дают и некие способы узнавать их значение». А может быть, боги сами знают, а человеку не сообщают? Ведь почему они этрускам больше сообщили, чем римлянам? «А если сообщают способы, то есть и дивинация». Допустим, сообщают (абсурд, конечно), но какой толк от этого, если мы не можем их воспринять? И они кончают: «Итак, существует дивинация». Но это только конец, а не следствие. Ведь сами они учат, что из ложного не может произойти истинное. Так что все их заключение рушится.

LII. (107) Теперь перейдем к превосходнейшему человеку и нашему другу Кратиппу. «Если, — рассуждает он, — без глаз невозможно выполнять те обязанности и ту службу,

которую несут глаза, а иногда глаза не могут нести свою службу, то все же тот, кто хоть один раз использовал свои глаза таким образом, что увидел истинное, знает, что у него есть чувство зрения глазами, видящими истинное. Точно так же, если без дивинации невозможно выполнять ту обязанность и ту службу, которые выполняет дивинация, то может также случиться, что тот, кто имеет дар дивинации, иногда будет допускать ошибки и неверно провидеть. Но для того, чтобы подтвердить, что дивинация все же существует, достаточно, чтобы хоть один раз что-то было предсказано и сбылось таким образом, что в этом никак нельзя увидеть случайного совпадения. А таких случаев бесчисленное множество. Итак, должно признать, что дивинация существует». Изящно и коротко. Но Кратипп при этом дважды произвольно использовал допущения, с которыми мне при всей моей уступчивости согласиться никак невозможно. (108) Если, говорит он, глаза иногда ошибаются, все же, так как иногда они видели правильно, значит есть в них способность зрения; так же, если кто один раз правильно предсказал в дивинации, то, хотя бы он в других случаях ошибался, все равно следует считать, что в нем есть способность к дивинации (*vis divinandi*).

LIII. А теперь, прошу тебя, друг мой Кратипп, присмотришься, похожи ли эти два примера один на другой? Мне кажется — нет. Ибо способность глаз видеть истинное — это естественная способность. А душа, если когда-нибудь в состоянии экстаза или во сне правильно увидела будущее, то это лишь случайное совпадение. Во всяком случае, ты не должен рассчитывать на то, что люди, считающие сны просто снами, согласятся с тобой в том, что, если какое-нибудь из сновидений сбылось, то это произошло не случайно. Но если даже согласиться с этими твоими двумя допущениями, — диалектики их называют *ἕψματα*, а я предпочитаю называть их по латыни *sumptiones*, — то с допущением, которое у тех же диалектиков называется *πρόσληψις*, никак нельзя согласиться. (109) У Кратиппа это допущение звучит так: «Фактов неслучайных предчувствий бесчисленное множество». А я говорю — ни одного! Видишь, какое получилось противоречие? А если это допущение не принято, то нет и никакого заключения. Не бесстыдно ли я поступаю, не соглашаясь с тем, что столь очевидно? А что очевидно? «Множество раз, — говорит он, — дивинации оказались верными». А как быть с тем, что еще большее множество раз — неверными? Само это непостоянство, характерное для Фортуны, не говорит ли за то, что причиной здесь служит случай, а не природа? Далее, Кратипп (так как теперь я имею дело с тобой), если твое заключение правильно, то разве ты не понимаешь, что им могут воспользоваться и гаруспики, и толкователи молний, и толкователи чудес, и авгуры, и гадающие на жребиях, и халдеи? Ибо среди них тоже нет ни одного, чьи бы предсказания хоть один раз да не сбылись. Стало быть, следует признать и те виды дивинаций, которые ты сам же совершенно справедливо отвергаешь? А если те не существуют, то я не понимаю, почему ты признаешь существование этих двух видов дивинации, которые ты оставил? Ведь тот же довод, который ты применил к этим двум, можно применить и к тем, что ты отвергнул.

LIV. (110) Какое такое преимущество имеет это исступление (*furor*), которое вы называете божественным, что в таком состоянии безумный (*insanus*) видит то, чего не видит мудрец, и человек, лишившийся человеческих чувств, обретает божественные? Мы сохраняем и чтим стихи Сивиллы, которые она, как говорят, изрекла в исступлении. Недавно, если верить ложным слухам, их хранитель и толкователь намеревался выступить в сенате и объявить, что если мы хотим быть спасены, то должны провозгласить царем того, кто на деле уже был царем. Если это даже и есть в сивиллиных книгах¹²², то о каком человеке идет речь? К какому времени относится? Уж очень хитро автор этих стихов сочинил их так, что чтобы ни произошло, это будет выглядеть как предсказание, вследствие того, что в них определенно не указаны ни человек, ни время. (111) А кроме того, он окутал свои стихи такой темнотой, что они могут быть приспособлены к самым различным событиям. Нет, эти стихи сочинены не в состоянии исступления, они сами об этом свидетельствуют, так как в них больше искусства и усердия, чем вдохновения и возбуждения. И кроме того, в них можно обнаружить то, что

называется *ἀκροστιχίς* (акростих), когда из первых букв каждого стиха получаются слова с неким смыслом, подобно тому как в некоторых стихотворениях Энния “Ennius fecit” («Кв. Энний сочинил»). В этом, конечно, больше умственного напряжения, чем вдохновения. (112) И в сивиллиных книгах все изречения сочинены таким образом, что акростих воспроизводит первый стих каждого изречения. Это мог сделать писатель, а не исступленный; человек старательный, а не безумный. Так что спрячем и будем хранить сивиллины книги, чтобы, как это нам и предки завещали, никто без повеления сената не смел их читать. Пусть бы они служили более к устранению суеверий (*ad deponendam religionem*), чем к их поддержанию. А истолкователям их надо бы нам внушить, чтобы они извлекали из них что угодно, только не царя, которого в Риме ни боги, ни люди впредь уже не потерпят.

LV. Но, скажешь ты, часто ведь многие и верно предвещали, как, например, Кассандра:

Вот уже в море великом¹²³...

И немного спустя:

Увы, смотрите¹²⁴...

(113) Да неужели же ты вынуждаешь меня верить даже вымыслам? Пусть они сколько угодно доставляют нам наслаждение словами, мыслями, ритмом, пением, но никакой авторитетности для нас они не должны иметь, и верить выдумкам мы отнюдь не обязаны. Точно так же, считаю я, не следует верить какому-то неизвестному мне Публицию или марсийским прорицателям, или таинственным изречениям Аполлона, из которых одни явно выдуманы, другие высказаны наобум. Ведь этому никогда не доверяли не только мудрецы, но и люди среднего ума. (114) «Как? — спросишь ты, — а этот гребец из флота Копония¹²⁵, разве он не предсказал то, что действительно произошло?» Да, предсказал! То, чего мы в то время все боялись, чтобы не произошло. Потому что мы слышали, что в Фессалии уже стоят одна против другой готовые к сражению две армии. И нам казалось, что в войсках Цезаря больше отваги (*audacia*). Еще бы, ведь оно пошло войной против своего отечества, и сильнее оно, так как состоит из старых, закаленных воинов. Каждый из нас боялся плохого исхода сражения, но боялся так, как пристало стойкому человеку — не подавая вида. А этот грек, что удивительного, если он под влиянием великого страха, как это бывает в большинстве случаев, лишился твердости духа и совсем потерял самообладание? Будучи в здравом уме, он боялся того, что может произойти. Обезумев от страха, в душевном смятении он закричал, что это должно произойти. Но, клянусь всеми богами и людьми, что правдоподобнее, — что в замыслы богов бессмертных сумел проникнуть безумный гребец или кто-нибудь из нас, бывших там в то время: я, Катон, Варрон, сам Копоний?

LVI. (115) А теперь я перехожу к тебе —

О Аполлон святой, чей храм ведь на самом пупе Земли,
Откуда глас впервые вещей изошел, свиреп и дик¹²⁶...

Хрисипп наполнил целый свиток твоими оракулами, частью, как я полагаю, ложными, частью оправдавшимися случайно (ведь это очень часто бывает со всяким изречением), — частью столь неопределенными и темными, что их истолкователь сам нуждается в толкователе. А чтобы понять смысл оракула, приходится прибегать к другим оракулам (*sortes*). Наконец, часть из них двусмысленна настолько, что разобраться в них под силу только диалектикам. Так, когда богатейшему царю Азии Крезу был выдан оракул¹²⁷:

Крез, через Галис проникнув, великое царство разрушит,

то этот царь посчитал, что ему суждено разрушить вражеское царство, а разрушил он свое. (116) В любом ведь случае оракул все равно оправдался, бы. Однако почему я должен верить, что этот оракул действительно был дан Крезу? Или почему я должен считать, что Геродот более правдив, чем Энний? Почему Геродот не мог выдумать эту историю с Крезом, как Энний выдумал о Пирре?¹²⁸ А кто поверит, что Пирру оракулом Аполлона был дан следующий ответ:

Знай, Эакид, Рим победить сможет¹²⁹.

Во-первых, Аполлон никогда не говорил по-латыни. Затем, греки об этом оракуле ничего не слышали. Кроме того, во времена Пирра Аполлон уже прекратил сочинять стихи. И наконец, хотя, как у Энния сказано, всегда был

Род туповат Эакидов.
В деле военном сильнее они, а умом послабее,

все же [Эакид] Пирр мог бы понять двойной смысл стиха. Ведь слова «Знай, Эакид, Рим победить сможет» могут означать не только «ты победишь Рим», но и «Рим тебя победит»¹³⁰. Если та двусмысленность, которая обманула Креза, смогла обмануть даже Хрисиппа, то эта не обманула бы даже Эпикура¹³¹.

LVII. (117) Но что главное — это почему подобным образом в Дельфах уже не выдаются прорицания не только в наше время, но и давно¹³². Почему к этому оракулу стали относиться с величайшим пренебрежением? Когда защитников дивинации прижимают этим вопросом, то они говорят: истощилась, мол, от старости, сила этого места, откуда исходили земные испарения, под влиянием которых Пифия вдохновлялась, изрекая оракулы. Можно подумать, что речь идет о вине или рассоле каком-то, который выдыхается и слабеет со временем. Но в данном случае мы имеем дело со свойством определенной местности, и не только естественным, но и божественным. Каким образом истощилась эта сила? Скажешь — от старости. Но что это за старость, которая смогла истощить божественную силу? Силу настолько божественную, что, вырвавшись из-под земли, она приводила душу Пифии в такое состояние, что та могла не только задолго провидеть будущее, но даже изрекать свои предсказания в благозвучных стихах. Когда же эта сила истощилась? Не после того ли, как люди стали менее легковверными? (118) Демосфен, живший около трехсот лет тому назад, уже тогда говорил, что Пифия «филиппствует» (φιλιππίζειν)¹³³, т. е. как бы заодно с Филиппом. Он имел в виду, что она подкуплена Филиппом. Можно считать, что и другие дельфийские оракулы тоже были кое в чем нечестны.

Я не знаю, почему эти ваши суеверные и почти фанатичные философы как будто предпочитают идти на все, лишь бы не выглядеть глупыми. Вы предпочитаете верить, что истощилась, перестала существовать та сила, которая, если только она действительно существовала когда-нибудь, то определенно была вечной, чем не верить в то, во что вовсе не следует верить.

LVIII. (119) Сходным образом эти философы ошибаются и относительно снов, в защиту которых они выступают издавека. Они считают, что наши души (animi) божественны (divini), что они заимствованы извне¹³⁴, что мир заполнен множеством со-чувствующих душ. Благодаря этой божественности ума и самой души и благодаря ее связи с внешними умами можно определять, каково будущее. А Зенон, напротив, полагает, что когда человек спит, то его душа как бы съезживается, угнетена, испытывает упадок сил и сама засыпает¹³⁵. Даже Пифагор и Платон, авторы авторитетнейшие, указывают, что для того, чтобы во сне увидеть более истинное, нужно, готовясь ко сну, соблюдать умеренность в образе жизни и в еде¹³⁶. А

пифагорейцы даже рекомендуют совсем отказаться от употребления в пищу бобов, как будто от этой пищи раздувается не желудок, а душа. Право же, какую можно высказать еще нелепость, которая бы уже не была высказана кем-нибудь из философов!

(120) Будем ли мы считать, что души спящих сами собой приходят в движение и видят сны или, как считал Демокрит, их к этому понуждает поступающий извне образ (visio)¹³⁷, так или иначе спящие могут увидеть во сне много ложного под видом истинного¹³⁸. Так ведь и плывущему на корабле кажется, что неподвижные предметы на берегу движутся; так, особым образом скосив глаза, можно увидеть вместо одного светильника два. А что говорить о людях в горячке или пьяных? — много они видят ложного. Но, если не следует верить в такого рода видения, то я уж не знаю, почему следует верить в сны. Ведь если захотеть, то можно и эти ошибки зрения толковать, как толкуют сны: то, что неподвижное двигалось, — истолковать, как предзнаменование землетрясения или неожиданного бегства, а раздвоение пламени свечи объявить как знамение, предвещающее раздоры или восстание.

LIX. (121) Даже из видений безумцев или пьяных можно путем толкования извлечь много такого, что будет выглядеть как относящееся к будущему.

Если человек целый день бросает в цель копье, он когда-нибудь да попадет. Мы целыми ночами видим сны, и почти каждую ночь спим, так что удивительного, если иногда сон сбывается? Что может быть более ненадежным, чем бросание игральных костей? И, однако, каждому, кто часто бросал, выпадал когда-нибудь самый удачный, «венерин» бросок¹³⁹, а иногда даже два или три раза. Так что же, мы предпочтем сказать по-глупому, что в этом приняла участие Венера, а не простой случай?

Если в других случаях не следует верить ложным видениям, то я не вижу, какое преимущество у сна, почему ложному во сне следует придавать значение истинного? (122) Да если бы природа так устроила, что спящие действительно совершали бы те поступки, которые они совершают в сновидениях, то всех отправляющихся спать пришлось бы связывать, так как во сне люди ведут себя хуже, чем сумасшедшие. Так, если нельзя придавать веры видениям безумцев, потому что они ложны, почему следует верить снам, которые еще сумасброднее, не понимаю! Только потому, что безумные о своих видениях не рассказывают толкователям, а видевшие сны — рассказывают?

И еще спрашиваю: если я захочу что-то написать, или прочитать, или спеть, или сыграть на музыкальном инструменте, или выяснить какой-нибудь вопрос из геометрии, или физики, или диалектики, то, что же, мне следует ждать, когда я увижу сон, или следует применить искусство, без которого в этих делах ничего не достигнешь? А если захочу пуститься в плавание, то я не буду ведь управлять кораблем, руководствуясь снами, иначе наказание меня постигнет тут же. (123) Разве Эскулап или Серапис могут нам прописать во сне лекарство от болезни, а Нептун — сделать из нас хороших кормчих? Не может! Или, если Минерва может без врача исцелить, то почему бы музам, — также в сновидениях, — не научить писать, читать и другим искусствам? Если бы могли помочь при болезни, то могли бы и в других случаях. А если не могут в других случаях, то и при болезни не помогут, а раз так, то вообще не может быть никакого доверия снам.

LX. (124) После этих предварительных замечаний рассмотрим вопрос поглубже. Можно предположить, что либо посылает предзнаменование во сне некая божественная сила, заботящаяся о нас, либо что те, кто толкует сны, основываясь на существовании в природе некоего согласия и взаимосвязи (что называется *συμπάθεια*¹⁴⁰), понимают, какое событие должно последовать за тем, что мы видели во сне. А может быть, ни то, ни другое, а

постоянные и каждодневные наблюдения показали, что после какого-то определенного сновидения следует определенное событие.

(125) Прежде всего следует уяснить себе, что нет такой божественной силы, которая производит сновидения, и ни одно сновидение, очевидно, не исходит от бога. Если бы боги это делали ради нас, чтобы мы могли предвидеть будущее, то почему так мало людей, которые повинуются снам? Которые понимают их? Которые помнят? А как много таких, которые пренебрегают снами и считают веру в сны суеверием, что пристало лишь для малодушных и старух? Почему бог, заботящийся о людях, наставляет сновидениями тех, кто считает их недостойными не только внимания, но даже запоминания? Не может ведь бог не знать образа мыслей каждого человека, и ведь недостойно бога делать что-то попусту и без причины. Это противно даже для человека, если он последователен в своих поступках. Стало быть, если сны по большей части либо забывают, либо пренебрегают ими, то или бог об этом не знает, или напрасно пользуются этим способом — давать нам предзнаменования во сне. Но ни то, ни другое для бога не подходит. Значит, не следует верить, что бог посылает предзнаменования в виде сновидений.

LXI. (126) Я спрашиваю также, если бог дает нам эти видения для предвидения будущего, почему он предпочитает их посылать спящим, а не бодрствующим? Возбуждаются ли души спящих посторонним воздействием, извне, или души возбуждаются сами собой, или есть какая-нибудь другая причина, почему нам во сне кажется, что мы что-то видим, слышим, делаем, ведь та же причина могла бы сказаться и на бодрствующих. И то же, что ради нас боги делают с нами, когда мы спим, пусть бы они сделали с бодрствующими. Тем более что и Хрисипп, опровергатель академиков, признает, что бодрствующие видят в более ясном и четком виде то, что спящие видят во сне. Было бы поэтому более достойным благодетельных богов, коли они заботятся о нас, посылать более ясные видения бодрствующему, чем более темные во сне. А так как этого не происходит, то не следует считать сны божественными. (127) И потом, к чему эти обиняки и околичности, которые вынуждают нас обращаться к толкователям? Лучше бы бог, если он только когда-нибудь заботился о нас, сказал прямо: «Это делайте! Этого не делайте!» И пусть бы он дал это видение лучше бодрствующему, чем спящему.

Ведь кто осмелится сказать, что все сны сбываются? «Некоторые сны верные, — говорит Эний, — но все — необязательно»¹⁴¹.

LXII. Как же можно отличить верный сон от неверного? И если верные посылает бог, то откуда происходят неверные? Если и они также божественного происхождения, то что может быть непостояннее бога? Что может быть безрассуднее, чем тревожить души смертных пустыми и обманчивыми видениями? Если только правдивые сновидения божественны, а ложные и пустые человеческого происхождения, то что это за произвольное распределение, что одно делает бог, другое природа? Не лучше ли было бы, чтобы или бог посылал все сны (что вы отрицаете), или все — природа? Так как вы первое отрицаете, то по необходимости будете вынуждены признать второе. (128) Под природой же я понимаю то, по причине чего душа никогда, даже в состоянии покоя, не может быть в бездействии и без движения. И вот, когда тело покоится, и душа не может пользоваться ни членами его, ни чувствами, то она оказывается во власти разных и случайных видений, которые, как говорит Аристотель, являются не чем иным, как отпечатками того, что человек делал или о чем думал в состоянии бодрствования. И так как отпечатки эти бывают перепутаны, то и образы в сновидении бывают подчас самые странные. Так что, если среди сновидений часть лживых, часть правдивых, то я очень хотел бы знать, по какому признаку их можно распознать? Если такого признака нет, то какой смысл прислушиваться к толкователям? А если есть какой-то, очень хочу услышать — какой? Но на это они не найдутся, что ответить.

LXIII. (129) Весь спор, в сущности, сводится к следующему: что более вероятно — то, что бессмертные боги, превосходящие все в мире своим совершенством, сбегаются ко всем не только [мягким] ломам, но даже [жестким] койкам всех смертных, где бы они ни были, и как только заметят, кто стал похрапывать, тотчас подбрасывают тому несколько непонятных и темных видений, чтобы таким образом заставить его утром в страхе от сновидения бежать к толкователю за разъяснением; или то, что сны имеют естественное происхождение — легко возбуждающейся душе во время сна кажется, что она видит то, что наяву она действительно видела. Так что же более достойно философии: обратиться к суеверным толкованиям вещей старух или обратиться за объяснением к природе?

А если даже правильное толкование снов и возможно, то те, кто берется за это дело, сделать ничего не могут: это ведь обычно люди самого презренного и невежественного типа. (130) Стойки те твои сами утверждают¹⁴², что только мудрец может быть прорицателем. Так, например, Хрисипп дает следующее определение дивинации: это способность распознавать, видеть и объяснять знаки, которые боги посылают людям. Обязанность дивинации — заранее по этим знакам разузнавать, каковы намерения богов в отношении людей, каков смысл знаков и каким образом богов следует смягчить и умиловить. Он же искусство толкования снов определяет таким образом: это способность понимать и объяснять те знаки, которые даются людям богами во сне. Так ведь это же задача не для посредственного, а для самого выдающегося и образованного ума. А я такого не встречал ни разу.

LXIV. (131) Заметь, стало быть, что если я даже соглашусь с тобой, что дивинация существует (чего я никогда не сделаю), то мы не смогли бы найти прорицателя (*divinus*), достойного этого названия. Непостижимы намерения богов (*mens deorum*), если они нам не посылают во сне ни таких знаков, которых мы могли бы сами самостоятельно понять, ни таких, для которых мы могли бы найти соответствующих толкователей. Если бы боги обращались к нам с подобными знаками, которые мы и сами не понимаем, и нет такого, кто бы нам объяснил их смысл, то это было бы похоже на то, как если бы карфагеняне или испанцы стали говорить в нашем сенате без переводчика. (132) Какая цель этой темноты и загадочности сновидений? Боги должны бы желать, чтобы нам было понятно то, о чем они ради нас же предупреждают нас! Скажешь, а не бывает разве, что поэт или физик непонятен? Да, Евфорион бывает даже чересчур непонятным¹⁴³. (133) Но — не Гомер! А кто из них лучший поэт? Очень темен Гераклит¹⁴⁴. Менее всего — Демокрит. Но разве можно их поставить рядом? Если ты убеждаешь меня в чем-то для моей же пользы так, что я не понимаю, — какой мне прок от твоего старания? Это как если бы какой-нибудь врач велел больному взять

Землей рожденное, в траве возросшее, свой дом несущее, крови лишенное¹⁴⁵,

вместо того, чтобы сказать, как все люди, — улитку. У Пакувия Амфион, обращаясь к афинянам, выразался подобным образом:

Четвероногое, тихоходящее, низкое, грубое,
С шеей змеиной, короткой головкой, видом противное,
Выпотрошенное и неживое, но с живым голосом¹⁴⁶.

Так как он говорил очень темно, то афиняне сказали ему: «Не понимаем, говори понятно». И он объяснил одним словом: «черепаша»¹⁴⁷. — «Так что ж ты, кифарист, сразу не мог так сказать?»

LXV. (134) В книге Хрисиппа о сновидениях приводится такой случай: к снотолкователю обратился некто за советом: ему приснилось, что на ремне¹⁴⁸ под его кроватью висит яйцо. Толкователь ответил: под кроватью зарыт клад. Тот копает и находит некоторое количество

золота, которое кругом обложено серебром. Он посылает толкователю немного серебра. Тот спрашивает: «А от желтка — нисколько?» Потому что, по его толкованию, желток яйца указывает на золото, а белок — на серебро.

Что же, разве помимо этого человека, никто другой никогда не видел во сне яйца? Так почему же только один этот неизвестный нашел клад? Сколь много бедняков, вполне заслуживающих помощи от богов, так и не получили от них во сне указания, где найти клад? И почему сообщение о кладе было дано в такой скрытой форме, через сходство с яйцом? Разве не лучше было открыто указать, где надо искать этот клад, как Симониду было открыто запрещено пускаться в плавание? (135) Ведь темнота сновидения никак не согласуется с величием богов.

LXVI. А теперь перейдем к ясным и понятным снам, вроде того, что приснился аркадянину, чей друг был убит трактирщиком в Мегарах, или вроде сновидения Симонида, в котором похороненный им покойник предупреждал поэта не пускаться в плавание; или того сна, который приснился однажды Александру¹⁴⁹, — я удивляюсь, почему ты о нем умолчал. Птолемей, его близкий друг, в одном из сражений был ранен отравленной стрелой и очень страдал от этой раны. А Александр сидел около него и его одолел сон. И во сне ему, говорят, привиделась змея, которую вскормила мать Александра¹⁵⁰ Олимпиада. Эта змея несла во рту корешок растения и, вместе с тем, говорила. Она сказала Александру, где растет этот корешок (недалеко от того места, где они находились), и что у корня такая сила, что Птолемей от него сразу выздоровеет. Когда проснувшийся Александр рассказал друзьям свой сон, послали людей искать тот корешок. И его нашли, и, говорят, от него вылечился и Птолемей, и многие воины, раненные того же рода оружием. (136) Ты еще многое рассказывал о сновидениях, вычитанное у разных историков¹⁵¹, о снах, которые видели матери Фаларида, Кира старшего, мать Дионисия, карфагенянина Гамилькара, Ганнибала, П. Деция. Известный сон о переднем танцоре, сон Гракха и недавний — Цецилии, дочери Метелла Балеарского. Но это чужие сны, и нам поэтому трудно судить о них. Некоторые, может быть, даже выдуманы, кто их знает кем? А что сказать о наших с тобою снах?¹⁵² О твоём, в котором я упал вместе с конём в реку у берега; о моем, в котором Марий с фасциями, увитыми лаврами, повелел отвести меня в свой храм.

LXVII. Все сны, Квинт, имеют одно разумное объяснение, и, клянусь богами бессмертными, важно уберечься, чтобы наше суеверие и легкое верие не взяли верх над разумом. (137) Как ты думаешь, какого Мария я видел? Я уверен, что Демокриту показалось бы, что я видел призрак или образ Мария. А откуда взялся этот образ? По Демокриту, от плотных и имеющих определенные формы тел истекают «образы» (*imagines*). А какое тело было тогда у Мария?¹⁵³ От того тела, говорит Демокрит, которое у него было [при жизни]; все полно образами и вот такой образ Мария и следовал за мной на Атинейской равнине, ибо никакой призрак невозможно себе представить без воздействия образов извне. (138) Выходит, эти «образы» настолько послушны нам, что, как только захотим, они прибегают к нам? И даже от таких предметов, которые вовсе не существуют? Ведь душа может вообразить себе такое, что она никогда не видела, о чем только слышала, например расположение города или человеческую фигуру. (139) Так что же, если я мысленно представляю себе стены Вавилона или лицо Гомера, то это потому, что на меня подействовал какой-то образ от них? Но в таком случае мы могли бы знать все, что хотим, потому что думать мы можем обо всем? Нет! Никакие образы не прокрадываются извне в души спящих и вообще никакие образы не текут. И я не знаю другого такого человека, который бы так авторитетно говорил самые пустые вещи. Такова уж сила, такова природа самих душ, что в состоянии бодрствования они движутся без всякого внешнего воздействия, но собственным своим движением и с невероятной скоростью. С помощью членов тела и самого тела и чувств души все очень ясно видят, мыслят, чувствуют. Но когда душа лишена этой поддержки со стороны тела, когда тело

спит, тогда душа приходит в движение сама собой¹⁵⁴, и в ней возникают и мечутся разные образы (*formaе*) и действия, и ей кажется, что она многое слышит, многое говорит. (140) Разумеется, все это в душе расслабленной и предоставленной самой себе проносится в беспорядке, перепутанное и измененное на все лады. И все это по большей части происходит в душе, как следы того, о чем мы в бодрствующем состоянии думали или что делали. Так получилось и с моим сном. В те времена я много думал о Марии, вспоминал, как он неустрашимо и стойко переносил все превратности своей судьбы. Это, я уверен, и было причиной того сновидения.

LXVIII. А тебе, так как ты с тревогой думал обо мне, я вдруг приснился вынырнувшим из реки. Потому что у обоих у нас в душах были следы тех дум, которые владели нами, когда мы бодрствовали. Да еще кое-что к этому добавилось — мне — о храме Марии, а тебе, что конь, на котором я ехал, тоже вместе со мной упал в воду, и затем снова появился из воды. (141) Но найдется ли, по-твоему, такая безумная старуха, которая бы верила во сны, если б они случайно иногда не сбывались?

Александр увидел во сне говорящую змею. Может быть, все это выдумка про сон, может быть, — правда. В любом случае ничего тут удивительного нет. Ведь он в действительности не слышал говорящую змею, а только видел во сне, что слышит. И, более того, что змея говорила, держа во рту корень. Но для спящего нет ничего невозможного. А я спрошу тебя, почему Александр, который видел этот сон, такой ясный, определенный, больше ни разу не видел ничего подобного? Что касается меня, то, кроме того сна о Марии, я решительно ни одного не помню. Напрасно, значит, я проспал столько ночей за свою долгую жизнь¹⁵⁵. (142) А ныне, поскольку мне пришлось отойти от общественных дел, я и сократил свои занятия по ночам и стал спать днем после обеда (раньше я так обычно не поступал), но хотя сплю так много, ни в одном сне не получал я предупреждения о тех, в особенности важных, событиях. И мне кажется теперь, что я не вижу во сне ничего лучшего, чем когда я вижу магистратов на форуме или сенаторов в курии¹⁵⁶.

LXIX. (143) А если говорить о второй части¹⁵⁷ нашего деления, то что это за непрерывность и взаимосвязь в природе, которую, как я уже сказал, греки называют *συμπάθεια*¹⁵⁸ и в силу которой под яйцом надо понимать клад? Медики, те по некоторым признакам узнают и о наступлении болезней, и об обострении их. Говорят, что указания на состояние здоровья можно получить по некоторого рода сновидениям, например предстоит ли нам поправиться или похудеть. Но что общего, какая естественная связь (*cognatio naturalis*) между снами и кладом, или наследством, или почестью, или победой, и многим другим в том же роде? Говорят, что если человеку приснилось, что он совокупился с женщиной, то это значит, что у него выделились камни. Тут я улавливаю эту «симпатию», ибо спящий видит во сне то, что дает результат, связанный с естественной причиной (*vis naturae*), а не иллюзорной¹⁵⁹. Но какая естественная причина породила тот призрак, который повелел Симониду не пускаться в плавание?¹⁶⁰ Или какая имела связь между природой и описанным некоторыми авторами сном Алкивиада?¹⁶¹ Ему незадолго до его гибели приснилось, что он надел на себя одежду своей любовницы. Когда же он, убитый и брошенный без погребения, лежал всеми покинутый, то его подруга прикрыла труп своим плащом. Так что же, все это уже заключалось в будущем и имело естественные причины, или и в том, что ему привиделось, и в том, что произошло, сыграл свою роль случай?

LXX. (144) Неужели не ясно, что догадки самих истолкователей более обнаруживают остроту их ума, чем силу и согласие природы? Бегун, задумавший выступить на Олимпийских состязаниях, увидел себя во сне едущим на колеснице, запряженной четырьмя лошадьми. Утром он — сразу к толкователю. Тот: «Победишь, — говорит, — именно это означает

скорость и сила лошадей». После этого он — к Антифонт. А тот: «Быть тебе побежденным! Разве непонятно, что четверо прибежали раньше тебя?»

А вот другой бегун (рассказами об этих снах полны книги и Хрисиппа и Антипатра, но вернусь к бегуну) сообщил толкователю, что он во сне сделался орлом. Тот: «Ты победишь! Ведь ни одна птица не летает быстрее орла». А Антифонт тому же бегуну растолковал по-другому: «Простофиля ты, — говорит, — разве сам не понимаешь, что будешь побежден? Ведь эта птица, преследуя других птиц в полете, всегда сама оказывается позади?»

(145) Некая матрона, желавшая родить и бывшая в сомнении, беременна она или нет, увидела во сне, будто у нее наложена печать на детородные части. Обратилась к толкователю. Один сказал, что не могла она забеременеть, так как ведь была запечатана. А другой — «Беременна, — говорит, — ведь пустое никогда не бывает запечатано»¹⁶². Каково искусство толкователя с его игрой ума? И что иное обнаруживают рассказанные мною сны и еще бесчисленное количество других, собранных стойками, как не хитрость, людей, которые, основываясь на некотором сходстве, толкуют то так, то этак?

Врачи получают некоторые указания о болезни по пульсу, по дыханию больного и по многому другому предвидят будущее. Кормчие на кораблях, когда видят кальмаров, выскакивающих из воды, или дельфинов, заплывающих в порт, соображают, что это предвещает бурю¹⁶³. Но эти приметы можно разумно объяснить, их можно легко сообразовать с природой. То же, о чем я немного ранее говорил, — никоим образом.

LXXI. (146) Осталось рассмотреть еще один довод. Говорят, продолжительные наблюдения над замечательными явлениями и записи их сложились в искусство. Но разве можно наблюдать сны? Каким образом? Их ведь бесчисленные разновидности. Нам может присниться столь извращенное, нелепое, чудовищное, что невозможно и представить себе. Как же можно эти бесчисленные и постоянно новые разновидности снов собрать в памяти, и собранное записать? Астрологи проследили движение планет и, вопреки прежним представлениям, открыли неизменный порядок в их передвижениях. Но, спрашивается, какой порядок, какая согласованность может быть у снов? Как можно различать между верными и неверными снами, когда за одинаковыми снами, приходящими к разным людям, или даже к одному и тому же человеку, следуют разные события?

Мы обычно не верим лжецу, даже когда он говорит правду. Но вот что меня удивляет: если какой-то один сон оправдался, то вместо того, чтобы отказать в вере одному, поскольку множество других не оправдались, поступают наоборот: считают нужным верить в бесчисленное множество, ссылаясь на то, что один оправдался.

(147) Итак, если не бог, — творец снов, и нет у них ничего общего с природой, и не могла из наблюдений открыться наука снотолкования, то этим доказано, что снам совершенно не следует придавать значения. В особенности еще и потому, что те, кто видят сны, сами не сведущи в дивинации, а те, которые толкуют чужие сны, основываются лишь на догадках, а не на естественных причинах — случай же в течение почти бесчисленных веков порождает много более удивительного наяву, чем в сновидениях, — и наконец, потому что нет ничего более ненадежного, чем толкования (снов), когда один и тот же сон может быть истолкован по-разному, а иногда даже в прямо противоположном смысле.

LXXII. (148) Таким образом, наравне с другими видами дивинации следует отвергнуть и этот — дивинацию по сновидениям. Ибо, по правде сказать, это суеверие, распространившись среди народов, сковало почти все души и держится оно на человеческой слабости. Об этом уже говорилось в моих книгах о природе богов¹⁶⁴, и в теперешнем обсуждении я, как только

мог, старался это показать, так как мне казалось, что и нам самим и нашим согражданам мы этим принесем большую пользу. Но (я хочу, чтобы это было правильно понято) если суеверие следует отбросить, то этим вовсе не отбрасывается религия. Ведь мудрому свойственно сохранять и соблюдать установления предков и священные обряды¹⁶⁵. А красота мира и порядок¹⁶⁶, который царит на небесах, побуждают род человеческий признать существование некоей вечной превосходной природы и преклоняться перед ней. (149) Поэтому, так же как следует распространять и поддерживать религию, которая сочетается с познанием природы, так суеверие следует вырывать со всеми его корнями. Ибо оно, суеверие, на нас наступает, нам угрожает, нас, куда ни повернись, преследует, — слушаешь ли ты прорицателя, или заклинание (omen), совершаешь ли жертвоприношение или наблюдаешь за птицей, встречаешь ли халдея или гаруспика, сверкает ли молния, или прогремит гром, или молния во что-то ударит, или что-то похожее на чудо родится или произойдет. А так как подобные факты неизбежно происходят, то никогда наш разум не пребывает в покое. (150) И сон, который, казалось, должен был бы быть для нас прибежищем от всех тягостей и забот, сам порождает множество забот и ужасов. Эти ужасы, сами по себе пустые и бессмысленные, и не обратили бы на себя внимания, если бы их не взяли под свое покровительство философы, да не из самых последних¹⁶⁷, а люди острого ума, понимающие, где правильно заключение и где противоречие, считающиеся даже исключительными, превосходными философами. Если бы Карнеад не оказал сопротивление их произволу, то, право, не знаю, пожалуй, только их и считали бы философами. С ними-то у меня в основном и идет спор и состязание, не потому, что я их более всего презираю, а потому, что они как раз особенно умело и умно защищают свои мнения.

А так как Академии свойственно не выдвигать никакого своего решения, а одобрять то, что выглядит наиболее похожим на истину, сопоставлять доводы, выставлять то, что можно сказать о каждом из мнений, отнюдь не пуская в ход свой авторитет, но предоставляя слушателям полную свободу выбора между ними, то и мы будем придерживаться этого обычая, который передан Сократом. Этим методом мы с тобой, брат Квинт, если тебе угодно, и будем как можно чаще пользоваться»¹⁶⁸.

«Для меня, — сказал Квинт, — не может быть ничего более приятного».

После этих слов мы поднялись.

ПРИМЕЧАНИЯ О ДИВИНАЦИИ. Книга II

1. Диалог «Гортензий» был написан в 45 г. и имел характер «побуждения» (exhortatio) к занятиям философией. От него сохранились только фрагменты. Большинство других упоминаемых Цицероном ниже философских сочинений написаны примерно в это же время, 45—44 гг.
2. Имеется в виду вторая цицероновская редакция диалога «Учение академиков» (Academia posteriora) в четырех книгах. Первая редакция этого сочинения (Academia priora) состояла из двух книг. До нас дошла вторая книга первой редакции сочинения («Лукулл»), а также часть первой книги второй редакции и отрывки из остальных.
3. В пяти книгах — трактат Цицерона «О пределах добра и зла».
4. Об этом своем сочинении Цицерон неоднократно упоминает в «Тускуланских беседах» (I, 65—66; I, 76; I, 83). Сочинение это не сохранилось. Можно предполагать, что основное его содержание изложено в I и II книгах «Тускуланских бесед». Книга «Утешение» была написана Цицероном вскоре после смерти его любимой дочери Туллии (45 г.).
5. Ср.: Цицерон. О природе богов, I, 7; Он же. Тускуланские беседы, I, 1; Он же. Брут, 228.

6. *Тяжелое положение государства* — в период гражданской войны и диктатуры Цезаря (49—44).
7. Ср.: *Платон*. Государство, 545 С; 546 А; *Цицерон*. О государстве, I, 65—69.
8. *Ныне* — т. е. после смерти Цезаря.
9. *В Ликее* — см.: I, 8, *примеч.*
10. *Заимствованными у меня примерами* — ср.: I, 29; I, 55.
11. Ср.: II, 150; *Цицерон*. О природе богов, I, 75; I, 60; III, 1.
12. *Тиресий* — см.: I, 83, *примеч.*
13. В софизме «лжец», который приписывается философу сократической школы Евбулиду, ставится вопрос: «Если какой-нибудь человек говорит, что он лжет, то лжет ли он или говорит правду?» Ср.: Учение академиков, II, 95. Софизм «сорит» («куча») начинается с вопроса: «Составляет ли одно зерно кучу?» — «Нет». Затем следует: «А если добавить еще одно зерно?» — «Тоже нет». Вопросы повторяются многократно, и в конце концов оказывается, что в результате добавления одного зерна образовалась «куча», что в начале отрицалось. Ср.: *Цицерон*. Учение академиков, II, 49; *Диог. Лаэрт.*, II, 108.
14. *Греческий стих* — из трагедии Еврипида «Елена» (757—760); Ср.: *Цицерон*. К Аттику, VII, 13, 4.
15. *Но ты сказал* — см.: I, 13; I, 16.
16. См.: I, 13—15.
17. *Случай с Марцеллом* — Публий Клавдий Марцелл [Марк Клавдий Марцелл. — Прим. О. Любимовой.] — консул в 166, 155 и в 152 гг., был в 148 г. послан сенатом во главе посольства в Африку и погиб при кораблекрушении. Ср.: *Цицерон*. О судьбе, 33.
18. Ср.: I, 119; I, 125; II, 24; *Цицерон*. О судьбе, 26; 32—33, 45.
19. Ср.: *Цицерон*. О судьбе, 19, 48; *Он же*. О старости, 4.
20. Ср.: *Цицерон*. — О природе богов, II, 103; *Лукреций*. О природе вещей, V, 751—770; *Плиний*. Естественная история, II, 47.
21. *Вид темного конуса* — Ср.: *Плиний*. Естественная история, II, 51.
22. *Конечно, могло бы!* — по мнению некоторых исследователей, эти слова являются глоссой, внесенной каким-то переписчиком, недовольным фаталистической постановкой предыдущего вопроса, может быть, — одним из стойков, чьи воззрения по этому вопросу представлены в I, 82, или христианином, который пытался защитить свободу воли. Ср.: *Августин*. О граде божьем, V, 9.
23. Ср.: II, 54; II, 105; *Цицерон*. О природе богов, III, 14.
24. *Ряд случаев злосчастной гибели* — ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 70.
25. Ср.: I, 29.
26. После битвы при Фарсале, потерпев поражение от Цезаря, *Помпей* бежал в Египет, и там был убит по приказанию царя Птолемея, желавшего таким образом снискать расположение Цезаря (48 г.).
27. *Перед статуей Помпея* — ср.: *Плутарх*. Цезарь, 66.
28. *На глазах преданных ему центурионов* — Цезарь сделал сенаторами многих преданных ему лиц незнатного происхождения, в том числе из армейских командиров невысокого звания.
29. Ср.: *Аппиан*. Гражданские войны, II, 118; *Светоний*. Юлий Цезарь, 82.
30. *Происходит по воле судьбы* — ср.: II, 20.
31. *Гомер... в своей поэме* — Илиада, XVI, 431 сл. Сарпедон, сын Зевса и Европы, ликийский царь, был союзником троянцев. Ему суждено было погибнуть от руки Патрокла.
32. *Греческом стихе* — оригинал не сохранился.
33. *Ателлана* — древнеримская народная комедия. Какой именно стих и из какой комедии имел в виду Цицерон, неизвестно.
34. *Ты говорил* — см.: I, 11; I, 34.
35. Ср.: I, 70.
36. Трезво-рационалистическое отношение Цицерона к религии выражено в ряде других мест его философских трактатов. Ср.: I, 8; I, 105; II, 42—43; II, 74—75; *Цицерон*. О природе богов, I, 118; III, 50.

37. Стих из трагедии Энния «Ифигения». Ср.: Цицерон. О государстве, I, 30.
38. Ср.: I, 112.
39. Головку печени — ср.: I, 119.
40. Ср.: II, 28.
41. Ср.: Цицерон. Учение академиков, II, 118.
42. У мышей зимой увеличиваются печеночки — ср.: Плиний. Естественная история, XI, 196; XVIII, 227.
43. Ср.: Катон. О земледелии, XXI, 2; XXXVII, 4.
44. Ср.: Цицерон. О природе богов, III, 28.
45. Ср.: I, 80; I, 110.
46. Бессердечного Цезаря — *excordis* букв. «бессердечный»; в латинском языке имело также значение «лишившийся ума» (древние римляне считали сердце вместилищем ума). Мы перевели «бессердечный», чтобы сохранить имеющуюся в оригинале игру слов.
47. Возможность возникновения из ничего отрицали не только эпикурейцы, но также и стоики. Ср.: Диог. Лаэрт., VII, 148—150. В данном случае Цицерон, обращаясь к стоику, ссылается на одно из основных положений его школы.
48. *Эквимелий* — рынок на Капитолии, на котором продавали животных для пожертвований.
49. *Наших стоиков* — о насмешливом отношении эпикурейцев к стоикам см. также: Цицерон, О природе богов, I, 75; I, 123.
50. Ср.: Там же.
51. Ср.: Цицерон. О пределах добра и зла, I, 21.
52. По преданию, Ромул учредил вблизи основанного им города Рима на Капитолийском холме, в долине между двумя рощами, так называемый азилум — священное убежище для всех преследуемых. Ср.: Тит Ливий, I, 8, 5.
53. Ср.: Цицерон. О природе богов, I, 46—50; I, 123; III, 3.
54. Ср.: Там же, I, 85; I, 123.
55. Ср.: Там же, I, 85; Лукреций. О природе вещей, II, 646—651.
56. Аргументы стоиков см.: Цицерон. О природе богов, II, 164—165.
57. *Этруски разделили небо на 16 частей.* — ср.: Плиний. Естественная история, II, 143.
58. *В наших записях* — имеются в виду, очевидно, авгурские книги. Ср.: I, 72.
59. Ср.: Диог. Лаэрт., VII, 153—154.
60. Ср.: Лукреций. О природе вещей, VI, 396; 404—405; 421—422; V, 1127—1128.
61. См.: I, 19—22 и примеч.
62. *Я ничего не говорю против* — подход, характерный для Новой Академии. Ср.: II, 48; Цицерон. О природе богов, III, 1; III, 4.
63. *Пинарии* — патрицианский род, выполнявший жреческие функции.
64. Ср.: I, 24, примеч.
65. Легенда о *Тегете* послужила сюжетом также для Овидия (Метаморфозы, XV, 553 сл.)
66. Ср.: Цицерон. О природе богов, I, 71, где нет ссылки на Катона, очевидно, потому, что это выражение стало уже поговорочным.
67. Ср.: Валерий Максим, III, 7, 6. Ганнибал после Второй Пунической войны бежал из Карфагена. Некоторое время он прожил при дворе Антиоха Великого, помогая ему советами в войне с Римом (192—190). После поражения Антиоха Ганнибал перебрался к вифинскому царю, который в то время воевал с пергамским царем Евменом. По Плутарху, слова Ганнибала были обращены не к вифинскому царю, а к Антиоху.
68. Ср.: Светоний. Юлий Цезарь, 59.
69. *Во время этой гражданской войны* — между Цезарем и помпеянами (49—45 гг.).
70. *Из Рима в Грецию* — в 48 г. в Северной Греции собрались бежавшие из Рима помпеянцы и сторонники Республики, в числе которых был и Цицерон, и его брат Квинт.
71. *Великая глупость* — ср.: Цицерон. О природе богов, III, 25, где Котта упрекает стоиков в том, что они, если не могут дать разумное объяснение каких-либо явлений, то прибегают к богу точно к спасительному убежищу.
72. Стих из трагедии «Ифигения» (Фален).

73. *Перед Марсийской войной* — ср.: I, 99 и *примеч.*
74. Ср.: *Луcretий*. О природе вещей, I, 147 сл.
75. Ср.: I, 36.
76. *По Гомеру* — ср.: *Гомер*. Илиада, II, 299—300. Однако в «Илиаде» нижеследующие слова произносит не Агамемнон, а Одиссей. Такую же ошибку допустил Цицерон. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, II, 9, где греческие стихи переведены довольно свободно.
77. *Калханта-авгура* — в греческом тексте нет слова, соответствующего слову «авгур».
78. Ср.: I, 72. Далее Цицерон перечисляет случаи, приведенные Квинтом в I, 72—79; I, 100—101.
79. «Жребий» в латинском языке имело два значения: 1) Палочки, служившие для метания или вытягивания жребия, и 2) изречение оракула.
80. *Марсийскому*, — *может быть, но римскому* — ср.: I, 105; просвещенные римские авгуры противопоставлены суеверным прорицателям из италийского захолустья.
81. *Мы не из тех авгуров* — «мы» — относится к официальным римским авгурам, входившим в состав авгурской коллегии. В отличие от «частнопрактикующих» авгуров, в их прямые обязанности не входили наблюдения за знаменами. Ср.: *Цицерон*. О законах, II, 21.
82. Ср.: I, 105; II, 28.
83. «*Квинт Фабий*» — в смысле «Имярек» (Ср.: *Цицерон*. О судьбе, 12). Далее следуют формулы авгурского ритуала.
84. Ср.: I, 27—28 и *примеч.*
85. Ср.: II, 43.
86. *Ты напомнил* — ср.: I, 33; *Цицерон*. О природе богов, II, 10—11.
87. *В других местах* — может быть, Цицерон имеет в виду ранее написанный им трактат «О законах».
88. *О Дейотаре* — ср.: I, 26; II, 20; II, 78—79.
89. *Марк Клавдий Марцелл* был консулом в 222, 215, 214, 210, 208 гг.
90. Право совершать авгурии имели, помимо авгуров, избранные на комициях высшие военные и гражданские должностные лица, которые по окончании срока должности слагали с себя и право на ауспиции. Но со времени Суллы провинциями стали управлять и вести военные действия не только выборные магистраты, но и назначенные помимо выборов (стало быть, не имеющие законных прав на ауспиции).
91. *Лектика* — носилки, частью закрытые, которые несли рабы.
92. В чем состоял ауспиций «*ярмо*» (iuges) — неясно.
93. *Принимал Цезаря... как врага и как гостя* — в 47 г., когда Цезарь с армией выступил в Малую Армению.
94. *Тетрархия* — область, которой управлял назначенный Римом правитель — тетрарх, в данном случае Дейотар. Трокморская тетрархия находилась в восточной части Малой Азии.
95. *Отнял... Армению* — так называемую Малую Армению. Римляне называли Арменией область в верхнем течении рек Тигра, Евфрата и Аракса, выделяя в ней Великую Армению к северу от Евфрата и Армению Малую к югу от Евфрата. Ср.: *Цицерон*. Речь в защиту Дейотара, 19.
96. Строка из «*Анналов*» (Фален).
97. *Гомеровский Аякс* — Цицерон ошибочно приписал ниже следующие слова Аяксу. У Гомера их произносит Одиссей. Ср.: *Гомер*. Илиада, IX, 223; 236.
98. Ср.: I, 102.
99. Ср.: I, 103, где девушка названа Терцией; ее полное имя было, очевидно, Эмилия Терция.
100. Ср.: *Плутарх*. Красс, 17.
101. «*Кавнские*» — т. е. из города Кавна (в Южной Карию), славившегося своими вкусными фигами.
102. *Игра в пальцы* — игроки, глядя друг на друга, одновременно поднимают правые ладони, меняя число вытянутых пальцев, и каждый в то же время называет сумму пальцев, поднятых им и его партнером. Выигрывает тот, кто правильно угадал.

103. *Фортуна Примигения* («Перворожденная») в римской мифологии дала жизнь прочим божествам, в том числе Юпитеру и Юноне.
104. *Архелай* — ближе неизвестен. *Кассандр* — неясно, о каком Кассандре идет речь. Судя по контексту, он был современником Панетия, т. е. жил в середине или во второй половине II в. *Скилак Галикарнасский* — тоже лицо, ближе неизвестное.
105. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, II, 53.
106. Ср.: I, 6.
107. Ср.: *Геродот*. История, VI, 52.
108. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 49; II, 99; III, 20.
109. *От ближайшей звезды Меркурия* — ср.: Там же, II, 52, где ближайшая звезда — Венера.
110. «Троглодиты» — греч. «жители пещер». О троглодитах упоминают многие древние авторы. По Страбону, они жили на западном побережье Красного моря, недалеко от Эфиопии. Геродот знает о «троглодитах» Ливии. (История, IV, 183). Ср. также: *Плиний*. Естественная история, V, 43.
111. Ср.: *Цицерон*. Об ораторе, I, 260; *Плутарх*. Демосфен, 9, 11.
112. *О Тарутии Фирмане*, римском астрологе, упоминает также Плиний (Естественная история, XVI) и Плутарх (Ромул, 12).
113. *Париллии* (или «палиллии») — праздник в честь древнеиталийской богини Палес, покровительницы пастухов и скота. Справлялся 21 апреля, и в этот же день, по преданию, Ромулом был заложен Рим.
114. *Дикеарха... Кратиппа* — ср.: I, 5, *примеч.*
115. *Раскованно и свободно* — ср.: I, 4; I, 129.
116. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 72.
117. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, X, 41; *Лукреций*. О природе вещей, I, 958—987.
118. *Вы... диалектики* — Цицерон имеет в виду стоиков, к которым он здесь относит и Квинта, несмотря на то что Квинт выразил свое несогласие с их взглядами по некоторым вопросам. См.: II, 100.
119. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 45; *Диог. Лаэрт.*, X, 139.
120. Цитата из трагедии Энния «Теламон» (Фален).
121. Ср.: I, 10; *Цицерон*. О природе богов, I, 2.
122. Событие, о котором идет речь, описано рядом авторов (*Светоний*, Юлий, 79; *Дион Кассий*. Римская история, XIV, 153; *Аппиан*. Гражданские войны, II, 110). Светоний называет имя этого «толкователя» — Луций Котта: «На... заседании сената Луций Котта квиндецимвир (т. е. член коллегии, ведавшей толкованием сивиллиных книг, — *М. Р.*) высказал мнение, что так как в книгах судеб содержится, что парфян может победить только царь, то следует присвоить Цезарю титул царя». Не исключено, что среди оракулов в сивиллиных книгах действительно содержалось некое неопределенное указание на царя, которому предстоит одержать победу над иноземными врагами Рима, а Котта из политических соображений отнес этот оракул Цезарю, который в это время готовился к войне с парфянами.
123. *Вот уж в море* — см.: I, 67.
124. *Увы, смотрите* — см.: I, 114.
125. *Публицию* — см.: I, 115; *Марсийские прорицатели* — см. I, 89; I, 115; *Изречениям Аполлона* — см.: I, 115; *Гребец из флота Копония* — см.: I, 68—69.
126. *О, Святой Аполлон* — стихи неизвестного автора.
127. *Крезу был выдан оракул* — ср.: *Геродот*. История, I, 53—54.
128. *Пирр* — царь Эпира. Эпирские цари выводили свое происхождение от легендарного Эака, царя Эгины, ставшего после смерти одним из трех судей подземного царства мертвых. В 280 г. Пирр вторгся в Италию, нанес несколько поражений римлянам, но в конце концов был разбит ими (в 275 г. при Беневенте).
129. Этот и следующие стихи из «Анналов» Энния (179—181).
130. В приведенном стихе оракула употреблен латинский оборот «винительный с инфинитивом», что придало ответу оракула двойной смысл: Aio te, Aeacida, Romanos vincere

- posse: можно перевести: «Я говорю тебе, Эакид, Рим сможет победить» и «Я говорю, ты, Эакид, сможешь победить Рим».
131. Ср. насмешливые отзывы об Эпикуре в II, 103; *Цицерон*. О природе богов, II, 49.
132. *Почему в Дельфах уже не выдаются прорицания* — ср.: I, 38.
133. *Демосфен... говорил, что пифия «филиппствует»* — ср.: *Плутарх*. Демосфен, 20. Демосфен подозревал, и не без оснований, что дельфийская пифия подкуплена царем Филиппом Македонским.
134. Ср.: I, 64; I, 170.
135. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 158.
136. Ср. I, 60—62.
137. *Поступающий извне образ* — ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 109, где Цицерон передает греческое εἶδωλον через “*imago*”.
138. *Ложного под видом истинного* — ср.: II, 121.
139. «*Венерин*» бросок — ср.: I, 23.
140. Ср.: II, 34.
141. Из какого произведения Энния взята цитата, неизвестно. (Фален).
142. *Стоики... утверждают* — ср.: *Секст Эмпирик*, IX, 132.
143. *Евфорион* (276 — ок. 200 г.) — прославленный греческий поэт и ученый, которого, однако, осуждали за излишнюю «темноту» речи. Ср: *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 45.
144. *Темен Гераклит* — ср.: О природе богов, I, 74; *Лукреций*. О природе вещей, I, 639—640.
145. Цицерон, видимо, перевел здесь строку из какого-то недошедшего до нас греческого стихотворного произведения.
146. Из трагедии Пакувия «*Антиопа*».
147. *Testudo* — имеет два значения: «черепашка» и струнный инструмент выгнутой формы, например, кифара.
148. *На ремне* — имеется в виду один из переплетенных ремней, которые поддерживали матрас на римской кровати.
149. Об этом сновидении Александра сообщает также Диодор Сицилийский (Историческая библиотека, XVII, 103, 3 сл.); Страбон (География XV, 2, 7); Курций Руф (IX, 8, 20 сл.), Юстин (XII, 10, 2 сл.). Не упоминает Арриан.
150. *Змея, которую вскормила мать Александра* — ср.: *Плутарх*. Александр, 2; *Павсаний*. Описание Эллады, IV, 14, 7. По-видимому, это была змея из породы крупных неядовитых.
151. Ср.: I, 46; I, 39; I, 50; I, 48—49; I, 51; I, 55; I, 56, I, 99.
152. См.: I, 58—59.
153. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 106—108.
154. *Душа приходит в движение сама собой* — ср.: II, 128—129; О старости, 78, 81.
155. *За свою долгую жизнь* — Цицерону было 62 года, когда он писал эту книгу.
156. Вряд ли, замечает Пиз, эта юмористическая картинка соответствовала действительности, в особенности после мартовских ид, когда политическая активность сената и магистратов особенно оживилась.
157. См.: II, 124.
158. Ср.: II, 34; II, 124.
159. Ср.: сходные рассуждения: *Цицерон*. О судьбе, 7—8; *Плиний*. Естественная история, XXVIII, 228.
160. Ср.: I, 50.
161. Ср.: *Валерий Максим*, I, 7, 8; *Плутарх*. Алкивиад, 39.
162. Ср.: *Плутарх*. Александр, 2.
163. Ср.: *Плиний*. Естественная история, XVIII, 361; *Теофраст*. О приметах бури, 40.
164. Ср.: *Цицерон*. О природе богов, I, 45; I, 55—56; *Лукреций*. О природе вещей, I, 62—65. Лукреций, однако, не делает разницы между суеверием и религией. Цицерон религию отделяет от суеверия. Ср.: О природе богов, II, 72. Введя в оборот термин “*superstitio*”, Цицерон неизменно придает ему негативный смысл в противоположность религии.

165. *Мудрому свойственно сохранять и соблюдать установления предков* — ср.: II, 28; Цицерон. *О природе богов*, III, 5; *Он же*. *Об обязанностях*, I, 116; *Он же*. *Тускуланские беседы*, I, 2; IV, 1.

166. *Красота мира и порядок* — один из главных аргументов стоиков в пользу существования богов.

167. *Философы, да не из последних* — ср.: ряд других похвальных отзывов Цицерона о стоиках (напр., *О природе богов*, I, 4).

168. Ср.: Цицерон. *О природе богов*, I, 11; *Он же*. *Тускуланские беседы*, IV, 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I	(стр. 1)
Книга II	(стр. 39)